

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Статья написана при участии трех регионов

Консультанты: Jose Renato Avzaradel (Латинская Америка),

Allannah Furlong (Северная Америка) и Judy Gammelgaard (Европа).

Межрегиональный координатор и сопредседатель: Eva D. Papiasvili (Северная Америка)

Перевод осуществлен членами Московского психоаналитического общества
Переводчики: Татьяна Драбкина, Гиль Сон И, Ольга Исакова, Майя Немировская
Редакторы: Татьяна Алавидзе и Марина Арутюнян
Координатор: María Inés Nieto

1. ВВЕДЕНИЕ И ВВОДНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Представление о бессознательном как об основополагающем открытии, сделанном в психоанализе, и как о ключевом допущении в психоаналитической теории является общепринятым. Несмотря на то, что это понятие претерпело последовательные изменения в учении Фрейда, бессознательное из топографической теории Фрейда с вытекающей отсюда децентрированной теорией субъективности занимает в классическом психоанализе отдельное место как выдающееся и фундаментальное открытие. Фрейд не первым использовал термин «бессознательное», но он первым придал ему ключевое и системное место в метапсихологии и разработал методический подход к его разнообразным проявлениям. Фрейд (1912a) делает превосходный краткий обзор обоснований для гипотезы о бессознательных психических процессах, указывая на такие клинические явления, как постгипнотическое внушение и невротические, в первую очередь истерические, симптомы, а также на такие непатологические явления, как шутки, ошибочные действия и сновидения. Допущение бессознательных явлений можно обнаружить уже в практиках чудесных исцелений, анимизма, магнетизма, месмеризма, гипнотизма и медицинской психологии XIX века. Общей для этих практик является концепция о дуализме психики, согласно которой психика состоит из наблюдаемого и его противоположности, т.е. скрытого и интуитивного убеждения и/или восприятия. На ранних этапах своей профессиональной деятельности Фрейд принимал этот неокартезианский дуализм, но постепенно появлялась концепция радикально иного вида бессознательного, того, что является не вторым сознанием, а чередой непрерывных «психических действий», которые качественно отличаются от рациональной, взрослой, сознательной психики.

Занимаются покорением «незнакомца внутри себя» не одни только психоаналитики, но только они делают каждодневным объектом своего исследования эпистемологические, клинические и этические смыслы этого подрывающего, но все-

таки поддающегося трансформации в психике. В отсутствие представления о бессознательных процессах, считал Фрейд, нам трудно объяснять психические явления (1915с, стр. 166-171). Он «всегда настаивал на доводах в пользу этого и пресекал возражения» (Strachey, in: Freud, 1915с, стр. 161).

Впервые в опубликованном виде Фрейд использовал термин «бессознательное» в 1893 году в «Исследованиях истерии» (Freud, 1893), также и самые последние неоконченные фрагменты его теоретических текстов 1938 года под заголовком «Несколько первых уроков психоанализа» (Freud, 1940с) посвящены новым обоснованиям этого термина.

Если подытожить, расширить и доработать статьи из недавно появившихся в разных странах словарей (Akhtar, 2009; Auchincloss, 2012; Laplanche&Pontalis, 1967/1973; Borensztein, 2014), можно сформулировать следующее(-ие) **определение(-я)** «бессознательного».

В ходе развития психоаналитической теории понятие «бессознательного» («бессознательное») в основном использовалось следующим образом: **«динамическое бессознательное»** - в первую очередь, относится к активно вытесненному материалу, неприемлемому для сознательной психики; в широком смысле, относится ко всему содержанию, которое хранят вне осознания и которое оказывает давление в отношении сознания; **«система бессознательного»** относится к той сфере психики, которая действует только в соответствии с принципом «удовольствия-неудовольствия» и руководствуется мышлением «первичных процессов» под управлением «бессознательной логики»; **«описательное бессознательное»**, имеющее также название «предсознательное», относится к тому, что некоторое психическое содержание не является в данный момент сознательным. **Содержание «бессознательного»** включает в себя инстинкты (влечения) и репрезентации инстинктов; материал, накопленный в силу «первичного вытеснения»; содержание, на которое надавила сила вытеснения; и филогенетические схемы, которые организуют «первичные фантазии». **«Бессознательное» как качество, в форме прилагательного**, появляется в Структурной теории/во Второй топографии: ид, эго и суперэго. В этой теории всё ИД (Es= Оно) является бессознательным, но части Эго (Ich= Я) и Суперэго (UBER ICH=Идеальное Я, интернализированные нравственные принципы) также являются бессознательными. Во всех работах Фрейда и во многих пост-фрейдистских и современных психоаналитических моделях «бессознательное» в виде прилагательного является также частью служебных понятий – **бессознательные процессы и переработка, бессознательные объектные отношения, бессознательный конфликт, бессознательная фантазия, бессознательное эго-функционирование, бессознательная коммуникация, бессознательная логика, аментивное бессознательное, и «истинное»** (не поддающееся расшифровке) бессознательное.

Хронологически работу Фрейда можно разделить на следующие периоды:

С 1893 по 1900 г.г. до издания «Толкования сновидений» - **открытие «динамического бессознательного»;**

1900 – 1923 г.г. можно озаглавить либо **«система бессознательного»**, либо **«топографическое бессознательное»;**

после 1923г. – издание работы «Я и Оно» - можно отнести к **«бессознательному» в «структурной модели»/ «второй топографической модели»** психики.

Построение теории у Фрейда не было линейным и характеризуется постепенным усложнением, поэтому эти модели неизбежно накладываются друг на друга.

Что касается формы и стиля, то сокращения, принятые Фрейдом, БСЗ, ПСЗ и СЗ относятся к словам «бессознательное», «предсознательное» и «сознательное» соответственно. Использование заглавной или строчной буквы в словах «Бессознательное», «Ид», «Эго», «Суперэго» приводится в соответствии с принятым использованием в определенной школе. Терминология «топографической теории» (в англоязычном психоанализе Северной Америки) синонимична «первой/ранней топографии» в европейском и отчасти франкоязычном канадском психоанализе; также синонимичны «структурная теория» в Северной Америке и «поздняя/вторая топография» в европейском и отчасти франкоязычном психоанализе Северной Америки. Везде используются оба названия для соответствующих теорий. Если не указано иначе, курсивом выделены термины, определяющие понятийный аппарат теории.

Главные теоретические разработки Фрейда на тему бессознательного можно найти в следующих трудах: в главе VII «Толкования сновидений» (1900b), в «Статьях по метapsихологии» (1915 a,b,c) и в «Я и Оно» (1923a). Краткое изложение того, как разрабатывалось понятие бессознательного в работах Фрейда можно найти во «Введении в психоанализ. Лекции» (1916, 1917), в двух статьях для энциклопедии (1923b), в «Новых лекциях по введению в психоанализ» (1933) и в «Очерке психоанализа» (1940a). Стрейчи предупреждает англоязычного читателя о неоднозначности английского слова “unconscious” (бессознательный), которая практически отсутствует в немецком слове. Немецкие слова ‘bewusst’ и ‘unbewusst’ по грамматической форме являются пассивными причастиями, обычно имеют смысл примерно такой - «осознанно знаемое» и «неосознанно знаемое». Для Фрейда сознательное и бессознательное были пассивными переживаниями.

II. ОБЗОР ПРОЦЕССА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В РАБОТАХ ФРЕЙДА

II. А. Открытие динамического бессознательного (1893-1900)

Психоанализ родился, когда Фрейд совершил свое революционное *открытие динамической функции защит* в этиологии истерии. В защитах от воспоминания (вытеснение) Фрейд обнаружил важную роль сопротивления, «...психической силы у пациентов, противодействующей тому, чтобы патогенные мысли осознавались (вспоминались)». Новое понимание словно бы открылось перед моим мысленным взором, когда я вдруг понял, что без сомнения это должно быть та же самая психическая сила, которая участвовала в образовании истерического симптома и в то время помешала патогенной идее стать сознательной» (Breuer&Freud, 1893-1895, стр. 268, курсив в оригинале). Эта сила сопротивления, а также противоположно направленная сила, толкающая вверх отвергнутый патогенный материал, до определенной степени поддается количественному измерению, поскольку воспоминания «стратифицируются» пропорционально их близости к «патогенному ядру». Более того, именно в результате вытеснения идея становится причиной возникновения симптомов болезни, то есть становится патогенной (там же, стр.285).

Чтобы вытеснение состоялось, требуется постоянный расход сил. Симптомы возникают вследствие несостоятельности вытеснения, другими словами, вследствие возвращения вытесненного. Одновременно с этим, оторванный от вытесненной мысли аффект используется для «соматической иннервации» (там же стр.285) и проявляется как истерическая конверсия в телесный симптом. Новаторский психоаналитический метод свободных ассоциаций возник из понимания того, что «*бесполезно пытаться проникнуть к ядру патогенной организации напрямую*» (там же, стр. 292, курсив в оригинале), поскольку чем глубже находятся слои патогенной организации, тем более чуждыми для эго они являются (там же, стр. 290).

Вытеснению подвергаются не все переживания из раннего детства. В теории Фрейда подчеркивается, что содержание бессознательного состоит из детских фиксаций: желаний, отмеченных инфантильной сексуальностью. В этот ранний период, как известно из переписки с Флиссом (Freud, 1892-1899), Фрейд разрабатывал идеи, ставшие впоследствии известными как *теория соблазнения*: взрослый соблазнял ребенка, такая связь оставляла следы расстройства, которые потом появлялись в сознании, смещенные и искаженные силами, противостоящими их осознанию. Изначально теория соблазнения была теорией патогенной сексуальной травмы, произошедшей до наступления взрослого возраста и единственно определяющей последующую психопатологию. Детский травматический опыт мог быть забыт, диссоциирован или вытеснен лишь для того, чтобы вновь активироваться или оказать отсроченное травматическое воздействие в подростковом возрасте, после пубертата. Непреходящим наследием динамической стороны бессознательного является представление о силах, которые попарно соединяются в динамическое противостояние, вследствие чего появляются новые психические образования. В 1893-1895 гг. Фрейд говорил о противостоянии связанных с травматическими событиями аффектов и нравственных запретов со стороны общества. По мере продвижения в самоанализе в 1895-1900гг. Фрейд все больше был склонен рассматривать противоборствующие силы как внутренние: в этот период он работал над созданием своей первоначальной теории психического аппарата, организованном двумя силами, действующими в паре по принципу динамического противостояния: бессознательным желанием и запретом, ориентированным на реальность.

На этом этапе, когда теория бессознательного еще не была систематизирована, Фрейда поразила мысль о том, что время от времени психический материал подвергался *перераспределению, переложению*. В личной переписке с Вильгельмом Флиссом 6 декабря 1896 года Фрейд (1892-1899) пишет ему, что работает над положением о том, что «*психический механизм*» действует в виде *следов памяти*. Они подвергаются процессу стратификации, перераспределяются в соответствии с восприятием, и следы памяти в дальнейшем подвергаются переложению. Идея состоит в том, что в психическом аппарате постоянно происходит переложение сцен, услышанных и увиденных, но еще неправильно понятых. Это – первое указание на понятие *Nachträglichkeit*. В черновике «Проекта» (1895), не публиковавшемся при жизни Фрейда, он объяснял истерию в терминах *Nachträglichkeit*: «... вытесняется воспоминание, которое становится травмой только в результате отложенного действия [Nachträglichkeit] (Freud, 1895, стр.365). С этой точки зрения, бессознательное содержит в себе искаженные следы памяти сцен из самого раннего детства, которые невозможно было перевести, потому что ребенок еще не владел языком или потому

что в то время ребенок не мог понять эти сцены. Вследствие этого они имеют качество несимволизированных «вещей». Этот первоначальный каузальный механизм бессознательного отошел на задний план, когда на следующем этапе развития теории Фрейд поставил на место травмы/сцены соблазнения до наступления взрослого возраста фантазию в качестве единственной детерминанты последующей психопатологии (Freud, 1892-1899, письмо от 21 сентября 1897, стр.260). Представление о воспоминаниях как о внутренних инородных телах, атакующих изнутри, уступило место идее о фантазии, которая постепенно стала краеугольным камнем психической реальности в понимании Фрейда, тем не менее вопрос, что более значимо: «*сексуальная травма*» vs «*фантазия*» звучал еще долгое время. Понимание важной роли фантазии в психических событиях открыло путь к обнаружению инфантильной сексуальности и *универсальной фантазии об Эдиповом комплексе*, которая описана в письме от 15 октября 1897: «Мне открылась одна общезначимая мысль. Я обнаружил, и в моем собственном случае в том числе, влюбленность в мать и ревность к отцу, что теперь я считаю универсальным событием в раннем детстве... Если так оно и есть, то становится понятной мощная сила воздействия Царя Эдипа... в этой греческой легенде подхвачено компульсивное стремление, которое узнают все, потому что чувствуют в себе его существование. Каждый слушатель в зачаточном состоянии и в фантазии был когда-то Эдипом, и каждый в ужасе отшатывается от исполнения этой фантазии, перенесенной легендой в реальность, вместе со своим вытеснением, которая отделяет его инфантильное состояние от нынешнего» (Freud, 1892-1899, стр.265).

Фрейд никогда не отменял этиологической значимости сексуальной травмы, позднее (1914, стр.17) он утверждал, что «необходимо учитывать психическую реальность вместе с практической реальностью», и «фантазии о том, что было соблазнение, особенно интересны, потому что зачастую это не фантазии, а настоящие воспоминания» (1917, стр.370). Позднее Фрейд вновь обратился к концепции *Nachträglichkeit* и расширил ее понимание в знаменитом случае «Человека-волка» (Freud, 1918). Ответы на вопрос, как сопрягается воздействие травматической стимуляции, исходящей снаружи в виде восприятий, с травматической стимуляцией, исходящей изнутри психики в виде влечений и фантазий, Фрейд стремился дать в своих трудах.

Развивая далее свою теорию после 1897 года, Фрейд постепенно начал обрисовывать процессы и механизмы, управляющие бессознательным, позднее они стали нам известны как «первичный процесс». 7 июля 1897 года он пишет: «Я приблизительно понял правила, по которым эти структуры соединяются и причины их большей силы по сравнению с истинными воспоминаниями, так что я узнал кое-что новое, и это поможет мне охарактеризовать процессы в БСЗ» (Freud, 1892-1899, стр. 189-195). Именно в этот период он также закладывает основы «первой теории тревоги», в которой постулирует не только прямое преобразование вытесненного либидо в аффект тревоги, но и впервые признает значение тревоги и причинно-следственной связи между ней и тем, что впоследствии станет известно как травматическое состояние.

II. Б. Топографическое бессознательное: система БСЗ 1900-1923гг.

В ранней топографической модели психического аппарата бессознательное как имя существительное характеризовалось наличием определенного содержания, состояло из вытесненных репрезентаций влечений, которое прежде всего работало путем сгущения и смещения в соответствии с первичным процессом свободной подвижной энергии. Только если эти бессознательные идеи сильно инвестированы («катектированы») либидинальной энергией, они могут получить доступ к системе предсознательное/сознательное. Из-за цензуры предсознательного эти процессы всегда принимают вид компромиссного образования, свидетельством чего служат симптомы, сновидения и ошибочные действия.

С помощью исследования, прежде всего, сновидений Фрейд понял, что бессознательное следует определять не только как отсутствие сознания, но и тем, каким образом оно работает. Отсюда он выводил свое понимание важного понятия первичных процессов. В седьмой главе «Толкования сновидений» Фрейд отметил абсурдность работы сновидения, которую нельзя было просто приписать работе цензуры. «Поэтому мы вынуждены сделать вывод о том, что в образовании сновидений участвуют два фундаментально разных вида психических процессов. Один из них производит абсолютно рациональные мысли-сновидения, не менее верные, чем обычные мысли; тогда как другой процесс обращается с этими мыслями в чрезвычайной степени обескураживающе и иррационально» (Freud, 1900b, стр.597). Первичный процесс и *бессознательный символизм первичного процесса в сновидениях* характеризуется свободно текущей психической энергией, которая беспрепятственно перемещается с помощью механизмов сгущения и смещения. Благодаря свободе, с которой может переноситься эта энергия путем сгущения создаются *промежуточные идеи*, напоминающие компромиссы. Связанные с реальностью логические законы мышления – вторичный процесс и его языковой символизм – неприменимы к первичному процессу. Это также относится и к закону противоречия. Противоречивые идеи существуют бок о бок, не отменяя друг друга. *Они могут объединяться таким образом, каким никогда бы не смогли объединиться в сознательном мышлении. И наконец, в ходе первичного процесса мысли переносят свою интенсивность друг на друга, вступая в «самые легко разъединяемые взаимоотношения»* (там же, стр. 596). Если вначале Фрейд приписывал решающую роль в иррациональных процессах цензуры, то в конце он отдал превалярующее место первичному процессу наряду с логическими мыслями в сознательном. Он пишет, что иррациональные процессы «являются *первичными*. Они появляются всегда, когда предсознательный катексис [инвестирование] уходит из идей, и они остаются сами по себе и могут зарядиться незаторможенной энергией из бессознательного, которая стремится найти выход» (там же, стр. 605). Таким образом, первичный процесс – это модус функционирования психической жизни, для которого характерна свобода от торможений сознательного мышления. Первичный процесс следует понимать как организующий принцип, существующий в обычной взрослой жизни в качестве альтернативы преобладающим логически и вербально организованным вторичным процессам со свойственным им коммуникативным символизмом языка. Одна важная характеристика первичного процесса – терпимость к двойственности и к противоречию. Другая характеристика – галлюцинаторное исполнение желаний в процессе восприятия в настоящем (Freud, 1912a). Понимаемый таким образом первичный процесс является познавательным

процессом, который существенно отличается от определения познания в психологии познания.

Однако именно в работах по метапсихологии Фрейд (1915 a,b,c) систематизировал понятие бессознательного в его экономическом, динамическом и топографическом смысле.

В работе «Инстинкты и их судьба» (Freud, 1915a) инстинкты определяются как понятие на границе между физической и психической областями.

В работе «Вытеснение» (Freud, 1915b) Фрейд проводит различие между *первичным вытеснением*, «психическим (идеационным) представителем инстинкта, которому не дают прохода к сознанию» (Freud, 1915, b, стр. 148), и «*вытеснением как таковым*», «*подавлением*». («после – выдавливающее» - прим переводчика.)

В работе «Бессознательное» (Freud, 1915c) топографическая теория достигает своей вершины. Вначале Фрейд дает общее описание представления о *динамическом бессознательном*, состоящем в том, что оно оказывает *противодействие деятельности вытеснения*. Далее он констатирует существование бессознательного в его производных: ошибочных действиях, симптомах и сновидениях, и показывает, что то, что мы чувствуем, думаем, вспоминаем и делаем, по большей части также находится под влиянием производных бессознательного. Фрейд проводит различие между *латентными* действиями, которые временно и лишь *описательно бессознательные*, но могут стать сознательными через связь со словом, и *вытесненными* процессами и содержанием, которые всегда бессознательны и динамически удерживаются вне сознания (соответствует *динамическому бессознательному*). В бессознательном нет никаких «или – или»; *первичный процесс* и его свойства – *телескопичность, смещение и сгущение* – применимы к бессознательному точно так же, как они были применимы пятнадцать лет назад к «процессу сновидения». Фрейд постулирует наличие двух локаций цензуры: одна – между системами БСЗ и ПСЗ, которую при определенных обстоятельствах можно обхитрить, и вторая – между системами ПСЗ с СЗ. Эмоции, чувства и аффекты из БСЗ исключены. Об аффекте можно сказать, что он «бессознательный» только после восстановления связи вытесненной идеи с эмоцией.

Фрейд выделил разные модусы функционирования в системах сознательного и бессознательного, далее он изучил, как протекают процессы *перехода в сознательное и перехода в бессознательное*. Он предложил две альтернативные гипотезы: 1) тезис о «прописке» в двух местах; 2) тезис о функциональном изменении. Когда психическая идея перемещается из бессознательного в сознательное, означает ли это, - спрашивает он, - что у нас «новая запись – как будто бы вторая регистрация – рассматриваемой идеи... и наряду с ней продолжает существовать изначальная бессознательная регистрация. Или мы убеждены больше в том, что перемещение состоит в изменении состояния этой идеи, в изменении, которое затрагивает тот же материал и происходит в том же месте?» (Freud, 1915c, стр. 174). Первая гипотеза – топографическая, поэтому она связана с топографическим разделением систем сознательного и бессознательного. В ней предполагается, что идея может существовать одновременно в двух местах в психическом аппарате и, если не встречает сопротивления цензуры, может передвигаться из одной системы в другую. Эта гипотеза основывается на допущении, что интерпретация создаст связь между двумя «прописками» одной идеи, расположенными соответственно в системах бессознательного и предсознательного. Однако опыт показывает, что так происходит не во всех случаях. Характер бессознательного существенно отличается от того, что мы передаем словами, или как

написал Фрейд, предоставленная пациенту информация о его вытесненном воспоминании необязательно связывает его с бессознательным следом памяти: «По психологической сути услышать о чем-то и что-то пережить – это два совершенно разных процесса, даже если их содержание одинаково» (там же, стр.176). Более пристальное изучение механизма вытеснения, понимаемое как изъятие инвестиции (катексиса), говорит в пользу второй гипотезы. Далее Фрейд обращается к вопросу о том, в какой системе происходит это изъятие и к какой системе принадлежит изъятая энергия. Исходя из своего опыта о том, что вытесненная идея сохраняет свою инвестированность, он делает вывод, что из идеи может быть изъята лишь предсознательная инвестиция; иными словами, вытеснение – это процесс, принадлежащий предсознательному. Следовательно, в ходе вытеснения происходит изъятие ментальной энергии (катексиса) из предсознательной идеи, в то время как бессознательный катексис сохраняется. Это согласуется со второй гипотезой, а именно, что в таком случае переход между системой бессознательного и системой предсознательное/сознательное заключается не в новой регистрации, а в изменении ее состояния, т.е. качества психической энергии, отведенной ей. Обе гипотезы служат для привлечения внимания к сосуществованию двух противоположных процессов, требующих двух разных объяснений. Гипотеза о *регистрации в двух местах* может оказаться подходящей для иллюстрации процесса перехода в сознательное, а гипотеза о *функциональном изменении* подходит для описания процесса вытеснения, она указывает на асимметрию между переходом в сознательное, с одной стороны, и вытеснением, с другой.

Когда Фрейд стал изучать мир репрезентаций в области бессознательного, возникла третья значимая гипотеза, различающая вещь-презентацию и слово-презентацию. Предложение *различать слово-презентацию и вещь-презентацию* стало следствием наблюдений, которые лежали за пределами сновидений и неврозов. «Анализ только одного заболевания, которое мы называем нарциссическим психоневрозом, сулит нам продвижение в представлении о том, как загадочное БСЗ станет для нас доступнее и как будто бы осязатее» (Freud, 1915, стр. 196). В речи больного шизофренией слова могут подчиняться первичному процессу, характерному для бессознательного, вследствие чего слова становятся конкретными или подобными вещам. Фрейд решил, основываясь на этих наблюдениях, что то, что ранее описывалось как сознательная презентация объекта, следует отличать от презентаций слов и презентаций вещей соответственно. Сознательная идея включает в себя вещь-презентацию и принадлежащую ей слово-презентацию, тогда как бессознательная презентация, со свойственным ей качеством галлюцинации, характеризуется только вещь-презентацией. Стоит отметить формулировку на немецком языке того, что мы понимаем под вещь-презентацией: Фрейд говорит о “*Sachbesetzungen der Objekte*” (предметный катексис объектов), указывая на то, что в бессознательном нет разницы между вещью и репрезентацией вещи. Однако во внимательном и сфокусированном состоянии сознания нельзя воспроизвести вещественное качество бессознательного: можно лишь пассивно ожидать его появления.

В этот период Фрейд использовал идеи из своих ранних работ в новом контексте и начинал разрабатывать идеи, которые будут полностью систематизированы только на следующем этапе развития теории.

«Фрагмент анализа случая истерии» (Freud, 1905a) прорабатывает концептуальную связь между «Толкованием сновидений» и работой «Три очерка по теории сексуальности» в отношении инфантильной сексуальности, а также примечателен вниманием, впервые уделенным, *переносу* – явлению из динамического бессознательного.

В «Трех очерках по теории сексуальности» (1905b) Фрейд исследует стадии *психосексуального развития и инфантильную (бессознательную) сексуальность*.

Тонкости уклонения от цензуры с помощью видоизмененного использования свойственной первичному процессу двусмысленности и частичному высвобождению инстинктивных импульсов в шутках тщательно изучаются в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905c).

В работе «Тотем и табу» (1912-1913) Фрейд исследует преобразование бессознательной враждебности в чрезмерную симпатию (стр.49), а также бессознательную проекцию враждебности на умерших: «Враждебность, о которой выжившие ... не желают ничего знать, выталкивается из восприятия внутреннего во внешний мир... Больше не скажешь, что они ликуют, что избавились от мертвого человека; наоборот, они горюют по нему; но... он превращается в злого демона... и хочет их убить. Тогда ...выжившим приходится защищаться от этого злого врага; они освободились от давления изнутри, но лишь променяли его на притеснение снаружи» (стр.62-63). Этот текст является превосходным изложением *филогенетических схем, проявляющихся посредством первичных фантазий*, как одного из содержаний бессознательного.

В работе «Из истории одного инфантильного невроза» (1918) Фрейд сделал вывод о трудности, которую испытывают маленькие дети в проведении различий между тем, что является сознательным, а что - бессознательным, и между тем, что есть «реальность», а что - «фантазия». Трудность возникает из-за того, что «система СЗ все еще находится в процессе развития» (стр.105). В этом заключается дальнейшее изучение двойственной природы психики в процессе развития, о чем Фрейд уже размышлял примерно за три года до этого, когда говорил о коммуникации между системами СЗ и БСЗ: «Четкого и окончательного деления между содержанием двух систем, как правило, не происходит до пубертата» (Freud, 1915c, стр.195).

В работе «Ребенка бьют» (1919), предвосхищающей теорию о дуализме инстинктов, Фрейд исследовал садо-мазохистические бессознательные фантазии у мальчиков и девочек о том, что их бьют отец и мать. В этом важном тексте о формировании фантазии Фрейд выделяет три фазы, начинающиеся с того момента, как ребенок увидел, что бьют другого ребенка. И все-таки вторая фаза «самая значимая и самая судьбоносная из всех» (стр.185) по двум причинам. С одной стороны, мазохизм рассматривается как вторичное образование/стадия садистического инстинкта, обращенного на «я», и в этом процессе вытесненного. Это связано с универсальной бессознательной инфантильной сексуальностью, лежащей в основе невротических феноменов: «инфантильная сексуальность, которая остается вытесненной, действует как главная мотивирующая сила в образовании симптомов; и существенная часть ее содержания - Эдипов комплекс – является центральным комплексом неврозов» (стр.204); он становится наследием в виде универсальной фантазии: «Архаическое наследие человека образует центр бессознательной психики; и всякая часть этого наследия, которую приходится оставить... потому что она непригодна ... становится жертвой процесса вытеснения.» (стр.203-204). С другой стороны, продукцию детской фантазии можно верифицировать только косвенно: «В определенном смысле можно сказать о ней, что она никогда не существовала по-настоящему. О ней никогда не вспоминают; она никогда не становилась сознательной. Это конструкция анализа, но тем не менее в этом смысле необходимая» (стр.185).

«По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920) – текст переходный, больше известный тем, что к сексуальному влечению добавилось агрессивное. В этом окончательном изложении «теории о дуализме инстинктов» Фрейд также продолжает разрабатывать вневременной и вездесущий характер бессознательного: «Мы узнали,

что бессознательные психические процессы по сути «без времени». Это означает, что в первую очередь они не подчиняются времени, что время их никак не меняет, и что представление о времени к ним неприменимо... (стр.28). Предвосхищая следующий этап теории развития, он вводит понятие бессознательного эго: «С определенностью можно сказать, что эго само по себе является бессознательным, и особенно то, что мы могли бы описать как его центр; лишь малая часть эго покрывается понятием «предсознательное»» (стр.19). В этом тексте также переформулировано понятие о *бессознательном конфликте*: если раньше конфликт рассматривался *между сексуальным инстинктом и инстинктом самосохранения* (Freud, 1911c, 1914b), то теперь в 1920 г. конфликт описан *между инстинктивными влечениями и защитой*. Несмотря на то, что разнообразные защиты, отличающиеся от вытеснения или являющиеся его частью, уже были идентифицированы, однако на протяжении этого периода (Freud, 1908, 1909b, 1911c, 1915a) они еще не были систематизированы, и вытеснение использовалось в качестве синонима защиты, когда речь заходила о концептуализации бессознательного конфликта.

II. В. Бессознательное в структурной модели/второй топографии: 1923-1939.

«Бессознательное» как система было оставлено Фрейдом и отчасти заменено на ид, когда в 1923 году он изменил (первую) топографическую модель на «структурную теорию»/вторую топографию ид, эго и супер-эго. Эта трансформация означала радикальную перемену в теории Фрейда не только относительно бессознательного, но и в том, что касается эго и влечений. Основное отличие между бессознательным и ид состоит в том, что в глубинных пластах ид нет репрезентаций. Ид состоит из сексуальных и агрессивных инстинктивных импульсов, ранее описанных в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Freud, 1920). В более поздней метафоре Фрейда ид – это «хаос, котел с бурлящими возбуждениями» (Freud, 1933 стр.73).

В отличие от «ид», Фрейд использует «эго» во всех своих работах, хотя и усовершенствует представление о нем по мере развития своей теории, опираясь на введенные ранее понятия нарциссизма и идентификации (Freud, 1914b). Среди существенных изменений в организации эго в 1923 г. – полное признание *бессознательного эго функционирования*, которое восходит к 1895г. Тогда Фрейду пришел в голову образ «инфильтрата» для описания трудности в разделении «патогенной организации» от самого эго. Он отмечал: «На самом деле, патогенная организация ведет себя не как чужеродное тело, а больше как инфильтрат. Похожим образом следует рассматривать сопротивление как то, что образует инфильтрат» (Breuer&Freud, 1893-1895, стр.290). В новой «структурной модели» дальнейшую систематизацию и ясную локализацию в бессознательном эго получают многие ранее выявленные защитные механизмы (идентификация, инкорпорация, проекция, интроекция, реактивное образование, уничтожение сделанного, регрессия и т.д.) в отличие от вытеснения и в добавление к нему.

Идея о возможном существовании других видов защит исторически восходит к далеким 1890-м годам. В то время Фрейд (1894, 1896) ввел тип защиты, который имел более серьезные регрессивные патогенные последствия для психического равновесия, чем вытеснение, встречающееся у невротических пациентов. Это интуитивное открытие Фрейд подробнее описывает в исследовании случая Шребера (1911c), где вводит механизм «отказа» или «отторжения» со стороны эго (*Verwerfung*) - мощный процесс, для которого позднее Лакан изобретет термин «форклюзия». К этому не-невротическому механизму Фрейд снова возвращается в работе «Человеке-Волке»

(Freud, 1918) и определяет его как процесс стирания или удаления способности психики к репрезентации. Этот процесс гораздо серьезнее, чем цензура или вытеснение, в нем происходит *отмена репрезентаций*, отчего в психике возникает дыра или пустота. Это направление мысли Фрейд дополнил в 1925 г., когда ввел в употребление механизм отрицания [Verneinung], и в 1927г, когда описал расщепление эго [Ich Spaltung], понятие, к которому он вернется в тексте о «Расщеплении эго в процессе защиты» (1940[1938]). Пока Фрейд работал в рамках модели бессознательного как системы, пытаюсь раскрыть вытесненное с помощью интерпретации, бессознательное виделось в таких «позитивных» по содержанию формах, как фантазии, желания, мысли и т.д. После того, как были введены в теорию «негативные» формы защит, взгляд Фрейда на эго существенно изменился; и наряду с сексуальными нарушениями у невротиков, он теперь рассматривает возможные виды перверсии в функциях эго. Эти нарушения можно наблюдать в виде «непоследовательности, эксцентричности и сумасбродства людей» (1924, p153). В основном именно аналитики-последователи Фрейда вычленили принцип «негативного» как базовое допущение в работах Фрейда. Бион («негативная способность»), Лакан (слово как отсутствие вещи), Грин («работа негатива»), Зальцман («анархистский импульс») и другие признавали, что бессознательное – это не только скрытое наличие/стремление к репрезентации, но в равной степени в нем содержатся мощные формы отсутствия, одновременно защитные и разрушительные приписывания.

В «структурной модели»/«второй топографии» 1923 года содержание эго, в основном предсознательное, но его значительную часть занимает динамическое бессознательное. У этого представления тоже есть предшественники в (первой) «топографической теории», когда еще в 1915 г в статье о «Бессознательном» Фрейд отметил: «Очень большая часть этого предсознательного возникает из бессознательного» (Freud, 1915, стр.191). В дальнейшей работе Фрейд отмечал, что соображения, на которые он ссылается, имеют все отличительные признаки бессознательного формирования, но «были высоко организованы, свободны от внутреннего противоречия, пользуются всеми приобретениями системы СЗ и, по нашей оценке, их трудно отличить от образований этой системы» (там же, стр.190). В этом месте еще до «структурной теории» 1923 года Фрейд пишет о мысли, сформированной в бессознательном и обладающей качествами мышления вторичного процесса. Тем не менее, систематического изучения таких наблюдений за разнообразными составными частями эго пришлось ждать до работы «Я и Оно» (Freud, 1923a), - книги, ознаменовавшей «структурную теорию»/«вторую топографию».

«Я и Оно» (1923a) часто считают последней главной теоретической работой Фрейда. В ней он постулирует два типа бессознательного: латентное бессознательное и динамическое. «*Латентное бессознательное*» способно стать сознательным (через связь со словами), и его следует рассматривать как строго описательный термин. «*Динамическое бессознательное*» является частью такого бессознательного, которое ввиду первичного вытеснения не способно стать сознательным. Фрейд добавляет, что термин «*бессознательное*» следует применять к «*динамическому бессознательному*», несмотря на то что он считал невозможным избежать *двойственности в использовании терминов описательного и динамического бессознательного*. Это, содержание которого преимущественно предсознательное, имеет две поверхности – внутреннюю и внешнюю. В отличие от первоначальной идеи о связи эго с сознательным, в «структурной модели» сознательной является только внешняя воспринимающая поверхность, также называемая «*согласованное эго*». Между тем внутренняя поверхность, которая обращена к ПСЗ, динамически является бессознательной. В этом

месте Фрейд подошел к вопросу о *бессознательных сопротивлениях*, который стал одним из самых значительных факторов, определивших его переход к «структурной модели», и главным в изучении проблем, возникающих, когда первичный процесс сводится к вытесненному бессознательному. Он писал: «Но поскольку не вызывает сомнения то, что это сопротивление исходит из эго и принадлежит ему, мы оказываемся в непредвиденной ситуации. Мы натолкнулись на нечто в самом эго, что тоже является бессознательным и ведет себя точно так же, как вытесненное – а именно, оказывает мощное воздействие без осознания этого и требует особенной предварительной работы для того, чтобы его можно было сделать сознательным» (стр.17). Фрейд обдумывает «антитезис между согласованным эго и тем вытесненным, что от него отщеплено» (стр.17), и он прибавляет, что бессознательное больше не совпадает с вытесненным; все, что вытеснено, является бессознательным, но не все, что бессознательно, является вытесненным. Кроме того, в качестве психической проекции поверхности тела «эго, прежде всего и главным образом, является телесным эго» (стр.27). Эго является представителем внешнего мира (реальности), тогда как суперэго становится представителем внутреннего мира, т.е. представителем ид. Суперэго – это такой особенный вид эго, представляющий интернализированные нравственные запреты и идеалы общества; наследник Эдипова комплекса. Два вида инстинктов из книги 1920 года, Эрос и Танатос, «связанные, перемешанные и сплавленные друг с другом» (там же, стр.41) расположены в ид. Фрейд писал: «Внутренне человек разнообразными способами справляется с опасными инстинктами смерти: отчасти их обезвреживают связыванием с эротическими компонентами, отчасти их направляют на внешний мир в виде агрессии, при этом по большому счету они несомненно продолжают беспрепятственно вести свою внутреннюю работу». И он добавил: «Чем больше человек контролирует свою агрессивность, тем сильнее становится стремление эго идеала к агрессивности в отношении эго» (там же, стр.54). Эго является структурой, стремящейся к синтезу, «миротворцем», который смягчает конфликтующие склонности ид и суперэго, и «послом», который стремится к компромиссу между внешним миром и тремя психическими инстанциями/системами ид, эго и суперэго.

Через три года в работе «Торможения, симптомы и тревога» (Freud, 1926) появились полное объяснение бессознательного межсистемного конфликта между тремя системами/структурами психики – ид, эго и суперэго – и вторая теория тревоги. В этой работе говорится, что тревога размещается внутри эго. *Тревога* теперь рассматривается как *мотив для защиты*, а не как ее следствие. *Сигнальная тревога* – это видоизмененная рудиментарная архаическая травматическая тревога, сигнализирующая об опасностях, связанных с утратой объекта, утратой любви объекта, кастрацией и утратой внутреннего принятия/любви со стороны суперэго». Тревога активизирует защиты, которые теперь однозначно размещены внутри бессознательного эго. Описание защит расширилось и в дальнейшем: в работе «Фетишизм» (1927) Фрейд описал «*отрицание*» [disavowal], как бессознательное убеждение в том, что можно одновременно и знать и не знать (стр.154). В работе «Расщепление эго в процессе защиты» (1940b[1938]) основываясь на механизме отрицания, Фрейд изучает *бессознательное расщепление эго* в ущерб эго синтезирующей функции.

Во всех трудах Фрейд возвращается к своим самым ранним представлениям в новом контексте.

Наглядно демонстрируя непрерывность между самыми ранними и поздними стадиями построения теории в работе «Конструкции в анализе», Фрейд (1937а) вернулся к предметному катексису объектов в бессознательном, - гипотезе, которую он выдвинул еще в 1895г. В «Исследованиях истерии» Фрейд (1895) предположил, что пациенты с истерией страдают от реминисценций, которые также можно понимать как внутренние «чужеродные тела». В 1937 г. он снова обращается к этому тезису, заметив, что когда он предложил пациенту конструкцию, тот отреагировал «чрезвычайно ясным» воспоминанием, Sachbesetzung der Objekte. Фрейд построил теорию, согласно которой эти воспоминания являются галлюцинациями, повторяющимися психические переживания из раннего детства, которые потом забылись, а теперь вернулись в качестве таких «чрезвычайно ясных» воспоминаний. Такое «чрезвычайно ясное» воспоминание обнаруживает извержение бессознательного как непосредственного «присутствия», оживление в восприятии-ощущении/возвращении невербализованной или вытесненной рудиментарной «мысли»/фантазии.

«Моисей и монотеизм» (Freud, 1939) – еще один пример пересмотра ранних представлений в новом контексте. В этой работе Фрейд описывает судьбу «бессознательного», памяти и вытеснения с социально-исторической точки зрения. Он утверждает: «Когда Моисей принес людям представление о едином боге, это не стало новостью, это означало лишь оживление человеческого опыта из древних времен, который исчез из сознательной памяти людей... Из психоаналитического лечения мы узнали, что самые ранние впечатления людей, полученные в то время, когда ребенок едва способен разговаривать, в тот или иной момент оказывают воздействие компульсивного характера и сознательно не запоминаются. Мы убеждены, что имеем право сделать такое же предположение о самых ранних переживаниях всего человечества» (стр.129-130). С точки зрения *Nachträglichkeit*, он также пересмотрел травматическую этиологию неврозов из периода так называемой теории соблазнения, сформулированной в 1895-1897гг, и видоизменил формулу: «ранняя травма – защита – латентность – вспышка невротического заболевания – частичное возвращение вытесненного» (Freud, 1939, стр.80) с отсылкой к индивидуальной психологии.

Метапсихологические предположения о «бессознательном» были сформулированы одновременно и последовательно во всех трудах Фрейда; «структурная модель», в которой «состояние бессознательного» считалось качеством, не появилась в одночасье и не заменила полностью «топографическую модель». Есть достаточно доказательств тому, что элементы «структурной теории» формулировались постепенно и предвосхищались задолго до 1923г. Схожим образом «бессознательное», в особенности «динамическое бессознательное» оставалось частью всех психических структур в «структурной теории»: оно наполняло ид и большую часть суперэго, бессознательную часть эго и защиты.

III. Развитие теории бессознательного после Фрейда.

В пост-фрейдовских теориях вместе с возникновением нескольких новых клинических и теоретических моделей концепция бессознательного претерпела заметные изменения на всех трех континентах. Отметим, что первые новые теории современных фрейдистов в Северной Америке - структурная теория/эго-психология и современная теория конфликта обладают заметным сходством. Различия между ними едва заметны,

зачастую сводятся скорее к расстановке акцентов, чем к сути идей. Но, какими бы незаметными они ни были, эти различия все же важны: например, структурная теория/эго-психология делает акцент на функционировании бессознательного эго и его исключительно важной роли в процессах формирования защит и сопротивлений, современная же теория конфликта ставит акцент на синтезирующей функции психики в обращении с конфликтом. Современное многообразие взглядов на бессознательное включает теории аналитиков, придерживающихся таких направлений, как кляйнианское, бионианское, селф-психологическое, теория отношений, французское и латиноамериканское, а также междисциплинарные нейро-психоаналитические взгляды. Этот список завершают различные подходы к групповому бессознательному.

III. А. После Фрейда: развитие структурной теории.

Пересмотр Фрейдом (Freud, 1920, 1923a, 1926) своей теории побудил переосмыслить идеи о бессознательном, в первую очередь в Северной Америке, куда эмигрировали многие эго-психологи в 1930-х. Для многих из этих североамериканских аналитиков, писавших в 40-50е годы двадцатого столетия, бессознательное возникает из недифференцированной матрицы, которая дает потенциал развитию будущего эго и его функциям. Некоторые из этих функций свободны от влияния конфликтов, их Хартманн (Hartmann, 1939, Hartmann, Kris and Loewenstein, 1946) назвал первичными автономными функциями, а другие становятся автономными вторично: только после разрешения конфликтов. Все стороны этого процесса опосредованы отношениями, поскольку идентификации становятся основной функцией эго для усиления такой «нейтрализации» энергии. Постепенно к существующим динамическим, структурным и экономическим теориям метапсихологии Фрейда пост-фрейдовская структурная теория добавляла размышления о генетических, развитийных и адаптивных аспектах (Rapaport and Gill. 1959, Freud, A. 1965).

Здесь возникает важная тема: более значимым становится опыт переживаний ребенка во взаимодействии с окружающими людьми, что влияет в свою очередь на растущую роль новых источников бессознательных инвестиций в трансферентную активность. Учитывая возрастающее влияние Будапешта и Берлина, а позже аналитиков Британской промежуточной школы (British Middle School) и ранних кляйнианцев, современники Хартманна продолжали обсуждать объектные отношения углубляясь в сознательные и бессознательные аспекты самых ранних периодов развития. Эдит Якобсон (Edith Jacobson, 1964) исследовала «Я» и «объект», а Маргарет Малер (Mahler, 1963; Mahler et al. 1975) сформулировала классические представления о сепарации-индивидуации, которые позже пересмотрел Стерн (Stern, 1985). Внимание было направлено на влияние доэдипального периода детства на более позднее развитие, а также на способы интернализации внешнего контроля, проистекающего, в частности, из взаимодействия ребенка с родителями. Акцент ставился на том, как различные бессознательные стремления (участвующие, отсеянные, удовлетворенные или отрицаемые в ткани психологии эго или объектных отношений) формировались из центральной фрейдовской концепции угроз детства: потери объекта, потери любви объекта и кастрации (Freud, 1926).

Якобсон (Jacobson, 1964) внесла особый вклад в теорию бессознательного. Она утверждала, что недифференцированная инстинктивная энергия развивается в либидинальные и агрессивные влечения «под влиянием внешних воздействий» (1964, стр. 13). Фрустрация и удовлетворение, заложенные как следы памяти о детских конфликтах, «по индивидуальным лекалам» организуют эти аффективные переживания в спектр удовольствия-неудовольствия с индивидуальными верхними и нижними порогами. Эта новая эго-психологическая модель предоставила более ясную картину эволюции репрезентаций Я и объекта, которые, как предполагается, присутствуют во всех трех психических инстанциях (Ид, Эго и Супер-эго).

Эго-психология менялась, поскольку теоретики настаивали на необходимости клинических открытий, чтобы подкрепить метапсихологические допущения. В дальнейшем развитии взглядов участвовали как некоторые члены первой группы (например Малер, Якобсон), так и новое поколение мыслителей (например, Берес, Арлоу и Бреннер, 1964, Канцер, 1971, Рэнджел, 1952, Вэнг, 1959 (Beres, 1962; Arlow & Brenner, 1964; Kanzer, 1971; Rangell, 1952; Wangh, 1959)). Новая эра началась с монографии Арлоу и Бреннера (1964), в которой они, постулируя структурный подход, «похоронили» метапсихологическую перспективу. Этот сдвиг помог открыть путь новым формам размышлений о бессознательном. Появились новые «интеграторы», такие как Кернберг, Кохут и Рэнджел (Kernberg (1966), Kohut (1971), Rangell (1969b)). Традиционным эго- психологическим подходом теперь стала структурная модель - подход, который был принят в первую очередь большинством аналитиков в Северной Америке вплоть до конца семидесятых годов.

Одним из основных изменений духа времени в русле этого мышления была реакция против метапсихологической ориентации. Подкрепленный методологией «операционализма» (фокусом на конкретных действиях), упор на анти-метапсихологию получил дальнейшее развитие сначала в работах межличностно/культуральных теоретиков Г.С. Салливана, Хорни, и Фромма (HS Sullivan (1953), Horney (1941) and Fromm (1941)), которые часто избирательно использовали это понятие скорее как второстепенный описательный термин, чем как главный аспект психической жизни. Однако даже в их формулировках такие части личности, как «отчужденная», «плохая», «не-Я» должны удерживаться вне сознания и оттесняться глубоко в «неизменное личное» бессознательное. Хотя этот подход и не являлся мейнстримом, напрямую или опосредованно он внес свой вклад в психоаналитические концептуализации и динамическую работу с серьезной патологией, теории раннего развития и углубление понимания бессознательного взаимодействия в поле переноса-контрпереноса.

Некоторые острые вопросы, повлиявшие на развитие теории бессознательного, проистекали изнутри самой метапсихологической точки зрения. Наиболее значительный вклад, из ответивших на этот вызов, принадлежит Мертону Гиллу,

отвергнутому топографическую точку зрения, и таким образом, остатки метапсихологии (Gill, 1976; 1994) и Джорджу Кляйну (George Klein, 1976). В конце концов, они сформулировали две психоаналитические теории 1) клиническую теорию, основанную на бесспорных эмпирических наблюдениях и 2) умозрительную абстрактную теорию. Рой Шафер (Roy Schafer, 1976) предложил язык действия, который пытался объяснить психологические явления с помощью динамических формулировок, используя глаголы и наречия, а не существительные и прилагательные. Кроме того, Шафер отстаивал идею о способе использования языка как последовательности действий, которая включает мотивационные силы и побуждаемые ими действия. Это был еще один шаг по направлению к *интерсубъективности*. Позже к анти-метапсихологам присоединились Кохут (Kohut, 1977) и Гедо (Gedo, 1979). Гедо отвергал метапсихологию, потому что она упускала из виду «человека» как «действующее лицо», и предлагал взамен *модель Я (селф) в отношениях с объектами*. Начали развиваться новые группы, к которым присоединялись специалисты, практикующие интерперсональный, селф-психологический и реляционный подходы (Gerson, 2004; Hatcher, 1990). В клинической работе все они фокусировали внимание на «интерперсональности», за исключением Томаса Огдена (Ogden, 1992a и b) и Джея Гринберга (Greenberg, 1991), которые вернулись к исследованию бессознательных мотивационных сил.

Развитие в этом направлении сопровождалось целым рядом изменений, так называемых «метапсихологических модификаций», которые продвигали использование структурной модели и психического конфликта (Arlow & Brenner, 1964), роль и функцию бессознательной фантазии и переноса (Arlow, 1961, 1963, 1969 a и b; Arlow и Richards, 1991; Abend, 1990, Gill, 1982; Gill и Hoffman, 1982), развитие характера (Abraham, 1923, 1925 и 1926; Reich, 1931 a и b), *последовательность интрапсихических процессов* (Rangell, 1969a), «*бессознательную функцию принятия решения*» (Rangell, 1969b, 1971), и более *широкий взгляд на компромиссное образование* (Brenner 1976, 1982, 2006).

С этими теоретическими разработками тесно переплетены изменения в том, как понималось *бессознательное*: статический взгляд на него, сфокусированный в первую очередь на его содержании, уступил место другому представлению, имеющему одновременно *подвижное и структурное измерения*. Представление о том, что бессознательное функционирует через организацию фантазии, множественные состояния эго и идентификации (например, трансферентную активность, диссоциации, нарциссические способы установления связи, различные интернализированные объектные отношения, и т.д.), и как активный, гибкий процесс подвижно адаптируется к созреванию, инсайту и интеграции, начинает пропитывать размышления о бессознательном функционировании. Понятие бессознательного начинает осмысляться как имеющее одновременно *структурное и процессуальное измерения*.

Арлоу и Берес (Arlow 1969 a, b и Beres, 1962) по отдельности и вместе (Beres и Arlow, 1974), показали, что *бессознательная фантазия* – это не только организующее тематическое измерение бессознательного, но также измерение, которое – как выражение более архаических желаний – *созревает с развитием*. Такая точка зрения совпадает со взглядами Сандлеров (Sandler's, 1984, 1987, 1994) и Розенблата (Rosenblatt's, 1962) о *прошлом и нынешнем бессознательном* и о бессознательных репрезентациях. К тому же она предвосхищает более поздние определения (Bachant and Adler, 1997) переноса по отношению к адаптивному и архаическому бессознательному функционированию.

В работе «Психоаналитические понятия и структурная теория» Арлоу и Бренер (Arlow и Brenner, 1964) предложили кардинальную реконструкцию понятия бессознательного. В основе этой реорганизации находится связь между тревогой и конфликтом. Тревога стала для Арлоу и Бреннера решающим фактором в развитии конфликта между эго и ид, и в способности эго противостоять инстинктивным влечениям. Слишком большое неудовольствие вызывает тревоги, связанные с основными угрозами детства. Эти тревоги служат вместилищем (тигелем) для страхов, которые организуют бессознательное и продолжают влиять на человека (Richards и Lynch, 2010).

Левальд был еще одним мыслителем, который внес значительный вклад в дальнейшее развитие этого понятия. Его сравнивали с Салливаном, Кляйн, Радо, Кохутом (Cooper, 1988) и Винникотом (Chodorow, 2009), Фейерберном и Гантрипом. Однако сам Левальд считал себя эго-психологом.

В своей работе он подчеркивал *ключевую роль объектных отношений, как в психическом формировании, так и в изменениях*, производимых анализом. Поставленный им акцент на взаимодействие в объектных отношениях вдохнул жизнь в идеи о слиянии влечений и нейтрализации, аналитической нейтральности и терапевтического действия. Например, он считал, что психическая структура инстинктов и ид берет начало во взаимодействии младенца с окружающими (матерью) (Loewald, 1978). Такой взгляд очень близок ранее высказанным представлениям Якобсон (Jacobson, 1964). Эти мыслители рассматривали *инстинкты как продукт взаимодействия*. Вплоть до этого пункта взгляды Левальда более соответствуют взглядам таких аналитиков как Фенихель, Якобсон (1964), Малер, Стоун (1951), и противоречат взглядам Хартмана (Hartmann, 1939), Левенштайна (Loewenstein, 1953) и Криса (Kris, 1956 a, b, c). Однако, Левальд в своих размышлениях пошел несколько дальше, указывая на взаимодействие с окружающими как на решающий аспект в интернализации субъективной репрезентации Я (self) и другого. Он пошел дальше, сменив курс и отдаляясь от конкретных смыслов психической активности, защит и интер/интрасистемных конфликтов. Вместо этого, он сосредоточил внимание на природе взаимодействия с окружающими, отмечая роль, которую это окружение «играет в формировании, развитии и сохранении целостности психического аппарата» (1960, стр. 16). *Взаимодействие* становится для Левальда не только источником

влечений (1960, 1971, 1978), но *центральным аспектом бессознательных процессов*. Такой упор на *взаимодействие как на основной строительный материал психики* привел Левальда к теории бессознательного, использующей и значительно модифицирующей адаптивные и генетические аспекты фрейдовской метапсихологии, и оставляющей в стороне структурно/топографические модели. Он считал, что «...в анализе..., у нас есть возможность наблюдать и исследовать примитивные и более сложные процессы взаимодействия, т.е. взаимодействие между пациентом и аналитиком, которое служит шагом по направлению к интеграции или, наоборот, дезинтеграции эго» (1960, стр.17). Так же как *Винникота* в Великобритании, *Левальда* и *Якобсон* можно считать *предшественниками интерсубъективного движения*.

К началу семидесятых, опыт переживаний ребенка в общении с людьми стал неотъемлемой частью теорий развития психики (Arlow и Brenner, 1964; Spitz, 1957; Mahler et al, 1975; Jacobson 1964). Этот опыт переживаний с первыми объектами, через неизбежные удовлетворение и фрустрацию, оформляет и окрашивает развивающиеся функции эго ребенка (включая определение себя путем идентификаций), а также моральные/этические законы. В рамках психоаналитического сеттинга *из этого раннего опыта сотканы бессознательные желания и страхи*, которые могут запускать отыгрывание, трансферентно/контртрансферентные актуализации, разыгрывания и нарушения границ (Lynch, Richards, Vachant 1997).

На протяжении 1960-х и 1970-х Арлоу *расширял* фрейдовские представления о *бессознательной фантазии*. Если Фрейд считал ее производным бессознательного желания, Арлоу видел в ней компромиссное образование, содержащее в себе все составляющие структурного конфликта (Papiasvili, 1995). Согласно такому, более широкому взгляду, бессознательная фантазия организует мощные инстинктивные желания, страхи и самонаказание, которые запускаются задачами развития. Каждый человек создает свой собственный уникальный набор бессознательных фантазий. Они отражают психические установки, которые пытаются постичь основные психические конфликты, переживания и отношения, а также реагировать на них, управлять ими и интегрировать их. Позже Эбэнд (Abend, 1990) еще более расширит это понятие и добавит, что «действие фантазии может быть направлено на изменение и сокрытие других фантазий, а также приносить удовлетворение» (Abend, 1990, стр. 61). В ходе развития суть нарратива бессознательной фантазии сохраняется, несмотря на то, что ее проявления претерпевают бесчисленные трансформации, в результате которых появляются разные «редакции» бессознательной фантазии, соответствующие разным стадиям развития. Бессознательные фантазии формируют черты нашего характера, определяют наше поведение, установки, создают симптомы и лежат в сердцевине наших профессиональных интересов и любовных отношений. В психоаналитической ситуации бессознательные фантазии составляют основу всех трансферентных установок и действий.

Хотя такие бессознательные фантазии поддаются изменению и продолжают созревать по мере того, как человек бессознательно ищет новые и более эффективные решения, их источник остается архаичным и неизменным, не переставая оказывать динамическое воздействие на переживания. Поэтому бессознательную трансферентную активность можно рассматривать как имеющую одновременно структурный и процессуальный аспекты. Арлоу и Ричардс утверждают, что неприемлемые желания из детства «принимают форму стойких бессознательных фантазий, оказывающих непрерывное воздействие на психику» (1991, стр. 309), которое приводит к компромиссным образованиям, находящимся на континууме от адаптивных до неадаптивных.

Лео Рэнджелл считал, что сфера психоанализа – это область бессознательного интрапсихического конфликта (Rangell, 1967). Он очертил двенадцать последовательных этапов в возникновении бессознательного конфликта, начиная с запуска предваряющего стимула, до окончательного психического результата (Rangell, 1969a). Рэнджелл (1969b, 1971) фокусировался на *функции бессознательного принятия решения эго* в условиях разворачивания вездесущего интрапсихического процесса. С помощью этой функции индивидуум бессознательно выбирает задействовать или не задействовать защитные механизмы, чтобы снизить тревогу, сигнализирующую об опасности. Со временем бессознательные выборы складываются в устойчивые черты характера и определенные ожидания от себя. С помощью последовательности из 12 этапов интрапсихического процесса, Рэнджелл также постулирует «единую теорию тревоги», объединяя первую теорию тревоги из топографической модели и сигнальную теорию тревоги из структурной модели через *преобразование травматической тревоги (пассивное переживание эго) в сигнальную тревогу эго, которое уже предвидит опасность*.

Опираясь на работу Фрейда «О нарциссизме» (1914b), которая явилась одновременно предвестником структурной теории и теории объектных отношений, многие современные фрейдисты были склонны рассматривать *объектные отношения как один из аспектов общей психоаналитической теории* (Blum, 1998). Поскольку объектные отношения стали одним из главных предметов интереса, были предприняты оригинальные попытки интегрировать эго-психологию/структурную теорию и объектные отношения. Кернберг (Kernberg, 1982, 2015) сформулировал представление о *доэдипальном бессознательном интрапсихическом конфликте* как о характеристике пограничных личностей, у которых бессознательный конфликт разворачивается *между интернализированными антагонистическими частями репрезентаций Я (self) и объекта с соответствующими им аффективными диспозициями*. В рамках этой теории аффекты, которые постепенно интегрируются во влечения, рассматриваются как первичная (бессознательная) мотивационная система (см. отдельные темы: Теории объектных отношений и Конфликт). Недавно, Бах, Элман и С. Элман (Bach, 2006, Ellman, 2010, S. Ellman и др., 1998) под влиянием идей Британской школы объектных отношений стали делать особый акцент на страхе сепарации, потере Я, и на том, как Я использует объект. Указывая на сложности пациентов в понимании точки зрения

другого человека, они представляют *эмпатию в качестве инструмента, который преобразует в сознательное то, о чем невозможно было помыслить*. Элман (1998) расширил доступ к бессознательному, представив *разыгрывание как мостик к пониманию бессознательных фантазий*.

III. Аа. Современная структурная теория / Эго-психология.

С точки зрения современной структурной теории/эго-психологии, не все является компромиссным образованием: вытеснение и другие защиты не являются компромиссным образованием, эго не только находит компромисс, но может выбрать из разных альтернатив (Blum, 1998; Rangell, 1969). В рамках этого подхода, *расширяются представления о природе вытеснения*, обсуждаемые Крисом (1956с) и Хартманом (1939; Hartmann, Kris & Lowenstein, 1946) в теории и в отношении подробного клинического материала, теперь они включают многообразие развитых и клинических процессов, происходящих одновременно (Busch, 1992, 1993; Gray, 1994; Ellman, 2010). Используя фрейдовское понятие бессознательного эго как ключевого элемента в процессе проработки (Freud, 1914a) и дальнейшее уточнение теории функционирования бессознательного эго, современная структурная теория и эго-психология изучают разные формы бессознательного, с уважением относясь к ограничениям в объяснительных возможностях своего подхода. Эти течения становятся потенциальным противовесом другой современной тенденции заменять динамическое бессознательное *скрытым, процедурным, автоматизированным и несимволизированным несознательным*. В качестве примера такого подхода, можно привести использование понятий процедурной памяти и автоматизации психических процессов для понимания того, почему и как процессы эго, такие как защиты, сохраняют высокую устойчивость к изменению и требуют значительной проработки, которая включает отказ от использования привычных маневров или защит и сопровождается включением в репертуар новых способов, прежде, чем от защиты можно отказаться. Психоанализ, изучая такие процессы как защиты, может углубить свои познания о форме бессознательного, которая осуществляется через процедурализацию и автоматизацию.

Многие современные эго-психологи отмечают, что вытеснение утратило свое законное центральное место в аналитической работе. С этой точки зрения, кажется, будто разные виды отрицания, такие как минимизация, и особенно акцент на другие реальности (такие, как несимволизированные и процедурные воспоминания) используются, чтобы скрыть особенно нежелательную реальность (в данном случае для многих людей это значимость деятельного вытеснения декларативных воспоминаний и связанных с ними аффектов).

Используя эго-психологический метод дифференциации различных процессов и форм мышления, современные эго-психологи подходят к исследованию непереработанных и несимволизированных пост-травматических воспоминаний, не сводя все бессознательное с его первичным процессом к этому способу воспоминания и

психической переработки. За пределами американской эго-психологии многие авторы предложили свои теории несимволизируемого (например, Bion, 1962; De M'Uzan, 2003). Отдавая дань их клинической ценности, эго-психологи считают, что это позволяет объединить различные процессы: процессы развития, которые относятся к созреванию эго и развитию вторичного процесса из первичного, с травматическим процессом. В рамках американской эго-психологии, Элвин Франк (Alvin Frank, 1969) в своей статье с выразительным названием «Незапоминаемое и забываемое: пассивное первичное вытеснение» описал эту область *непреработанного функционирования* и привел несколько очень впечатляющих клинических примеров.

Недавно для этой формы психического функционирования был предложен термин «нулевой процесс», который не нужно путать с первичным процессом (Fernando, 2009, 2012). Например, характеристикой нулевого процесса является описывающий его «безвременную» природу *замороженный «текущий момент, который всегда происходит прямо сейчас* и никогда не меняется», что принципиальным образом отличается от характеристик «безвременности» первичного процесса: свободного, непрекращающегося и неистощаемого движения. Точно так же «конкретность», «недостаток абстракции», «недостаток символизации вторичного процесса» и «недостаток интеграции» являются маркерами, которые можно применить как к первичному, так и к нулевому процессу, и, тем не менее, они имеют иногда совершенно различное значение в каждом из этих классов психических процессов. «Нулевой процесс» предлагает инструмент концептуализации *пост-травматического психического функционирования*, и подробное изучение его характеристик. Одновременно это понятие позволяет осмыслить важность двух других классов психической переработки, первичного и вторичного процесса, и способ, каким психика организует себя и функционирует в этих процессах. Таким образом, взаимодействие между этими формами функционирования становится более ясным. В нулевом процессе существует иная форма бессознательного, странного рода «*параллельная вселенная*», в которую люди могут проваливаться и оттуда вываливаться, однако совсем не так, как это происходит с «системой бессознательного» или Ид, описанными Фрейдом. С точки зрения современных эго-психологов, все эти области бессознательного продолжают быть важными факторами при нормальном и нарушенном психическом функционировании, и пришло время расширить понимание психики, включив в него все эти области.

III. Аб. Бессознательное в современной теории конфликта (СТК)

Современная теория конфликта сместила фокус своего внимания с производных стадий психосексуального развития на процессы конфликта и компромиссного образования (Arlow, 1966, 1981; Brenner, 1982, 1999, 2006; Richards, 1986). Центральным в этом подходе является важность понимания уникальных фантазий, желаний и страхов, которые были организованы отношениями ребенка с другими людьми. Понимание *интрапсихических процессов*, которые проявляются в

бессознательных фантазиях, сформированных совокупностью психологических, биологических и социальных детерминант и проявляются в них, считается главным в современной теории конфликта.

Хотя раньше Эбенд (Abend 1980, 2005), Бреннер (Brenner 1999, 2002), Ротштейн (Rothstein 2005) и Ричардс (Richards 1986) описывали компромиссные образования как (конкретный) продукт, сегодня позиция многих теоретиков современного конфликта заключается в том, что психическую активность можно точнее понять как непрерывное *действие некоего процесса*, который постоянно ищет лучшее решение для разрешения конфликта и неудовольствия с ним связанного. Психика постоянно занята *синтезом* (Rangell, 2004, 2007), и многое из того, с чем она пытается справиться – это *бессознательные конфликты*. Последовательность интрапсихических процессов (процессов *бессознательного принятия решения*), выстроенная Рэнджеллом (Rangell, 1963a, b; 1969a,b; Lynch and Richards, 2010), помогает представить этот процесс. В современной теории конфликта нет понятия «бессознательного» как структуры или места, где спрятаны секретные воспоминания, и откуда их можно извлечь путем анализа. Слово «бессознательное» здесь используется не как существительное, а как прилагательное или наречие, для обозначения бессознательного аффекта, бессознательных страхов, бессознательных запретов, бессознательных путей защиты себя от неудовольствия и бессознательных фантазий, все это может быть областью построения гипотез и исследования, что в свою очередь ослабляет их силу, мотивирующую поведение в настоящем времени.

Для понимания современной теории конфликта ключевой является мысль, что *вклад бессознательного в функционирование человека имеет одновременно структурирующее и процессуальное измерение*. Структурирующий аспект бессознательной деятельности заметен в его организующем влиянии на психическую жизнь. Трансферентная активность, паттерны отношения к собственному Я и другим (включая вину и самонаказание), диссоциации, интерсубъективное поле и интернализированные объектные отношения структурируются особым уникальным для каждого индивидуума образом вокруг *бессознательных фантазий*. Бессознательные процессы *подвижны, они творчески приспособляются к актуальной реальности, путем созревания, инсайта и интеграции* или дезинтеграции, сопровождающейся тревогой или депрессивным аффектом.

Фантазия в развитии бессознательной активности понимается как *первичная организующая сила*, которая берет начало в сложном *взаимодействии факторов среды и интрапсихических факторов* (Arlow 1969a, b; Arlow & Richards, 1991). Бессознательные фантазии - это системы, цель которых помочь человеку извлечь максимальное удовольствие и минимизировать неудовольствие. Для современных теоретиков конфликта каждая бессознательная фантазия – это выражение того, как синтезирующая функция психики обращается с конфликтом. Содержание этих

бессознательных фантазий проистекает из амбивалентности и конфликтов детства и их вариаций на протяжении жизненного цикла.

Сложные элементы формируются в психике в зависимости от обстоятельств и потребностей. *Элементы* конфликта в каждом случае остаются одними и теми же с точки зрения категорий, т.е. производное влечения, неприятный аффект, защита, морально/этический аспект или требование внешнего мира, а *содержание* конфликта варьируется в зависимости от характера человека, жизненного опыта и актуальной ситуации. Теоретики конфликта видят проявление структуры и процесса в компромиссной активности, которая характеризует всю психическую жизнь.

III Б. Бессознательное в «британской» теории объектных отношений (Кляйн, Бион, Винникот)

Теория объектных отношений – это главный путь развития пост-фрейдовского психоанализа в Англии и Франции. Теория объектных отношений развивает концепцию бессознательного, которая основывается не на фрейдовской энергетической модели влечения и процесса вытеснения (в определенном смысле солипсической модели), а на реляционной модели психики. Ряд теоретических понятий школы объектных отношений описывает *бессознательное как систему*, которая развивается и *приобретает форму в отношениях*. Теория объектных отношений фокусируется на роли *объекта, понимаемого как продукт интернализации* опыта взаимоотношений, который индивидуум обретал, начиная с ранних этапов жизни. В этой парадигме сферы *интрапсихического и интерсубъективного*, события в отношениях и бессознательные психические функции *пересекаются*. *Врожденные особенности младенца* обретают форму во взаимодействии с окружающими, которое, в свою очередь, окрашивается и перестраивается под влиянием бессознательных психических процессов. В.Р.Д. Фейерберн (W. R. D. Fairbairn, 1952), «человек, который расщепил психический атом» (Malberg & Raphael-Leff, 2014), несмотря на то, что был относительно неизвестен в течение жизни, получил широкое признание как один из первых теоретиков-новаторов в этой области.

Работа Мелани Кляйн была более известна и оказывала серьезное влияние на протяжении десятилетий; она охватывает спектр от чисто интрапсихического взгляда до интерсубъективного. Для Кляйн бессознательное характеризуется защитными механизмами младенца, вынужденного избавляться от заряженных садизмом и тревогой частей Я – которые находятся под влиянием *инстинкта смерти* – путем *бессознательных процессов расщепления и проективной идентификации*. К ним прибавляются защиты отрицания и идеализации. Понятие бессознательного как продукта первичного вытеснения, предложенное Фрейдом, не соответствует кляйнианскому представлению о бессознательном (Mancía, 2007). В кляйнианской

теории внутренняя жизнь индивидуума основана на *бессознательной фантазии* и управляется параноидно-шизоидной и депрессивной позициями (PSP-DP) (Klein, 1935). Это интрапсихические способы функционирования, которые отражают паттерны отношения человека со своими внутренними объектами и которые глубоко влияют на отношения с людьми во внешнем мире. Оригинальная кляйнианская теория *проективной идентификации* становилась все более и более реляционно-ориентированной, превращаясь, в теоретической модели Биона, в особую форму коммуникации и бессознательного запроса на контейнирование и «мечтание» (ревери). В бессознательном психическом функционировании альфа-функции, описанной Бионом (Bion 1962, 1965), можно видеть, как Бессознательное развивается в условиях отношений: сознательная и бессознательная психика ребенка структурируется благодаря функции материнского мечтания - ключевого элемента в организации бессознательной жизни младенца. До того, как появляется вытеснение, бессознательное обретает форму благодаря активности родительской психики, преобразующей сенсорный и эмоциональный опыт ребенка, который передается ему в рамках первичных отношений.

Главное кляйнианское понятие «*бессознательной фантазии*» имело влияние во всех регионах и психоаналитических культурах. Написание слова «фантазия» через «ph» (“phantasy”) вместо “f” (“fantasy”) подчеркивает, что этот термин описывает *основополагающий тип психической структуры* с особым идеаторным содержанием, а не просто сюжетную линию разработанного желания, основанного на производных влечения, или грезы наяву. Теоретическая подоплека представлений, что психика организована с помощью этих базовых строительных блоков психической структуры и вокруг них, следует из убеждения Мелани Кляйн, что знание об *объекте или, по крайней мере, намек на него как на цель или источник удовлетворения является неотъемлемой частью влечений*. В отличие от теории Фрейда, в которой влечение существует в психике со своими производными, а объект должен быть «найден», чтобы обрести эквивалент в бессознательном, у Кляйн, *объект влечения существует с самого начала, врожденный и запрограммированный*. Наряду с объектом, существует также *врожденное чувство собственного Я как субъекта – например, испытывающего желание – неважно, насколько оно частично, расплывчато или примитивно, и, таким образом, базовый конструкт «Я хочу чего-то от тебя, или причиняю нечто тебе» (как частичному или целому объекту) допускается с самого начала психической жизни*.

Фрейдовское понятие «контактного барьера» было расширено Бионом, который извлек его из «Проекта научной психологии» (Freud, 1895), и предложил новый способ его концептуализации. У Фрейда вытеснение рассматривалось как барьер, защищающий систему сознательного от системы бессознательного. Блон постулирует обратное: «вытеснение скорее защищает систему бессознательного от сенсорных стимулов, происходящих из системы сознательного» (Grotstein, 2008, p. 201). Контактный барьер одновременно разделяет и объединяет сознательные и бессознательные психические явления: благодаря его избирательной проницаемости, становится возможным взаимобмен между системами сознательного и бессознательного. Избирательная

проницаемость контактного барьера между сознательным и бессознательным создается и усиливается альфа-функцией, преобразующей сырые сенсорные данные (бета-элементы) в альфа-элементы, которые можно использовать для размышления и сновидения. Альфа-функция включает как первичный, так и вторичный процессы и функционирует одновременно и в системе сознательного, и в системе бессознательного (Grotstein 2004b, 2007). Согласно Биону, в сфере альфа-функции задействованы одновременно и принцип удовольствия и принцип реальности, они рассматриваются не как отдельные принципы, какими их считал Фрейд (1911b), а как объединенные, бинарные противоположности в обеих системах, которые обычно функционируют вместе (Bion, 1962, 1963, 1965).

Из понятия *контактного барьера* рождается понятие «бинокулярного видения»: способности, основанной на двойной фокусировке, которая усиливает совместную работу *сознательных и бессознательных психических функций* (Reiner, 2012). Бион ссылается на нее, когда пишет, что «нам нужно своего рода психическое бинокулярное видение – один слепой глаз (обращенный к чувственному миру), а другой – обладающий достаточно хорошим зрением» (Bion, 1975, стр.63). Бинокулярное видение придает глубину и резонанс опыту переживаний и рассматривается Гротштейном (Grotstein, 1978) как «двойной курс», позволяющий понять происходящее в анализе. «Системы *Бсз* и *Сз* можно считать двумя глазами или двумя полушариями мозга, восприимчивыми к пересечениям непрерывно развивающегося «О» с соответствующих им точек обзора» (Grotstein 2004a, стр.103). Такое бинокулярное видение позволяет аналитику замечать и пытаться понять то, что он видит в двойной обратной перспективе: сознательной и бессознательной, которая в свою очередь стимулирует взгляд на вещи с разных точек зрения (De Bianchedi, 2001).

Согласно Гротштейну (Grotstein, 1997), Бион (Bion, 1970) убежден, что как аналитики мы должны использовать как нашу сознательную, так и бессознательную психику, чтобы быть восприимчивыми к «О» как к «Абсолютной Истине о Конечной Реальности». Из этого понятия проистекает теоретическое представление о бессознательном как о системе, которая частично совпадает с «О», непознаваемым и неизвестным, поскольку она находится вне рефлексивного осознания. Единственный способ получить к ней доступ – это путем ее резонанса в «О». Вводя понятие «О» и связывая его с «вещью-в-себе» и «бесконечностью», Бион помещает понятие бессознательного в эпоху представлений постмодерна: оно становится «связанным с бесконечностью, теориями хаоса и сложных систем, теорией катастрофы и духовностью» (Grotstein 1997, стр.84). Нужно подчеркнуть, что существует прочная корреляция между первичным окружением и способностью иметь дело с «О»: это качество первичных объектов и собеседников (а в анализе – качество аналитической позиции аналитика), которое определяет вероятность, что младенец / пациент сможет вынести встречу с «О» (Gaburri & Ambrosiano, 2003) и с эмоциональной реальностью, которая в нем содержится.

Для Биона О – это область «психоаналитического объекта», путеводная звезда, к которой должно быть направлено психоаналитическое исследование, даже если она никогда не может быть целиком «познана». Такое представление о наличии чего-то, что безусловно существует, но может ощущаться лишь интуитивно или «воплощаться», поскольку оно «вне чувств», эпистемологически напоминает мышление Платона, Канта, и разных мистиков. В той степени, в какой элементы или «реализации» О в существовании человека никогда не могут быть полностью познаны или облечены в слова, это *невыразимое измерение бытия по определению «бессознательно»*. Однако неизвестная «бессознательная» часть О – это не фрейдовское динамическое бессознательное вытесненного. Оно больше схоже с *глубинными слоями фрейдовского Ид*, нечто зарождающееся, неструктурированное, еще не сформированное. Если говорить об «элементах» в сфере О, можно сказать, что они состоят из сенсорных нарушений или турбулентностей, которые еще не обладают качеством психического (они «до-психические» или «прото-психические»). Бион никогда не очерчивал содержание О, но описывал *допсихические, протопсихические явления*, которые он называл *бета-элементами*, неподходящими для мышления или размышления о них, пока они не будут *преобразованы* с помощью некой психической «работы сновидения». Эту последнюю активность он назвал *альфа-функцией* и считал, что она является центральной для непрерывного процесса, который создает «*сновидные мысли наяву*», построенные из «*альфа-элементов*». Предполагается, что альфа-элементы служат строительными блоками мысли, мышления и психической организации. Появившиеся альфа-элементы используются для установления контактного барьера, который, в свою очередь, необходим для переработки (ментализации) опыта переживаний, очерчивания границ психического пространства, создания контейнера для мыслей и топографического разделения содержимого психики на системы Бзс и Псзн/Сзн.

Поскольку *бета-элементы являются сенсорными стимулами до того, как они обрели какое-либо значение*, они отличаются от фрейдовского понятия «репрезентации». В то время как репрезентация может быть сознательной или бессознательной, бета-элементы по определению вне – или скорее *досознательны*, они не обладают качеством психического, а «существуют» или регистрируются только на соматическом или *нейробиологическом уровне* (сенсорные органы и мозг как часть последнего). Эта формулировка относится к ранней фрейдовской модели гипотетических нейронных путей, проводящих удовольствие и боль, которую он обрисовал и описал в своем «Проекте научной психологии» (Freud 1895, стр. 320,324). Важно заметить, что бета-элементы неизбежно *бессознательны*, поскольку они *еще не психические*, но не потому что они подверглись вытеснению или другому защитному изменению, навязанному конфликтом с супер-эго или тревогой, которая вызвана наполняющими их желаниями и страхами. Как только бета-элементы *преобразуются в альфа-элементы* – т.е., как только они становятся *психическими* – они могут достичь насыщенности смыслом, приобрести *символический статус*, стать связанными с другими психическими элементами, чтобы сформировать, например, части нарратива и ассоциативные цепочки и т.д. Тогда они обретают *статус репрезентаций* и могут использоваться для

формирования мыслей и идей, которые *можно* привнести в сознание или *вытеснить в бессознательное* из-за вызываемой ими тревоги.

Таким образом, бионовская теория бета-элементов и альфа-функции – это метапсихология формирования, структурализации и развития психики. «О» содержит зачатки *будущей психической эволюции и роста, зарождающихся в процессах изначально intersубъективных (материнском мечтании, контейнере/контейнируемом)* и которые *зависят от присутствия поддерживающего объекта*, «одалживающего» свою собственную альфа-функцию пациенту или младенцу для образования более эффективной «думающей пары». Когда достигнута альфа-функция, либо с помощью другой психики, либо через интроекцию материнской альфа-функции и «думающей пары», непрерывный процесс преобразования бета-элементов в альфа-элементы производит «контактный барьер», и появляется вытесненное или динамическое бессознательное Фрейда. Это процесс, который не прекращается на протяжении всей жизни. Отсюда мнение Биона, что психоанализ – это зонд, расширяющий ту самую область, которую пытается исследовать. И наоборот, бионовское утверждение, что альфа-функция может повернуть вспять: альфа-элементы «пожираются» и изгоняются как психические фекалии, обедняя психику так, что контактный барьер сменяется ригидным бета-экраном, предлагает динамическое и диалектическое видение психики, борющейся за поддержание той развитой точки опоры, которой ей удалось достичь. В парадоксальном утверждении Винникотта (Winnicott, 1960) о том, что «младенца как такового не существует», можно увидеть, до какой степени *субъективность и бессознательное бытие индивидуума требует существования другого субъекта* и зависит от ранних отношений с окружением. Реляционно-ориентированное расширение понятия бессознательного можно найти в идеях Болласа о «*немыслимом знаемом*» (Bollas's, 1987), точке пересечения с нейронаукой. Оно *состоит из безмолвных следов невытесненного бессознательного и осадков раннего взаимодействия индивидуума с окружающими* и представляет собой *глубинную бессознательную форму знания об отношениях*, которая пропитывает и эту «идиому», и все бытие человека.

Если в Европе и Латинской Америке идеи Кляйн, Биона и Винникота имели огромное влияние, то в Северной Америке их принятие, особенно теории Кляйн, происходило лишь постепенно и неохотно. По большей части до середины 70-ых годов в Северо-американских институтах не преподавали классические и современные кляйнианские статьи и теории. Этот особый факт психоаналитической жизни в значительной степени явился следствием неразрешенного напряжения, которое сохранялось между последователями Мелани Кляйн и Анны Фрейд, и той счастливой случайности, что все основные европейские аналитики-эмигранты, бежавшие из Европы и получившие известность в Северной Америке, были из лагеря Анны Фрейд. В результате до относительно недавних пор в США и Канаде практически не было супервизоров и тренинг-аналитиков, обученных в кляйнианской традиции. (Одним из удивительных исключений является случай Клиффорда Скотта, канадца, проходившего анализ у

Мелани Кляйн и тренинг в Британском психоаналитическом обществе, президентом которого он стал, после чего вернулся в Канаду в 1954. Скотт оказал значительное влияние как в Лондоне, так и на становление трех поколений англо- и франкоговорящих аналитиков в Монреале).

Ситуация постепенно стала меняться в последние четыре десятилетия, поскольку некоторые латиноамериканские кляйнианцы эмигрировали в США и Канаду и стали занимать влиятельные позиции в местных аналитических обществах.

Такое положение дел не только стало препятствием к подлинному развитию кляйнианского направления в Северной Америке, но и открыло новые возможности. В отсутствие сильной культуры и традиции кляйнианской мысли, североамериканцы, изучавшие Кляйн и ставшие «дружелюбными к Кляйн» и «кляйнианско-ориентированными», возможно, были свободнее в адаптации и применении кляйнианских идей, чем их более ортодоксальные кляйнианские коллеги в других регионах. Джеймс Гротштейн, международно признанный специалист по Кляйн и Биону, который расширил их теории проективной идентификации с помощью понятия «проективной транс-идентификации» (Grotstein, 2005, 2008) и Томас Огден (Thomas Ogden 1980, 1982, 1992a,b), который представил свой собственный синтез идей Кляйн, Фейрберна, Биона и Винникотта, исследуя глубокие подвижные структуры (сознательного и бессознательного) опыта переживания и знания, стали наиболее заметными примерами. Во многом благодаря этим модификациям многие североамериканские аналитики узнали и оценили понятия проективной идентификации и/или контейнирования (см. отдельные статьи «ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ» и «КОНТЕЙНИРОВАНИЕ»), даже если иногда они рассматривают эти явления только как бессознательный интерперсональный процесс в начале взаимодействия.

Кляйнианцы в Северной Америке предприняли попытки следования и использования представлений Кляйн о бессознательной фантазии как о фундаментальном комплексе оживших репрезентаций желанного, пугающего или воображаемого *взаимодействия между Я и объектом, который составляет, структурирует и наполняет внутренний мир человека*. Можно справедливо назвать это «*драматургическим подходом*» и считать его дополнением к более классическим представлениям фрейдовской метапсихологии – динамическому, топографическому, экономическому, генетическому и структурному. Рассматриваемая таким образом, бессознательная фантазия играет самую важную роль в понимании поведения, чувств и характера пациента, а перенос можно считать проявлением или экстернализацией бессознательной фантазии и королевской дорогой к ее пониманию. Однако, некоторые продолжают придерживаться возражения Кляйн, что такой ход мыслей потенциально сваливает на пациента вину за контрпереносные проблемы аналитика.

Влияние мышления Биона на Северную Америку отчасти является следствием того, что многие годы второй половины своей жизни он провел в Калифорнии, где лично

обучал группу американских аналитиков. Гротштейн, Огдэн, а также Гарольд Борис (Harold Boris 1986, 1989), который распространил идеи Биона в Бостоне, остаются влиятельным источником бионовского подхода в Северной Америке. Считается, что Бцион решил приехать в Америку, чтобы освободиться от неизбежного давления, которое было следствием принадлежности кляйнианской группе в Лондоне, где он стал ведущей фигурой. Как следует из его поздних работ, Бцион чувствовал, что принадлежность группе – и даже в большей мере, та выдающаяся позиция, которую он приобрел – неизбежно создавали давление, приводящее к конформизму и застою, а не к творческому развитию и открытию новых идей. Эта тенденция, а также борьба между «Мистиком» (творческим индивидуумом) и «Организацией» (группой) – было тем, что он остро ощущал, от чего предостерегал и с чем боролся всю свою жизнь.

В том, как повлиял Бцион на психоанализ в Северной Америке, отражается его позиция категорического нежелания создавать «Школу Биона» или даже учить людей анализировать, как это делает он. Эта позиция – характерная черта «позднего Биона», делающего упор на независимость мышления, поиск и необходимость креативности и изменения, даже перед лицом «катастрофического изменения», которое, как он считал, запускается ростом.

Такие представления, как «*аналитический третий*» Огдэна (Ogden, 1994), «*мечтание*» и «*сновидное мышление наяву*» Биона (Bion, 1962), а также «*проективная транс-идентификация*» Гротштейна (Grotstein 2005, 2008), можно рассматривать как тенденцию к *расширению идеи бессознательного* в рамках теории объектных отношений и как описание психического состояния аналитика, напрямую проистекающее из такого представления о бессознательном. Подобное расширение является краеугольным камнем аналитической встречи, понимаемой как «двустороннее предприятие» (Bion, 1978). В этом смысле «*проективную трансидентификацию*» Гротштейна (Grotstein 2005, 2008, 2014), которая касается *бессознательного коммуникативного аспекта «взаимной индукции»* в отношении «бинарного» бессознательного функционирования как *взаимного баланса симметричного первичного и асимметричного вторичного процессов* можно считать связанной с теорией бессознательной логики Матте-Бланко - психоаналитика из Латинской Америки - (см.ниже), в то время как идеи Биона и Огдэна о расширенном бессознательном развивались и разрабатывались известными итальянскими теоретиками поля Анитонино Ферро и Джузеппе Чевитарезе. Все эти теории (Гротштейн, Бцион, Огдэн, Ферро, Чевитарезе) включены в синтетические размышления о *бессознательной коммуникации* латино-американских аналитиков (ниже).

Ферро и Чивитарезе применяют такую *расширенную теорию бессознательного* в том числе и для усиления отклонения от классической техники. Для Ферро (Ferro 2004, 2009, 2016), который представляет сеанс как *поле*, самым важным является упор Биона и Гротштейна на развитие способности думать в процессе бессознательной

коммуникации: «это не вопрос исторических фактов или привнесения прошлого в настоящее, вместо этого, упор делается на способности пациента – или, скорее, *поля – думать (мечтать/видеть сны)*, с помощью в том числе непрерывной трансформации сообщений пациента в сновидения» (Ferro and Frangini, 2013, p. 371; аспект поля добавлен в: Ferro and Civitarese, 2016). Чивитарезе, со своей стороны, откликнулся на призыв Биона и Огдена к аналитику позабыть о противоречиях, возникающих из рациональных оценок, и находиться в состоянии *галлюциноза*. Такова иллюстрация «драматургической» точки зрения, о которой говорилось выше, быть способным видеть то, что видит пациент. Ферро и Чивитарезе, опираясь на Огдена (Ogden 2003, 2005), утверждают, что аналитик должен принять всерьез все впечатления, ощущения, и мысли, даже если они кажутся конфликтующими с аспектами внешней реальности, потому что они могут излагать более точную историю (Ferro and Civitarese, 2016). По их мнению, правда бессознательного богаче, чем та, которая воспринимается и коммуницируется сознательно. Согласно этим авторам, «персонажи» в «тексте анализа», роли которых воплощаются пациентом и аналитиком, внутри каждого из них и между ними, претерпевают непрерывную *трансформацию* таким образом, чтобы позволить выразить нечто, что постепенно становится возможным помыслить в ходе сеанса - здесь-и-теперь (Civitarese & Ferro, 2013; Ferro & Civitarese, 2016).

III. В. Реляционная перспектива и селф–психология: два теоретических направления, зародившихся в Северной Америке

III. Ва. Реляционные модели бессознательного процесса

Реляционный психоанализ в США ведет свою историю с 80-х годов прошлого века. Он берет начало в работах Ференци, Балинта и школы объектных отношений, идеях, основанных на теории поля, которые привнес в Северную Америку Хайнц Ракер (1957), и в интерперсональном подходе Гарри Стек Салливана. Эти многообразные источники обусловили ряд принципов. *Бессознательные переживания/феномены возникают* внутри системы, в которую включен индивид, - *в интерсубъективном контексте*, биперсональном поле, при взаимодействии двух человек, в котором происходит ожидаемая *бессознательный обмен в рамках аналитической диады*. Неопределенность и двойственность - неотъемлемые черты этого процесса. Установить источник и место переживаний часто не представляется возможным. Клинический процесс должен оставаться открыт осмыслению и переосмыслению того, чье бессознательное в данный момент определяет переживания того или иного участника. С этой точки зрения, порождение и проявление контрпереноса принципиально неясно: он может быть персональным и диалогическим, интрапсихическим и интерсубъективным.

Реляционная теория уделяет значительное внимание травме и ее последствиям в сознательном и бессознательном опыте, фокусируясь больше на присутствии и выраженности *вертикальных расщеплений*, чем на горизонтальных расслоениях сознания. Диссоциация проявляет себя в разных видах расщепления: от радикальных и исключают коммуникацию до сравнительно проницаемых. Понятие диссоциации получило развитие в работах Филиппа Бромберга (1994, 1996); оно включает

расщепления сознания, служащие отрицанию или «отталкиванию» токсического и травматического содержания, исходящего изнутри индивида или извне. Бромберг также описал, как диссоциация связана с привязанностью, - часто вне осознания. Индивид (в том числе, и совсем маленький ребёнок) отщепляет и «забывает» опыт, который мог бы поставить под угрозу его привязанность к значимой фигуре. Психическая интеграция в определенном смысле приносится в жертву ради сохранения хрупкой связи с другим.

И хотя *биперсональная бессознательная передача* является базовой идеей в реляционной теории, ею также признается и интрапсихическая сторона бессознательного процесса, - как переживание внутренних миров, внутренних объектов: живых и умирающих, токсичных и доброкачественных. В этом прослеживается влияние объектных отношений на реляционную теорию. Уровень сознания и действие расщепления как доминирующей формы психического функционирования, зависят от множества факторов, как индивидуальных, так и внешних/межличностных. Поэтому реляционный аналитик может мыслить в терминах бессознательных фантазий как значимых реляционных паттернов с конкретным, часто бессознательным смыслом. Этот «перенос из глубины на поверхность» - предмет настойчивых усилий концептуализации и потенциальное тонкое место в реляционных моделях бессознательного. Интерсубъективное измерение опыта (диалог, взаимодействие) содержит как сознательный, так и бессознательный биперсональные регистры опыта. Один из ключевых аспектов реляционных моделей бессознательного - исследование бессознательных феноменов как во внутреннем, так и в интерперсональном опыте. Это позволяет получить более диалектическую, менее поляризованную картину взаимодействия между внутренним и внешним, интерперсональным и интрапсихическим.

Влияние работ Жана Лапланша на представления о развитии и организации бессознательного можно обнаружить в различных аналитических школах; что касается реляционной школы, то некоторые ее представители находят интересным его (Laplanche 1999a, b,c) взгляд на возникновение и эволюцию бессознательного опыта в биперсональном контексте сложного взаимодействия ребенка и взрослого как универсальной ситуации. Младенец воспринимает исходящие от матери желание и страсть как загадочное послание, вторгающееся и проникающее в соматические и аффективные состояния его психики/тела. Можно ожидать, что для обоих участников этот процесс протекает преимущественно или исключительно бессознательно. «Загадочные послания», о которых говорит Лапланш, помещают в ребенка желания «другого», и эти интрузивные желания взаимодействуют с зарождающимся собственным желанием ребенка. Этот повторяющийся процесс трансляции постепенно формирует субъективность и бессознательное желание, которое всегда будет одновременно индивидуальным и интерсубъективным. Рут Стейн (2008), как и многие другие, делает акцент на влиянии бессознательного переживания избыточной стимуляции, которую несут эти загадочные «соблазнения».

Сэм Герсон (2004) дает краткое описание *«реляционного бессознательного»*:

«Бессознательное является не только вместилищем вытесненного материала, изгоняемого из сознания для защиты от тревог, порожденных конфликтами; это также хранилище [потенциальных содержаний], ожидающих рождения в моменты восприимчивости, которые возникают на поворотах неожиданно меняющегося опыта» (стр. 69). Несколько страниц ниже он продолжает: «реляционное бессознательное как совместно выстраиваемый процесс, поддерживаемый каждым участником отношений, есть не просто проекция на другого бессознательных селф- и объектных репрезентаций, а также схем взаимодействия; не сводится оно и к последовательности таких обоюдных проекций и интроекций между двумя людьми. Скорее *реляционное бессознательное* понимается здесь как *незнаемые узы*, составляющие ткань всяких отношений, обуславливающие *и экспрессию, и стесненность индивидуального бессознательного и субъективности каждого из партнеров внутри отношений*. В этом смысле реляционное бессознательное является концепцией, позволяющей соединить психоаналитическую мысль об интрапсихических и интерсубъективных феноменах в единой теоретической рамке, включающей обе перспективы и раскрывающей присущую им взаимосвязь» (стр. 72)

III. Вб. Бессознательная переработка: современный подход селф-психологии.

Селф-психология, еще одна современная американская психоаналитическая теория, исходит из постулата бессознательной психической активности как фундаментального для психоанализа, - в фрейдовской формулировке динамического бессознательного, а также в более позднем смысле имплицитных (бессознательного или внесознательного) научения и памяти. Это новое понимание чрезвычайно расширило представления о *бессознательной переработке* (Boston Change Process Study group, 2008; Kliman, 1991; Fosshage, 2005; 2011a; Grigsby and Hartlaub, 1994; Stern, et. al., 1998; и др.). Бессознательная и сознательная переработка, - включая восприятие, категоризацию, координацию памяти и научения, регуляцию меняющихся приоритетов мотивации и аффектов, разрешение конфликтов, - во время бодрствования происходят одновременно. *Бессознательная переработка* продолжается, однако, и во время сна, в его быстрой фазе (БДГ) и в сновидениях вне быстрой фазы (Fosshage 1997). И бессознательная и сознательная переработка так или иначе *формируются реляционными полями* отношений, внутри которых они возникают.

Как можно исследовать бессознательную переработку? Фрейд разработал метод свободных ассоциаций и использовал сновидения как «царскую дорожку к бессознательному» (1900, стр.608). Эго-психологи акцентировали внимание на бессознательных компонентах конфликта и защит, латентно присутствующих в сознательных проявлениях. Позднее селф-психологи расширили диапазон исследования бессознательного: кроме конфликта, они слушают также эксплицитные и имплицитные, вербальные и невербальные коммуникации намерений, смыслов и процедурного знания. Эмпатическое слушание «просто» фокусируется на слушании и понимании этих коммуникаций изнутри системы координат пациента. «Эмпатия и суждение» взаимопроникающи (Голдберг, 1999), однако следует стремиться *быть* в пространстве опыта анализанда и, насколько возможно, делать умозаключения и оценки оттуда. Слушание/переживание, «*центрированное на другом*», помогает

настроиться на *паттерны взаимодействия, которые обычно неосознаваемы.* (Fosshage, 2011b).

Использование эмпатического слушания отнюдь не преуменьшает важность *бессознательной переработки.* Напротив, клинический опыт показывает, что внимательное слушание из эмпатической позиции со стороны аналитика повышает чувство безопасности, противостоит деструктивному эффекту преимущественного положения аналитика (хотя, конечно, не устраняет его). Снижение потребности в защите со стороны аналитика расширяет пространство рефлексии пациента и способствует доступу в сознание бессознательных конфликтных и неконфликтных намерений, воспоминаний, смыслов и переработки, включая неподтвержденный опыт (Stolorow and Atwood, 1992), несформулированный опыт (D.B.Stern, 1997) и имплицитные паттерны организации (имплицитное знание). Имплицитное реляционное знание относится к взаимодействиям с заботящимся лицом, которые закодированы в процедурной памяти и потому не вербализуемы (D.N. Stern et al., 1998). *Несформулированный опыт* - это детский опыт, не допускаемый в сознание, поскольку не признавался заботящимся лицом. (D.N. Stern, 1997). Под *дорефлексивным бессознательным* подразумеваются организующие принципы субъективного опыта, которые берут начало в ранней интерсубъективной диаде; *невалидизированное бессознательное* не может быть артикулировано никак вследствие неудачи его подтверждения со стороны селф-объекта (Stolorow and Atwood, 1992). Сходство между определениями несформулированного опыта и невалидизированного бессознательного состоит прежде всего в акцентировании отклика заботящегося лица. *Биперсональное бессознательное* создается внутри самой диады (Lions Ruth, 1998, 1999).

Таким образом, эмпатическое понимание со стороны аналитика благоприятствует проницаемости и подвижности границ между сознанием и бессознательным, между эксплицитным и имплицитным, - что способствует сознательному доступу к ранее бессознательным чувствам, намерениям, мыслям и межличностным взаимодействиям.

III. Г. Бессознательное во французской традиции

«Постфрейдистская Франция» достигла впечатляющих результатов в развитии как теории, так и практики психоанализа. Волны этого интеллектуального всплеска докатились до франкоговорящих психоаналитических сообществ в Европе и Северной Америке. Кроме того, перевод этих работ на английский язык оказал влияние на некоторые области Северной Америки и Великобритании. Держась несколько дистантно от подхода объектных отношений и в то же время сохраняя взгляд на бессознательное близким к тому, как его развил Фрейд, и скорее видя свою работу как дальнейший диалог с позицией Фрейда, французские аналитики разделяют некоторые общие гипотезы, касающиеся концепции бессознательного. Для французов, придерживающихся, как правило, топографической модели (первой топики), важно безусловное разделение между предсознательным/сознательным и бессознательным.

Более того, бессознательное не может быть обнаружено посредством наблюдения, о нем можно судить только постфактум, делая вывод *apres coup*.

Эго (*le moi*) в такой же мере определяется своим идентифицирующим отчуждением в своем желании Другого, как и своей способностью к адаптации. Таким образом, оно субъективно и больше похоже на «селф», чем на защитное и ориентированное на реальность «эго» в эго-психологии. **Французские** аналитики **прислушиваются** к эго как к рождающемуся исключительно из бессознательного, они не придерживаются представления о зоне эго, свободной от конфликта. *Moi* состоит из бессознательных и частичных объектов. Если эго-психология видит психоаналитика, поддерживающим определенную постоянную дистанцию по отношению к пациенту, то французские авторы, - в первую очередь Бувэ (Bouvet), а несколько позже Грин, МакДугалл и Руссийон, - уже на раннем этапе предлагают гибкий подход к пациентам, зависящий от того, как те реагируют на дистанцию. Кроме того, огромному авторитету Жака Лакана французские аналитики обязаны тем, что рассматривают речь и язык не только с точки зрения их функции в аналитической ситуации, но и как структурирующий принцип бессознательного.

Высказывание Лакана: «в своей основе бессознательное структурировано, соткано, модулировано языком» (1993, стр. 119) повлияло на последующие поколения аналитиков независимо от того, разделяли они его идеи или нет. Большая группа аналитиков *Парижского Психоаналитического Общества*, включая Паше, Марти, Лебовиси, Дяткина, Файн, Брауншвейг, МакДугалл, Грина и Нейрат, выступила против теории Лакана, отказавшись смешивать влечения и язык. Для Лакана бессознательное не есть ожидающая интерпретации данность, - оно открывается в действии, преимущественно, но не исключительно, речевом. К тому же Лакан предостерегал против неправильного понимания бессознательного как места пребывания инстинктов в чистом виде. Для него само понятие бессознательного определяется идеей концептуализации субъекта. Весь его проект, соответственно, - исследование бессознательного субъекта. Лакан (2004) отредактировал терминологию Фрейда, переименовав репрезентации в означающие, в соответствии с языковой моделью Соссюра. В своем акценте на комбинаторных возможностях означающего, определяющих в итоге выражение влечений, Лакан был убедителен. Нечто (вытеснение) блокирует проявление означающих, циркулирующих в бессознательном. Лакановская версия бессознательного состоит из вытесненных означающих, которые, в свою очередь, контролируют доступ к дериватам влечений. Эта модель психики больше связана с культурой и не столь редуccionистски биологизирована по сравнению с моделью, основанной на гипотетических эrogenных источниках активации.

В то время, когда Лакан вел свой известный семинар, в США акцент делался в большей мере на фантазиях, составляющих содержание бессознательного. Это способствовало изменению стиля клинического слушания в направлении поиска признаков фантазий, скрытых в свободных ассоциациях. Французский подход (во фрейдовском смысле) учит, что внимание аналитика должно быть направлено как на сами слова, так и на невысказанное между ними. С другой стороны, во французской мысли не слишком много внимания уделяется представлениям о защитах (кроме вытеснения) как необходимых для удержания означающих в бессознательном, и,

соответственно, анализу защит за исключением новаторского лакановского «отчуждения» (*foreclosure*). Лакана критиковали за то, что он превратил психоанализ в структурную лингвистику. Однако его интересует скорее не язык как таковой, а границы, за которыми язык терпит неудачу. Согласно Лакану, бессознательное не может быть идентифицировано. Оно являет себя в оставляемых им следах, прежде всего следах отсутствия. Лакан уточнил свой лингвистический подход следующим образом: мы можем уловить бессознательное только тогда, когда оно вошло в слова, и далее, что бессознательное действует согласно таким лингвистическим конструкциям, как метонимия и метафора.

И наконец, Лакан настаивает на том, что бессознательное - это дискурс, а именно, дискурс *Другого*. Бессознательное является результатом влияния, которое означающее оказывает на субъект. Означающее - то, что вытеснено и возвращается в форме симптомов, шуток, параксисов или сновидений. Дальнейший важный шаг в развитии лакановской концепции бессознательного произошел, когда Лакан в «Семинаре XX» переработал три порядка *Воображаемого, Символического и Реального* и связал их вместе в так называемые кольца Борромео (Lacan, 1999). Представление об интрапсихическом конфликте, по крайней мере, для Лакана, уступило место сообщению между этими тремя порядками. Важным следствием было расщепление бессознательного на часть, до некоторой степени поддающуюся дешифровке, или доступную конвенциональному языку, и другую, названную Лаканом «*lalangue*», - его термин для языка, предшествующего языку символического порядка. Так мы получаем два типа знания: знание «*le langage*» и знание «*lalangue*». *Бессознательное-lalangue* коренится вне символического порядка, но его влияние выходит далеко за границы формулируемого знания. Эванс определяет *lalangue* как «первично хаотичный субстрат полисемии, из которого конструируется язык» (1996, стр. 97).

Группа аналитиков, находившихся под влиянием Лакана, попыталась расширить концепцию означающего, включив в нее означающие за пределами языкового поля. Так, Пьера Оланье, основываясь на своей работе с психотиками (2001), пришла к выводу о недостаточности концепции означающего. Она ввела понятие *пиктограммы*, отсылающее к уровню бессознательной невербальной «репрезентации» телесной встречи младенца с заботящимся лицом (встречи эрогенных зон и их частичных объектов), при полном неведении относительно составляющей ее дуальности. Гай Розолато (1969), с той же целью указания на означающие вне языка, предложил понятие *границных означающих*, а Дидье Анзё (1995) в рамках своей теории эго-кожи создал термин *формальные означающие*. Даже Жан Лапланш, - один из систематических противников идеи структурированности бессознательного как языка - внес вклад в виде «*загадочных означающих*» и *десигнифицированных (лишенных значения) означающих*.

В тех случаях, когда аналитики принимали Лакановскую концепцию означающего, они все же выходили за рамки ее исключительно лингвистического значения, оставаясь в этом смысле, ближе к фрейдовскому бессознательному. Так, оппонировав Лакану, Лапланш (1999а) утверждал, что бессознательное не структурировано как язык, поскольку в нем нет ни кода, ни сообщений: оно состоит из изолированных

означающих, ни на что не ссылающихся. Чтобы отмежеваться от Лакановского означающего, Лапланш заменил *загадочные означающие* на *загадочные послания*. Заменяя, кроме того, фрейдовское понятие вытеснения «переводом», (1999b, 2011) он открыл путь *интерсубъективного объяснения устройства бессознательного*: в процессе обычной заботы о ребенке у взрослого активизируется бессознательная сексуальность, которая передается ребенку в виде загадочных сообщений. Ребенок переводит их в соответствии со своими возможностями. *Утраченное в переводе* составит его бессознательное. Поскольку бессознательное взрослого сексуально, - *инфантильное сексуальное*, - именно оно сообщается ребенку как загадка.

Андре Грин, дистанцируясь от Лапланша и других, отдававших предпочтение первой топике Фрейда, в своих многочисленных статьях указывает на вторую топикку как более полезную для работы с не невротическими пациентами. В этой связи, его подход к концепции бессознательного принял несколько иной курс, чем у французских аналитиков, упомянутых выше. Также возвращаясь к Фрейду, Грин (2005) утверждает: бессознательное-как-система состоит из репрезентаций и аффектов, - последние «не допускают словесных репрезентаций», - стало быть, «...бессознательное может быть создано лишь *психикой, представляющей собой нечто большее, чем языковые структуры*» (курсив добавлен, 2005, стр.99). С введением Фрейдом бессознательного эго статус бессознательного изменился: оно теперь относилось не только к содержанию вытесненного, но и к его структуре. Это важное развитие, пишет Грин, открыло путь способам мышления, «чуждым ординарному здравому смыслу», которые мы находим в не невротических структурах (ibid, стр. 205).

Для психики в понимании Грина *экономический фактор влечений* имеет принципиальное значение: бессознательное представляет собой разветвленную сеть дериватов влечений (как презентаций вещей), ищущих путей разрядки. Вопрос о том, являются эти *дериваты влечений репрезентациями или презентациями* и могут ли они обретать форму благодаря психике аналитика, стал предметом новых фрейдистских исследований, теорий, дебатов (Botella 2005, 2014; Kahn 2013, 2014). Динамическая природа этих репрезентаций (репрезентирующих влечение в первичной форме) толкает их к действию или осознанию. Представление о динамическом характере телесно обусловленных влечений бессознательного, всегда ищущих разрядки и определяющих действия индивида, находит резонанс в повседневной клинической реальности (Green, 2005). Грин (1973) оказал влияние также на развитие теории аффектов: в его картине аффект репрезентирует альтернативный способ присутствия тела в речи.

По мнению Лакана (1959-1960, стр. 132), увлечение аффектом в североамериканском психоанализе заводит в «тупик», поскольку смысл порождается означающими. Тем не менее, в последних семинарах (Lacan, 1999), он начал говорить, - опираясь на Фрейда, - о (травматическом) Реальном, которое не было или не могло быть репрезентировано. Так у Лакана очертилась *концепция бессознательного как отсутствия репрезентации*, недоступности высказыванию. С недавнего времени это стало главным фокусом внимания авторов французской аналитической школы.

Рене Каэс (Kaës 1993) - один из авторов, внесших вклад в концептуализацию дуальности бессознательного. Он писал о «двух центрах» бессознательного: из одного бессознательное исходит *в тело*, другой же связан с группой и ее сетью означающих. Оба инвестируют в формирование субъекта, - иными словами, субъект поддерживается актуализацией чувственного опыта и идей, аккумулируемых в этих бессознательных резервуарах. Ботелла и Ботелла (2005) нашли подтверждение идей Грина в своей работе с тяжело травмированными пациентами, обнаружив, что нерепрезентация для этих пациентов очень характерна. Поскольку довербальные травмы запечатлены, но не репрезентированы в психике, Ботелла считают необходимостью применение новой техники работы, которая позволила бы инкорпорировать их в процессе психоаналитического лечения. Ботелла (2005, 2014) ввели понятие «психической работы фигуративности», которую должен выполнять аналитик, чтобы иметь дело с этими ситуациями «памяти без воспоминания».

Еще одна значимая линия современной французской школы связана с исследованием качества бессознательной «работы» и отношений между системами Бессознательного и Сознания (к примеру, Грин, С. и С. Ботелла и Рейд). Некогда Фрейд (1900) сформулировал принципиальный ориентир: критически важно не путать сновидение не только с его манифестным содержанием, как это делали прежде, но и с его латентным содержанием: сущность сновидения состоит в *работе сновидения*. Аналогично, можно сказать, что сущность бессознательного состоит в *работе бессознательного*. Здесь акцент делается на Бессознательном как системе, которой помимо специфического содержания свойственна также собственная логика, отличающаяся от логики системы Псз-Сз (см. ниже БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ЛОГИКА). Бессознательное не тестирует реальность, так что бессознательные процессы «уравнивают реальность мысли с внешней реальностью, а желания - с их исполнением» (Freud, 1911с, стр.225). Первичный процесс определяется галлюцинаторностью; галлюцинаторное – это основная модальность инвестирования бессознательным как системой. Сознательно-предсознательная система, напротив, действует под эгидой вторичного процесса и стремится обеспечить тестирование реальности. Согласно Грину, Ботелла, Рэйду и др., *галлюцинация как процесс является главной формой бессознательной инвестиционной работы*. Психическое функционирование, описанное в первой (топографической) модели Фрейда, является продуктом длительной зависимости от психики заботящихся лиц и отношений с этими психиками; которая, в идеале, должна привести к адекватному сообщению между Бсз и Псз/Сз системами. Такое сообщение включает шаги противостояния/сотрудничества, которым способствует гибкая полупроницаемая граница, позволяющая вытеснению быть устойчивым, но не слишком ригидным. Фрейд детально описал отношение противостояния /сотрудничества, но не развил гипотез его происхождения или формирования.

Эту задачу решал Винникотт: пересматривая вопрос о происхождении тестирования реальности, он открыл *переходность*. Так тестирование реальности было вписано в рамку парадоксальных отношений между психикой и средой. *Переходные процессы индуцируют новую модальность бессознательного инвестирования, соединяющую галлюцинаторный режим с признаками реальности*. В переходном пространстве достаточно хороший объект одновременно является матерью и не матерью.

Переходность объединяет и в то же время разъединяет первичный и вторичный процессы. Именно эта переходная форма бессознательного функционирования, или «работы», - сочетание галлюцинаторного модуса с тестированием реальности, - открывает путь гибкого обмена между Бсз и Псз/Сз системами и объясняет его устройство. В этом контексте вытеснение оказывается главной защитной операцией, которая как препятствует движению психического содержания в обе стороны, так и создает возможность такого движения (в виде замаскированного возвращения вытесненного). Если раннее окружение было неадекватно, психика вместо вытеснения обращается, главным образом, к расщеплению эго как к защитной операции, и отношения между Бсз и Псз/Сз выливаются в исключительное противостояние. Такой тип психического функционирования обнаруживается в не невротическом регистре.

В целом можно сделать вывод о тесной связи между бессознательным и влечением в современных теориях французской школы. Много внимания уделяется подробному исследованию «построения» влечения из базовых физиологических рефлексов. Влечение рассматривается как нечто изменчивое, находящееся в состоянии постоянной трансформации, проникающее во все психические процессы, и рождающееся заново в определенном интерсубъективном опыте. Признано, что ранний опыт получения заботы играет решающую роль в формировании и эволюции как содержания, так и процессов бессознательных операций индивида. Даже в наиболее архаических проявлениях бессознательное не бывает полностью свободной инстинктивной энергией, - оно всегда есть влечение, глубоко и неизгладимо отмеченное самой ранней зависимостью от конкретных взрослых и содержащее в себе следы этой зависимости. Так, Оланье (2001) пишет: «...для того, чтобы восприятия и сенсорный опыт младенца, как и его ощущения удовольствия или боли стали психически репрезентируемы ... они должны быть либидинально инвестированы материнской психикой» (стр. ххi). Далее она указывает на близость ее точки зрения представлению Биона о материнском мечтании (ревери). Лапланш (1999 а, b, с) ввел термин «интросиссия» в качестве противоположности «имплантации» для обозначения насильственной передачи бессознательной сексуальности, не смягченной вытеснением и вторичной переработкой со стороны взрослого. Кристоф Дежур (2001) предлагает сходную концептуализацию качества родительского присутствия в процессе формирования бессознательного: когда заботящееся лицо атакует мыслительный процесс ребенка, способность того к вытеснению нарушается. В результате возникает то, что Дежур называет «слабоумным» (бездумным) бессознательным, - бессознательное, лишенное ассоциативной и трансформирующей генеративности вытесненного бессознательного.

Еще один ракурс рассмотрения связи между бессознательным и репрезентацией предложил франкоязычный аналитик из Канады Скарфоне (2016a, в печати, 2016b в печати). Он указал на наличие в английском языке двух слов: сознание (consciousness) и осознание (awareness). Этимологически «ware» в «awareness» отсылает к значению: не терять что-то из виду. Но «видеть», или осознавать что-то - лишь первый шаг на пути к сознанию (consciousness): можно осознавать нечто, не вполне понимая, что оно значит. Полнота сознания требует как осознания, так и осмысления того, что осознается. Согласно Витгенштейну, значение есть употребление. В связи с этим, можно сказать: сознавать - это иметь возможность пользоваться осознаваемым в словах или в действиях. «Бессознательность», напротив, относится к тому, что может

быть в пределах осознания или вне их, но в любом случае не находит намеренного употребления ни в мысли, ни в действии.

Темпоральность (временной аспект) бессознательного - еще одна область интереса французских аналитиков. В описании Понталиса (2001) бессознательное - это «сейчас, которое не проходит». Похожую мысль можно найти у Грина, который пишет о множественных темпоральностях внутри одного субъекта, и, в частности, - о состояниях «в которых... сознание (а не только бессознательное) не знает времени, - живет в вечном настоящем, неспособное использовать прошлый опыт» (2002, стр. 64). Скарфоне (2006, 2014а) считает, что психоанализ проявляет внимание не к прошлому, а к «непрошлому» индивида, к «актуальному» времени, где происходят «презентации вместо ре-презентаций, действия (Agieren) вместо мыслей». (Скарфоне, 2006, стр. 827; курсив автора).

III. Д. Латиноамериканский вклад и связанные с ним концептуализации.

Мощная кляйнианская традиция в латиноамериканском психоанализе, которой благоприятствовали как тесные контакты с Британской кляйнианской группой с начала 1940х г.г., так и доступность переводов трудов Фрейда на испанский язык уже в 1920-е годы (Лопес-Баллестерос, 1923), породила оригинальные синтезирующие концепции бессознательной логики и бессознательной коммуникации, оказавшие влияние на все три региона психоаналитической культуры.

III. Да. Бессознательная логика.

Способность понимания логики бессознательного - фундаментальный и повседневный инструмент психоаналитика. Эта способность неотъемлема от психоанализа и принципиально необходима для понимания психотических проявлений любого пациента. Первым к бессознательной логике обратился Фрейд (1900) в «Толковании сновидений», где описывается то, что он назвал «первичным процессом», - логику бессознательного, характеризуемую 1) отсутствием взаимных противоречий между презентациями различных инстинктов; 2) смещением; 3) сгущением; 4) атемпоральностью; 5) заменой внешней реальности психическими содержаниями. Фрейд продолжил эту тему еще в нескольких текстах: «Два принципа психического функционирования»(1911с); «Случай паранойи» (1911а); «Бессознательное» (1915с); «Я и Оно (1923а); «Новый цикл лекций по введению в психоанализ» (1933).

Матте-Бланко в работе «Бессознательное как бесконечные множества», говоря о ценности фундаментального открытия Фрейда, (1975), выразил мнение, что Фрейд совершил открытие не бессознательного как такового, а мира, управляемого совершенно иными законами, чем законы сознательного мышления; именно в открытии этих законов, регулирующих странную «сферу алогичного» (Freud (1940а, стр. 168)), проявился гений Фрейда. Генри Рэй в обзоре работы Матте-Бланко написал: «Матте-Бланко также чрезвычайно и, кажется, прежде всего, обеспокоен эволюцией понятия бессознательного в трудах Фрейда и в психоаналитическом мире. Из “Бессознательного”, то есть живого аспекта личности, активность которого

управляется определенными законами, оно было разжаловано в качество бессознательности» (1976, стр. 491).

Соединив концепции Фрейда с логико-математическими суждениями, Матте-Бланко разработал концепцию бессознательной логики (би-логики), подчиняющейся двум принципам: 1) Принципу генерализации, согласно которому в бессознательной логике, в отличие от сознательной, индивиды существуют не как единицы, а как члены все расширяющихся групп (классов, множеств). Смещение возможно именно благодаря этому принципу. 2) Принципу симметрии, где речь идет о том, что бессознательное всегда обращается с любым отношением и обратным/противоположным ему как с идентичными. Отсюда проистекает безвременность. Оба принципа оперируют сгущением и отсутствием противоречий. «Матте-Бланко подчеркивает, что «сфера бессознательного» была для Фрейда подлинной психической реальностью. В этой сфере психика функционирует на основе би-логики, то есть одновременного действия двух принципов: принципа ассиметрии в отношении индивидов и различий между ними, характеризующего повседневную логику, функции научного мышления, сознание и вторичный процесс по Фрейду; и принципа симметрии, который управляет фрейдовским первичным процессом.

Матте-Бланко рассматривает смещение как основу проекции, сублимации, переноса, возвращения вытесненного и разделения объектов. Смещая, индивид обращается с исходным примитивным объектом и с объектом, на который происходит смещение, как с элементами одного класса с конкретными атрибутами, очевидными для его бессознательного, но совсем необязательно - для его сознательного мышления. Например, если человек воспринимает начальника как угрожающего отца, в терминах символической логики мы можем описать это так, что его бессознательное воспринимает начальника и отца как членов одного класса, так что бессознательно они идентичны. Любая структура или система представляет собой множество; класс есть множество всех индивидов, обладающих атрибутами или качествами, определяющими класс. Если множество бесконечно в том смысле, что подсчет его элементов не может быть закончен, часть становится эквивалентна целому: так работают и симметрическая логика, и бессознательное.

Би-логические структуры Матте-Бланко стратифицируют пространство психической жизни на слои, отличающиеся большим или меньшим присутствием модусов асимметричности-делимости и симметричности-неделимости. Эта картина совместима с представлением о невытесненном бессознательном из поздних работ Фрейда, «примитивные и иррациональные характеристики» (1933, стр. 75) которого свойственны процессам Ид (1923а, 1926) и имеют атрибуты, ранее отнесенные к первичному процессу и бессознательному-как-системе.

Опираясь на эволюцию представлений Фрейда о бессознательном, Матте-Бланко переформулировал через призму математической логики законы бессознательного, противопоставляя их законам аристотелевой научной логики, присущей сознательному психическому функционированию (вторичный процесс). В своем крайнем проявлении - в глубочайшем слое структурного невытесненного бессознательного - симметрическая логика конституирует неделимый симметричный способ бытия, характеризующийся вневременностью и внепространственностью. Своими разработками Матте-Бланко развивает теорию психологического пространства и многомерности, - в

контексте представления об объекте и внутреннем мире, о прошлом, настоящем и будущем. Психические факты вневременности и внепространственности он рассматривает как выражение бессознательной логики, уравнивающей целое с любой из своих частей и наоборот. В том же духе, - в терминах своих концепций би-логики и инфинитизации, - он, переосмысливая фрейдовский «Случай паранойи» (1911a), проясняет фрейдовские противопоставления внешнего и внутреннего, психической и физической реальности (Matte-Blanco 1988).

В рецензии на книгу «Бессознательное как бесконечные классы: эссе о би-логике» Генри Рэй (1976) клинически иллюстрирует полезность идей Матте-Бланко для более глубокого понимания психотического мышления на примере шизофренической пациентки, который приводит сам Матте-Бланко. После того, как у этой страдающей от бреда и галлюцинаций женщины взяли из руки кровь для анализа, она стала жаловаться: временами у нее забирают кровь из руки, а временами забирают руку. Здесь проявляются хорошо известные свойства шизофренического мышления: уравнивание, а также полная реципрокность и взаимозаменяемость части и целого.

Вторая книга Матте-Бланко «Мышление, чувствование, бытие» (Thinking, Feeling and Being, 1988) отражает дальнейшую эволюцию идей автора о бессознательном, его законах и их применении в психоаналитической работе. Представление о *бесконечности бессознательного, идея комбинаций асимметричного и симметричного мышления* в различных пропорциях, обуславливающих стратификацию слоев между сознанием и глубинными бессознательными уровнями, открывают новые пути понимания психики. *Глубочайшее бессознательное, фрейдовское «непостижимое» [кавычки ред.], полностью симметрично*: все равно всему. Это модус абсолютной «неделимости». Фрейдовский инстинкт смерти, таким образом, может быть переформулирован как прекращение мышления: если все равно всему, мышления быть не может. Но и в противоположном состоянии абсолютной асимметрии, когда все отличается от всего остального, никакие связи или ассоциации провести невозможно и объекты принадлежат лишь категориям, исчерпываемым ими самими, мышление тоже отсутствует. Матте-Бланко заключил: *психические процессы возможны лишь при участии обоих модусов, симметричного и асимметричного*. Переформулирование концепций сознания и бессознательного в терминах би-логики и стратификации психики позволило ему расширить исследование кляйнианской концепции проективной идентификации с точки зрения симметричной логики. Проективная идентификация при этом рассматривалась как би-логически структурированная манифестация обоих мыслительных модусов.

Сформулированные Матте-Бланко идеи симметризации и инфинитизации были клинически раскрыты Эриком Райнером (1981, 1995), который основал лондонскую группу би-логики. Проясняя и развивая теорию эмоций и теорию бессознательной логики Матте-Бланко, Райнер разрабатывает идею симметризации в области чувств: субъект и объект тяготеют к недифференцируемости или взаимозаменяемости, а аффекты - к «инфинитизации». Поскольку симметризация сама по себе не допускает никакого психического развития, она, очевидно, приводит к *инфинитизации процесса - бесконечному повторению*.

В качестве примера инфинитизации в результате симметризации можно привести случай эротических импульсов, инфинитизирующихся под давлением мощных тревог,

- случай мужчины, увлекающегося последовательно или одновременно «множеством» женщин, в маниакальном возбуждении менявшего очередную объект своей пылкости на новый. Исчерпав экстаз полного слияния, он, не мешкая, отправляется навстречу новому объекту. На этом уровне симметризации женщины взаимозаменяемы. Их чары держат его в инфинитизированном состоянии, похожем на гипнотический транс, которое переживается как взаимное обретение силы. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что эта эротическая структура дает спасительный выход интенсивным клаустрофобическим тревогам, возникающим у него в бизнесе и в браке. Но как только экстатический пик пройден, партнерша превращается в очередной клаустрофобический объект. Клиническое исследование инфинитизации симметризаций, убедительно высветившее *симметрию ролей жертвы и хищника*, позволяет постепенно сместить эротическую манию с ее центральной позиции в пользу более спокойных отношений и состояний психики. Инфинитизация – род навязчивого повторения, однако такого, которое особенно прямо связано с выражением инстинкта, со сферой не-мыслимого.

Концепция *бессознательной логики Матте-Бланко* характеризует *глубочайший слой бессознательного: истоки психики, - невытесненное структурное бессознательное, тесно связанное с телесными ощущениями*. В этом контексте, концепцию бессознательной логики часто рассматривают как родственную таким концептуализациям, как «телесная тьма» (eclipse of the body) Армандо Феррари (Lombardi, 2000) и трансформативные процессы Биона (1962), поскольку все они раскрывают структурную трудность мышления перед лицом био-психологической эмоциональной атаки. Мощное воздействие тела на психику вызывает первые структурные элементы инфинитизации, - как бы оставляет психический след в теле. Понятия следа памяти и мнемического образа у Фрейда отсылают нас к «Проекту научной психологии» (1895, стр. 351) и «Толкованию сновидений» (1900a,b), где мы встречаем также такие понятия, как транскрипция, повторение и «Bahnung» [«проведение» - прим. ред.], - что можно перевести как способствование или путь. След, или отпечаток, представляет собой первое соматическое впечатление.

Ломбарди (2008 стр. 713) пишет: «В этой связи мы хотели бы еще раз акцентировать то, каким образом бессознательное и бесконечное возникают из примитивного опыта тела». И еще: «Таким образом, исследования Матте-Бланко посвящены действию логики, характеризующей мышление и язык как факторы, стимулирующие к аналитическому контакту, а также занимающей безусловно центральное место при лечении трудных случаев». (стр. 711). К свойствам бессознательной логики Ломбарди добавил *отсутствие отношений в структуре мысли, сосуществование мыслей и немислей, присутствие и отсутствие времени, дезинтеграция-спутанность пространства/времени* (стр. 709).

Подход Матте-Бланко ведет к определенным техническим выводам, - обусловленным, прежде всего, признанием того, что глубинные уровни психического функционирования могут требовать предварения систематической интерпретативной позиции аналитическим ревери (Bion 1962) и различными формами «холдинга» (Winnicott 1971). Эта начальная фаза может быть необходима для того, чтобы субъект/анализанд мог переживать интерпретации, - требующие определенной толерантности к асимметрии, - а тем самым, и логический (символическо-

метафорический) скачок, как эмоционально значимые и не инфинитизированно опасные. Флоранс Гиньяр (1995) считает, что концептуализация бессознательного Матте-Бланко дает возможность привести «в аналитические отношения элементы инфантильного - обусловленные влечениями; связанные с развитием; структурные» (стр.1083).

В целом, можно сказать, что теория бессознательной логики (би-логики, симметрической логики) Матте-Бланко исследует глубочайшие бессознательные слои на микроскопическом уровне. Все психические процессы определяются двумя несовместимыми логиками в тех или иных соотношениях: асимметрической, свойственной для сознания и основанной на принципе непротиворечивости, и симметрической бесконечно генерализующей логикой бессознательного. Асимметрическая логика тяготеет к дифференциации объектов на все более индивидуализированные классы и характеризует научное мышление. Сформулированные Фрейдом свойства системы бессознательного (вневременность, смещение, замена внешней реальности психической, отсутствие противоречий между двумя влечениями и сгущение) рассматриваются как результат двух принципов, управляющих логикой бессознательного.

Би-логическая теория бессознательного Матте-Бланко находит все более широкое признание в современном психоанализе (Grotstein, 2000, Guignard, 1995; Keene, 1998; Newirth, 2003). Рассматриваемое как форма логики/символизации/дискурса *на собственных условиях, «примитивное» бессознательное может быть признано искусным генератором символических кодов, использующим би-логику для создания сообщений, содержащих потенциал роста и восстановления.*

III. Дб Бессознательная коммуникация

Впервые эта тема в психоаналитической литературе упоминается в работе Фрейда «Советы врачу при психоаналитическом лечении» (1912 б). «[Аналитик] должен направить свое собственное бессознательное в качестве воспринимающего органа на передающее сигналы бессознательное пациента, ему следует быть также настроенным на анализируемого, как принимающее устройство телефона настроено на передающий микрофон. Подобно тому как приемное устройство вновь превращает в звуковые волны электрические колебания тока телефонной линии... так и бессознательное врача способно из сообщенных ему производных бессознательного восстановить это бессознательное, детерминировавшее свободные ассоциации пациента» (стр. 115-116). Он вернулся к этой теме в статье «Бессознательное» (1915 с): «Весьма примечательно, что Бсз одного человека может в обход Сз влиять на Бсз другого. Это заслуживает более детального исследования с целью обнаружить или исключить влияние предсознательной активности, но в качестве описания этот факт неоспорим» (стр. 194). Фрейд больше к этой теме не обращался, однако впоследствии ее подхватил Шандор Ференци, который пришел к мысли о важности личности аналитика для развития бессознательной коммуникации как основополагающего фактора уникальных характеристик каждого психоаналитического процесса. В своем «Клиническом дневнике» (1932 стр. 31, 45, 107 и 109) он описывает то, что называет «подлинным аналитическим контрпереносом» - эмоциональное участие аналитика в аналитическом процессе: «Я также подумал, что сновидение пациентки, предсказывавшее революцию

в Германии за два дня до события, могло быть ее предчувствием моего бунта против тирании страдания» (Ferenczi Clinical Diary; запись от 17.03.1932, - 1988, стр.60). Дневники Ференци дали Грину (2008) основание назвать его предтечей современного психоанализа; Циммерман в своем «Словаре современного психоанализа» (2008) говорит, что Ференци рассматривал личность аналитика как лечебный инструмент в анализе. Как Фрейд, так и Ференци были увлечены возможностью телепатического контакта.

После Ференци последовал период молчания, - пока Теодор Рейк не опубликовал «Слушание третьим ухом» (1948). Рейк сделал значительный шаг к пониманию бессознательной коммуникации: «Аналитик слышит не только слова; он слышит так же и то, что слова не говорят. Он слушает «третьим ухом», - не только то, что говорит пациент, но и собственные внутренние голоса, звучащие из глубин его бессознательного. ... То, о чем говорится, не является самым важным. Нам представляется более важным распознать, что скрывает речь и о чем говорит молчание» (ibid, стр. 125-126). Он добавляет: «... бессознательные уровни не воспринимаются напрямую. Посредником является эго, куда интроецируется бессознательное другого. Чтобы понять другого, нам нужно не пытаться проникнуть в его психику, а бессознательно чувствовать его в собственном эго» (ibid, стр 464) и продолжает: «Я имею в виду, что бессознательные импульсы в психике одного вызывают импульсы того же рода в другом, в нашем случае, в аналитике (там же, стр. 468).

Огромное продвижение в понимании бессознательной коммуникации произошло с открытием механизма проективной идентификации, описанного Кляйн в 1946 году. Исходно рассматривавшаяся как фантазия пациента, проективная идентификация была затем концептуально разработана такими авторами, как Блон, Хайманн, Ракер и другими. В этой фантазии пациент помещает нечто внутренне невыносимое в психику аналитика, на время освобождая себя от этого аспекта своей личности. Хотя эффект временный, пациент может затем избавиться не только от этого содержимого, но и от целой связанной с этим части себя, в результате обедняя себя, опустошая свою психику.

В «Нападении на связь» (1959) Блон развил концепцию проективной идентификации в аспекте коммуникации между аналитиком и пациентом - взаимодействия между двумя психиками, в котором намерение анализанда - оказать воздействие на психику аналитика. В «Научении через опыт переживания» (1962), Блон сделал следующий шаг, сформулировав представление о реалистической проективной идентификации, - когда аналитик действительно подпадает под влияние проективной идентификации пациента. По этому поводу Огден писал: (1980, стр. 517) «посредством проективной идентификации встречаются интрапсихическое и интерперсональное, - этим путем фантазии одного человека коммуницируются другому и оказывают на него давление». Важно отметить, что несмотря на то, что Кляйн понимала проективную идентификацию как фантазию, она считала, что инстинкты изначально находятся в поиске объекта. В этом смысле ее теория уже содержит ростки идей, которые развивал Блон о коммуникативном аспекте проективной идентификации. Инстинкту изначально присущи знание об объекте и стремление к поиску объекта. Работы Блона об альфа-функции, реверии, контейнере-

контейнируемом и работе сновидения создали картину бессознательных механизмов материнской психики, которая продвинула нас в понимании ее роли, - и роли аналитика, - в содействии развитию способности мышления младенца-пациента, - способности научения через опыт. Идеи Биона отображают взаимодействие между психиками.

По мере эволюции концепции проективной идентификации параллельные разработки позволили расширить представление о контрпереносе, это теперь не просто бессознательная манифестация аналитика, как постулировал Фрейд, а необходимый, сущностно важный инструмент понимания аналитического материала. Статьи Паулы Хайманн и Генриха Ракера стали важными вехами на этом пути. (См. также отдельные статьи КОНТРПЕРЕНОС и ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ). Хайманн (1950) рассматривает контрперенос как результат бессознательного желания пациента перенести на аналитика аффекты, которые он не может признать и пережить как свои собственные; следовательно, заключает она, аналитик может черпать важные понимания из исследования своего контрпереноса. Для Ракера (1953) основным источником чувств аналитика является психика пациента, трансформирующая сеттинг в би-персональное поле. Ракер разработал концепцию конкордантной идентификации, при которой аналитик, интроецировав различные объекты внутреннего мира пациента, может ощутить себя в его ситуации. Это делает возможным эмпатическое понимание со стороны аналитика, оставляя ему и место для переживания собственных эмоций. Дифференциация протагонистов, таким образом, сохраняется. При комплементарной идентификации, - еще один вклад Ракера, - происходит реципрокная проективная идентификация аналитика и пациента, то есть аналитик проецирует себя в пациента. Результатом этого процесса становится разыгрывание. В 1962 Гринберг предложил концепцию проективной контридентификации для описания воздействия проективной идентификации анализанда на личность аналитика. При мощном воздействии реакция аналитика может рассматриваться как результат проективной идентификации пациента и быть не связанной с его собственными конфликтами. Гринберг изучал природу внутренних отношений аналитика со спроецированными в его психику внутренними объектами пациента.

Эти исследования *бессознательной коммуникации через перенос и контрперенос* позволили концептуализировать отношения между аналитиком и пациентом как би-персональное поле, то есть как фундаментально интересубъективные. Впрочем, этот термин в психоанализе используется очень по-разному. Лоуренс Браун в «Интерсубъективном процессе и бессознательном» (2011) отмечает: «термин интересубъективность часто ассоциируется с американской реляционной школой», - подходом, который Грин назвал североамериканской эпидемией. Это, впрочем, не помешало Гротштейну (1999) и Брауну (2011) приветствовать конвертацию контрпереноса в интересубъективный контекст. Как резюмирует Браун, «*Интерсубъективность - это процесс бессознательной коммуникации, рецептивности и смыслообразования в психике каждого из членов диады, привносящих свои уникальные значения в разделяемое ими эмоциональное поле, которое взаимодействует с аналогичной функцией партнера*» (Brown, 2011, стр. 7).

Главный источник используемой Брауном концепции аналитического поля - работа супругов Баранже: «Аналитическая ситуация как динамическое поле» (1961),

переизданная на испанском языке в 1968 г., а на английский переведенная только в 2008-м, так что эта фундаментальная теоретическая инновация до недавнего времени не была известна большей части аналитического сообщества. Баранже характеризовали свой проект следующим образом: «В этой статье обсуждаются последствия того, что контрпереносу придают в последнее время столь большое значение. Когда это значение в теоретическом и техническом смысле становится эквивалентно значению переноса, аналитическая ситуация приобретает конфигурацию динамического би-персонального поля, и наблюдаемые в ней феномены должны формулироваться в би-персональных терминах» (2008, стр. 795). Баранже описали характеристики этой *бессознательной фантазии аналитической пары*, акцентируя вклад феноменов проективной и интроективной идентификации в ее структуру. По поводу бессознательной фантазии они говорили следующее: «... самое важное, что она не может рассматриваться как сумма двух внутренних ситуаций. Она представляет собой нечто, *рожденное между двоими*, внутри целостности, образуемой этими двумя в ходе сеанса и радикально отличающейся от того, что есть каждый из них по отдельности... Мы определяем фантазию в анализе как динамическую структуру, которая в каждый момент времени *придает смысл би-персональному полю*» (там же, стр. 806-7).

Идея аналитического поля как би-персонального оказала значительное влияние на Антонино Ферро (1998, 2004, 2009). Ссылаясь на Биона, Мома, Пичон-Ривьер и чету Баранже, Ферро подчеркивает: бессознательная коммуникация разворачивается в фантазиях пациента, аналитика и их пары, начиная с самого первого контакта по телефону и даже до него. Далее он описывает свою модель бессознательного слушания без сознания, структурирующую аналитическое поле. Глубокая эмоциональная вовлеченность аналитической пары как целого, основанная на проективной идентификации, выливается в «сновидение наяву» [кавычки ред.] аналитика о материале пациента на аналитическом сеансе, - *совместное сновидение*, открывающееся аналитику в его ревери. В том, как развивает понятие Биона Огден, *ревери выражает бессознательное*. Совместному сновидению сопутствуют совместные ревери: инициированные бессознательной коммуникацией и переработанные диадой, они становятся доступны сознанию.

Независимо от латиноамериканской мысли, на разных континентах разрабатывалась концепция *аналитического третьего*. Сформулировал ее впервые Грин в 1975г.; в 2008-м он описывал аналитического третьего как «Аналитический объект, не внутренний (анализанд или аналитик) и не внешний (тот или другой), а то, что между ними» (Грин 2008, стр. 231; перевод с португальского Авзарадел/Avzaradel). Как в *аналитическом объекте* Грина, так и в *аналитическом третьем* Томаса Огдена прослеживается вдохновляющее влияние Винникотта. Винникотовское «Нет младенца самого по себе, то есть ... где мы обнаруживаем младенца, там находим и материнскую заботу» (Winnicott 1960, стр. 286) вдохновило Огдена, для которого нет аналитического пациента без аналитика. Также *потенциальное пространство* Винникотта стало для Огдена предшественником его *интерсубъективного пространства*. «Аналитик пытается распознать, понять и вербально символизировать для себя и анализанта специфическую суть взаимодействия субъективного опыта аналитика, субъективного опыта анализанта и интерсубъективно порожденного опыта аналитической пары (аналитического третьего)... без преувеличения можно сказать, что современная

аналитическая мысль приближается к состоянию, когда уже невозможно говорить об аналитике и анализанте просто как об отдельных субъектах, воспринимающих друг друга как объекты» (Ogden, 1994, стр. 3). Отталкиваясь от идеи Биона, Огден предложил *трансформацию теории сновидений* с помощью концепции реверси как важного инструмента. Ссылаясь на Сандлера, Огден (2007) писал: «Где есть бессознательная работа сновидения, есть и бессознательная работа понимания» (стр. 40). Это перекликается с несколько более ранней фразой Гротштейна: «Где есть бессознательный сновидец, видящий сон, есть и бессознательный сновидец, понимающий сон» (Grotstein, 2000, стр. 5). С тех пор многие авторы внесли вклад в эту область, в том числе Левин (2013), Гротштейн (2000, 2005), Кассорла (2013), Огден (1994, 2005).

Чивитарезе в книге «Необходимое сновидение» (2014) глубоко соприкоснулся с этой темой: «При таком подходе парадигма сновидения получает еще более центральное место, чем в классической теории. Мы понимаем сновидение как *результат коммуникации между бессознательными* и слушаем его как *интерсубъективную продукцию*. Мы истолковываем каждый сеанс как долгий совместный сон и анализ в целом видим как обмен реверси» (стр. xiii).

Современное состояние вопроса бессознательной коммуникации открывает обширное пространство для дальнейших исследований, которыми занимаются аналитики на всех континентах. В числе совсем недавних работ - посвященные концептуализациям *«интерпсихического»*, определяемого как «функциональный пресубъективный уровень, на котором два человека могут обмениваться внутренними содержаниями и опытом в совместном пространстве, используя «нормальную» коммуникативную проективную идентификацию» (Bolognini, 2016, стр. 110).

IV. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

IV.A. НЕЙРОНАУКИ

«Исследования неопровержимо доказали, что психическая активность не связана с функцией никакого другого органа так тесно, как с функцией мозга...Однако здесь существует пробел, который в настоящее время не может быть заполнен» (Freud 1915c, стр. 174).

Шестьдесят пять лет спустя после публикации «Бессознательного» Фрейда, где были сформулированы два основополагающих принципа психоанализа: предпосылка бессознательной психической жизни и идея двух модусов психического функционирования - первичного и вторичного процесса - психоаналитик, психолог, нейробиолог Ховард Шеврин (Howard Shevrin), синтезируя известные на тот момент исследования подпороговой стимуляции, заявил: бессознательное является необходимым допущением всякой психологии (Shevrin, Dickman, 1980). Первые попытки подобного рода исследований в рамках экспериментальной когнитивной психологии и когнитивной нейробиологии относились строго к восприятию. Это было началом целой лавины исследований во многих областях: восприятия, памяти, эмоций,

мотивации, предубеждений, зависимостей, аффективных и тревожных расстройств, болезни Альцгеймера, болезни Паркинсона, аутизма, запущенности, - в которых были обнаружены бессознательные/внесознательные факторы (в основном на дескриптивном уровне).

Дальнейшее развитие фундаментальных и прикладных нейробиологических исследований происходило невероятно быстро, подобно взрыву, особенно в Европе и Северной Америке. Результатом стало появление новых узких специализаций: динамической нейропсихологии (Luria, 1966; 1973; Kaplan-Solms, Solms, 2000), динамической нейробиологии развития (Balbernie, 2001; Schore, 2003; Siegel, 1999; 2007), нейробиологии аффективности (Panksepp, 1999; Johnson, 2006) и динамическо-когнитивной нейробиологии (Shevrin, 1994; 1999; Villa, Brakel, Shevrin, Bazan, 2008). Это положило начало новому междисциплинарному направлению - нейропсихоанализу, задача которого состоит в «изучении динамической природы психики и выявлении нейроорганизации структуры бессознательного» (Solms, Turnbull, 2011, стр. 135). Междисциплинарные исследования динамических бессознательных феноменов получили также поддержку лауреата Нобелевской премии за работы по физиологии памяти Эрика Кэндела (Eric Kandel, 1998; 1999). Кэндел и Шеврин сходились во мнении, что «динамическое бессознательное», включающее конфликт сексуальных и агрессивных импульсов, в основном не попадало в фокус нейробиологических исследований. Между когнитивно-ориентированными нейробиологами, с одной стороны, и психоаналитиками - с другой, царил значительная концептуальная неразбериха: то, что первые в большинстве называли «бессознательным», для вторых было предсознательными процессами, бессознательными лишь в смысле латентности в описательном психоаналитическом смысле. И это было не единственным понятийным расхождением: по-разному использовались слова «влечение», «инстинкт», «конфликт» и т. д. Имелись также методологические различия, особенно в том, что касалось переноса на людей результатов исследований на животных, а также выводов о внутренних репрезентациях и бессознательной фантазии на основе поведенческих наблюдений. Однако достижения нейронаук в изучении раннего развития мозга, нейропластичности и нейронных связей, рассматриваются как потенциальный источник подтверждения психоаналитической теории личности и клинической методологии психоанализа.

IV. Аа. Динамическое бессознательное в нейроанализе: бессознательный конфликт, «вытесняемость», память и раннее развитие

Первое известное нейробиологическое исследование динамического бессознательного описано Шеврином с соавторами (1992, 1996): у группы пациентов, страдающих от социальной фобии, реакция мозга в виде вызванных потенциалов позволила обнаружить нейрофизиологические маркёры бессознательного конфликта. Позднее Шеврин с соавторами (2002) соотносили ответы на подпорогово и надпорогово (доступно сознанию - прим. пер.) предъявляемый набор слов с мерой «вытесняемости» и обнаружили, что процесс вытеснения блокировал реакции на слова, которые, по оценке аналитиков, имели индивидуальный конфликтный смысл для конкретных пациентов (Shevrin, 2002, стр. 136).

Группа ученых, которая приобрела известность как группа Шеврина по исследованию подпорогового восприятия, продолжила изучение феноменов активности первичного и вторичного процессов, включая физиологические маркёры бессознательного

конфликта, аффекта, защиты, а также атрибутивной vs относительной природы этих двух модусов переработки стимулов. Этот корпус работ принёс Шеврину премию Сигурни (Sigourney Award) в 2003 году. Вилла, Шеврин, Снодграсс, Базан, Брэкель (Villa, Shevrin, Snodgrass, Bazan, Brakel, 2006) обратились к изучению бессознательной переработки языковых стимулов. Полученные ими данные свидетельствовали о важности коннекционистской концепции распространяющегося возбуждения - нейрофизиологического эквивалента Фрейдовского понятия свободного катексиса, характеризующего первичный процесс.¹

С точки зрения коннекционизма, - как и в классической психоаналитической концептуализации первичного процесса, - свободные и связанные катексисы имеют самое непосредственное отношение к статусу мотивации и защит. Чем более инстинктивна, как бы чем более подобна влечению мотивация, тем вероятнее, что она опосредует «распространяющееся возбуждение», или свободный катексис. Свободные катексисы тем более преобладают, чем выше тревога и менее эффективны защиты.

Исследование памяти в контексте раннего доэдипального/довербального развития продолжает быть предметом глубокого интереса как в Европе, так и в Северной Америке. Нейробиология установила границы не только долговременной эксплицитной, «вербализуемой», но и скрытой имплицитной памяти, недоступной ни сознательному воспоминанию, ни вербализации. Эти открытия позволяют предполагать, что весь инфантильный опыт первых двух лет жизни сохраняется во втором виде памяти и регулируется амигдалой, имеющей функцию переработки эмоций. Гиппокамп, необходимый для работы системы эксплицитной памяти, достигает полной зрелости не ранее двухлетнего возраста. Исследования имплицитной памяти, - после того, как Уоррингтон и Вейсткранц (Warrington и Weistkranz, 1974) ввели это понятие, - расширяют концепцию бессознательного и смещают его в новое пространство: из сферы вытесненного - в поле биологически детерминированного «несознания» (unawareness - Ginot, 2015); возможно, нечто подобное имел в виду Фрейд, когда говорил о бессознательных процессах отличных от вытесненных (Freud, 1923, 1930, 1940a,b).

Базовая эмоциональная и аффективная память, подлинный краеугольный камень системы ранних репрезентаций, формируется при участии сенсорного опыта, начиная с ранних стадий внутриутробной жизни (Mancia 1980; Le Doux 1992). Здесь может содержаться механизм связи нейрофизиологии памяти с фрейдовским бессознательным. Более того, впечатляющее расширение исходной концепции бессознательного на область «внесознательного» привело к установлению и других важных междисциплинарных пересечений с когнитивной наукой, нейробиологией, нейрофизиологией (Vissì 2001). Соответственно, гигантская база данных по бессознательным процессам и репрезентациям на основе исследований мозга впоследствии оказала влияние на понимание бессознательного внутри самого психоанализа. И когда аналитики имеют дело со знанием, которое находится вне сознания, но не является результатом вытеснения, они все чаще используют выражение, заимствованное из этих дисциплин: «имплицитное процедурное знание» (Clyman 1999; Fosshage 2005).

Коннекционизм - подход, в котором психические феномены описываются как продукт сетей, состоящих из простых и часто одинаковых единиц. (Прим. пер.)¹

В сердцевине этого концептуального пространства реляционных, имплицитных или энактивных процедур и репрезентаций - модель развития, она же и модель терапевтических изменений, согласующаяся с последними результатами исследований привязанности, ранних детско-родительских отношений, а также с данными нейрофизиологии и когнитивной нейробиологии (Gabbard & Westen 2003; D. N. Stern и др. 1998).² В соответствии с этим, меняются и модели терапевтического изменения в некоторых психоаналитических кругах: если раньше упор делался на перевод бессознательных репрезентаций в рефлексивное и символизированное знание (инсайт) или процедурного кодирования - в символическое (первичного процесса во вторичный, довербальных форм мышления в вербальные), то теперь важная роль отводится имплицитному, или процедурному знанию, предположительно не конфликтному, не символизированному, (Boston Change Process Study Group 2007; Lyons-Ruth 1998; 1999).

Невытесненное бессознательное связано с биологической конституцией индивида и - в виде раннего инфантильного опыта, который ещё не мог быть вытеснен, - составляет основу структурирования ядра Я и богатого субъектального³ пространства индивида. Опосредованное базисными характеристиками системы имплицитной памяти, оно (невытесненное бессознательное) не может не влиять на клинический процесс в его основополагающей сути. Эта связь подтверждает центральную роль опыта отношений в психоанализе (Barnà 2007b, 2014) и приводит к существенной трансформации представлений о работе переноса-контрпереноса в том, что касается «перевода» в просодию языка посредством символизации в сновидениях, разыгрывания и подстройки (Mancía 2006). Эти открытия вновь подтверждают «конструирующие» аспекты аналитических отношений (Freud 1937a), в особенности в связи с вербализацией бессознательных фантазий, о которых аналитик может догадываться в процессе эмпатического слушания и подстройки. Конструирующая работа может совершаться также через «переговоры» о смыслах и средствах языка, используемых для их выражения (Barnà 1990, 2007a).

За работой Леду (Ledoux), посвященной имплицитному взаимодействию множественных систем памяти в условиях острой травмы у взрослых, последовало несколько лонгитюдных исследований, обогативших знание о нейробиологических последствиях опыта ранней привязанности у детей с травматическими историями и без них (Balbernie 2001; Siegel 1999; Schore 2003, 2006, 2007, 2010). В целом, их данные согласуются с утверждением Боулби, что надежная привязанность способствует устойчивости по отношению к стрессу и травме, а ненадежная снижает ее. Негативный ранний опыт с результирующим нейробиологическим ущербом для расширенной лимбической системы, включающей орбитофронтальную кору, может привести к развитию у ребенка ряда когнитивных, эмоциональных и поведенческих проблем, нарушающих подростковую и взрослую адаптацию. Орбитофронтальная кора играет первостепенную роль при формировании базисной реляционной когнитивно-

---

² Энактивность – представление о том, что познание возникает из динамического взаимодействия между активным организмом и средой, причём, среду организм селективно создаёт благодаря этой своей способности с ней взаимодействовать. (Прим. пер.)

³ «Субъектальное» - видимо, неологизм, образованный по аналогии с «персональным». (Прим. пер.)³

эмоциональной матрицы. Также именно в этой области запечатлеваются самые ранние опыт и эмоциональная память привязанности (Siegel 1999, Balbernie 2001). Ключевой вывод из нейробиологических исследований развития мозга заключается в том, что «человеческие связи оказывают формирующее воздействие на нейронные связи, из которых рождается психика» (Siegel 1999 стр. 2) В течение первых трех лет жизни в процессе взаимодействия ребенка с родительскими фигурами, активизируются и формируются три базисные кортиколимбические сети саморегуляции аффекта, которые становятся основой для будущего переживания эмоций и управления ими. В этом контексте Шор (Schor 2003) изучал нейробиологические корреляты раннего начала *диссоциации* у младенцев,- можно было наблюдать что они (младенцы) подстраивались к ритмической структуре состояний их матерей с нарушениями регуляции, будь то гипервозбуждение или диссоциативное гиповозбуждение (подавленность).

На языке теории привязанности: транзакции привязанности запечатляются в имплицитной процедурной памяти, опосредованной амигдалой (но не гиппокампом, вовлеченным в вытеснение и бессознательную символизацию и в первый год жизни недоразвитым), формируя устойчивые «рабочие модели», - кодированные паттерны реагирования и совладающих стратегий регуляции аффекта в ответ на средовой стимул (Schor 2000, стр. 35). Будучи активизирована, процедурная память генерирует бессознательное ожидание будущего состояния психики. Согласно Сигель, это особо релевантно для ранней травмы, поскольку «неоднократно испытанные ужас и страх могут быть зафиксированы в мозговых сетях как состояния психики. Если впоследствии эти состояния возникают постоянно, то, воспроизводясь все легче, они становятся характерными чертами индивида» (Siegel 1999, стр. 33). В орбитофронтальной коре синаптогенез и миеленизация аксонов продолжают еще значительное время на втором году жизни. С окончанием этого периода пика нейропластичности эмоционального научения на опыте «рабочие модели» отношений, в основном, стабилизируются. Однако орбитофронтальная кора сохраняет удивительную нейропластичность на протяжении всей жизни. Возможно, именно благодаря этому глубинная психоаналитическая терапия может оказывать нейробиологический эффект: «Интенсивная психотерапия может рассматриваться как долгосрочная перестройка и реструктурирование памяти и эмоциональных реакций, запечатленных в лимбической системе» (Andreasen 2001, стр. 331).

Динамическая природа ранних невытесненных имплицитных запечатлений уже длительное время остается предметом дебатов, плоды которых имеют непосредственное отношение к клинической работе. Одна из позиций (Clyman 1991; Fonagy 1999; BSPSG 2007) состоит в том, что первые запечатления представляют собой когнитивные процедурные кодирования «себя-с-другим», - аналогично навыку езды на велосипеде. С этой строго процедурной точки зрения, воспроизводящееся разыгрывание в переносе происходит тогда, когда некоторая черта аналитических отношений достаточно сходна с заложенной «процедурой», так что запускается автоматический немотивированный процесс, приводящий к актуализации процедурного паттерна отношений. Изменение возможно благодаря «моментам встречи», не обязательно доступным интерпретации. С другой стороны, согласно динамической парадигме Шеврина, бессознательные намерения и ожидания, в дополнение к контексту и требованиям текущей ситуации, вносят вклад в определение того, как и что будет извлечено из процедурной памяти. «Извлечение не бывает просто автоматическим и немотивированным...» (Shevrin 2002, стр. 137).

Шеврин полагает, что «процедурная память», при том, что она не вытеснена и не относится к символизированному бессознательному, все же в своей основе не является автоматизированной, а напротив: при всяком своем возвращении подлежит трансферентным модификациям, связанным с динамическим конфликтом. Этот взгляд совместим с динамическими концепциями психической темпоральности и с фрейдовскими представлениями о *Nachträglichkeit* и экранирующих воспоминаниях. Он также согласуется с современными широко понимаемыми фрейдизмом и теорией объектных отношений (Бион, Винникотт) в их подходе к разыгрываниям в переносе как «субсимволическим», но доступным символизации и, тем самым, интерпретации (Ellman 2008; Grotstein 2008 - личное сообщение). Различие между двумя концептуализациями нейробиологических данных, по-видимому, сводится к включению или исключению динамического взаимодействия во внутренних репрезентационных мирах, - иными словами, психоаналитической перспективы. Отказ от нашего привычного представления о бессознательном как о хранилище нежелательного опыта, естественно, влечет существенно иной взгляд на роль аналитика по отношению к пациенту.

Пониманием привязанности как поведенческого коррелята интернализованных объектных отношений, сформированных под влиянием ранних отношений матери и младенца (Diamond, Blatt 2007), руководствовались другие современные лонгитюдные исследования, целью которых была картина мира ранних репрезентаций. Тот, Чичетти, Рогош, Стердж-Аппл (Toth, Cicchetti, Rogosh, Sturge-Apple 2009), изучая связь материнской депрессии, надежности привязанности у ребенка и развития репрезентаций, пришли к выводу, что ранние негативные репрезентации родителей и селф-репрезентации сохраняются в процессе развития и имеют тенденцию воспроизводиться в следующих поколениях. Ellman (2008, цитируя Freud, 2015c) отмечает, что самые ранние репрезентации запечатлеваются как предметные репрезентации без символического смысла. Поначалу активность имеет денотативную, но не коннотативную ценность (Cassirer 1953; Langer 1948). Пусть и не символизированные, предметные презентации могут служить базисными мотиваторами для сложных, конфликтных реакций. В данной теоретической системе, это отчасти объясняет тот факт, что компромиссные образования обычно включают в себя повторения.

В рамках другого подхода, Вайнштейн (Weinstein 2007) видит устойчивые последствия отношений привязанности отнюдь не в формировании шаблонов «я-с-другим» (Fonagy, Target 2002), а в отпечатке, оставляемом на нейробиологических саморегуляторных системах совладания со стрессом и распределения внимания; кроме того, отношения привязанности смещают пороги ощущений удовольствия и неудовольствия. «Как на протяжении детства отношения привязанности извлекаются из памяти снова и снова, поставляя материал для самых фантастических конструкций инфантильной сексуальности, так и последние затем в некоторой степени изменяются с увеличением когнитивных возможностей и смещением зональных возбуждений... В дальнейшем нарративы о самом себе сильно воздействуют на переживание как удовольствия/неудовольствия, так и на переживание первоначальных фигур привязанности» (Weinstein 2008, стр. 181).

Эти теории так же, как и психоаналитическая интерпретация Шевриным (Shevrin 2002) нейробиологических исследований «правдивых воспоминаний», оставляющих «сенсорную подпись» (Fabiani, Stadler, Vessels 2000), согласуются с клиническими данными о том, что самый ранний, пресимволический опыт и события могут быть

символизируемы в психоаналитической (ре)конструктивной работе с материалом языковой просодии, сновидений, фантазий, трансферентных разыгрываний, особенно релевантной для пациентов с посттравматической симптоматикой (Mancia 2006; Papiasvili 2014; 2015).

IV.Аб. Биологические корреляты тревожных расстройств, панических состояний и фобий; пограничное личностное расстройство

С целью интеграции психоаналитических и нейробиологических представлений о панических расстройствах и фобиях исследователи обратились к составлению карт нейроанатомических путей, вовлеченных, по принципу классического обусловливания, в подпороговое на-учение (и раз-учение), - что на языке психоанализа означает «трансформацию травматической тревоги в сигнальную». Посредством технологий нейровизуализации в реальном времени отслеживались основополагающие конфликты, связанные с сепарацией, психической беспомощностью, агрессией, приближением/ избеганием, борьбой/бегством, а также их нейробиологические корреляты (отклонения в функционировании амигдалы и орбитофронтальной/префронтальной коры). Александер, Фейгельсон и Горман (Alexander, Feigelson и Gorman 2005) предположили особую значимость взаимодействия между амигдалой и гиппокампом как «локуса бессознательной памяти страха, описанной Фрейдом...»(стр. 140). Они опираются на континуум двух моделей тревоги Фрейда как на теоретическую основу, полезную для концептуального понимания таких проблем.

На примере пограничного личностного расстройства Кернберг (Kernberg 2015) развернул модель *нейробиологических коррелятов теории объектных отношений*. Опираясь на Райта и Панксеппа (Wright и Panksepp 2014), Краузе (Krause 2012) и другие источники, он постулировал интеграцию главных первичных аффектов в несколько аффективных систем. Главные первичные аффекты появляются в течение нескольких первых недель и месяцев жизни. Они включают в себя радость, гнев, отвращение, удивление, страх, печаль и чувственное возбуждение. Аффекты группируются в следующие системы: эротизм, игра-установления связи, борьба-бегство, привязанность, сепарация-паника и ПОИСК.

ПОИСК (Wright и Panksepp 2014) - базисная неспецифическая мотивация поиска удрвлетворяющих стимулов, которая может присоединяться к любой другой аффективной системе. Некоторые авторы в связи с неспецифичностью ПОИСКА рассматривают его как *современную версию фрейдовского влечения* (Johnson 2008). Согласно Панксеппу и Кернбергу, ПОИСК позволяет принципиально объяснить возникающую при определенных условиях чрезмерную активацию агрессивных или аффилиативных аффективных систем. С психоаналитической точки зрения, представление об аффектах как первичных мотивирующих системах поднимает вопросы о том, в какой мере *влечения конституируются интеграцией соответствующих позитивных («либидинальных») и негативных («агрессивных») аффектов*, и также в какой мере *аффекты являются выражением этих предполагаемых соответствующих влечений*. Аффекты инициируют взаимодействие между Я и другими, и интернализация этих взаимодействий (в форме аффективной памяти) определяет интернализированные модели поведения (в терминах теории привязанности), или объектные отношения (на языке теории объектных отношений). Мозговые структуры активации позитивных и негативных аффектов расположены отдельно друг от друга. Интеграция позитивных и негативных аффектов происходит

лишь на более высоком уровне лимбических структур и включает кортико-лимбическое взаимодействие. Постепенная интеграция эмоционально противоположных состояний ведет к целостному ощущению себя и других, к формированию «нормальной эго-идентичности» и к переходу от пограничной личностной организации к невротической, в частности, - от примитивных защитных операций с акцентом на расщеплении к более зрелым, с акцентом на вытеснении. Этот более высокий уровень развития личности отражен в четкой демаркации вытесненного динамического бессознательного, или ИД, основу которого составляют неприемлемые интернализированные диадические отношения, с их невыносимой примитивной агрессией и аспектами инфантильной сексуальности.

IV. Ав. Другие области интереса в нейроанализе: динамические последствия неврологических поражений; исследования сновидений; влечения и аффекты

На материале пациентов с поражениями правой теменной доли Марк Солмс (2000а; Kaplan-Solms & Solms 2000) задал образец клинического психоаналитического исследования. Он обнаружил, что то, что прежде рассматривалось как «когнитивный дефицит» у этих пациентов, может иметь важные динамические причины, вследствие которых часть когнитивных процессов становится бессознательной. Психоаналитическое вмешательство позволяло обратить вспять динамический процесс и вернуть в зону осознания когниции, динамически из нее исключенные в результате действия примитивных защитных механизмов. Он связал этот динамически опосредованный «самообман» (кавычки пер.), коррелирующий с повреждением правой теменной доли, со сложной регрессивной нарциссической конфигурацией, избеганием депрессивного аффекта и ослаблением способности к «целостным» объектным отношениям. Однако Бласс и Кармели (2007, 2015; Carmeli, Blass 2013), скрупулезно рассмотрев общую теоретическую основу и методологию этого и подобных исследований, усомнились в валидности утверждений Солмса.

Уилнер и Обэ (Wilner и Aubè 2014), Бузаки (Buzsáki 2007), Улхаас (Uhlhaas и др. 2009) изучали другие специфические неврологические поражения, приводящие к регрессиям и динамически измененным состояниям сознания. Дальнейшие интересы нейроаналитических исследований динамического бессознательного включают процессы сновидений (Solms 1997; 2000b), определенные параметры символизации первичного процесса (Shevrin 1997), нейробиологию влечений и аффектов (Wright и Panksepp 2014; Kernberg 2015; Johnson 2008).

Уточнение отношений между нейронауками и психоанализом является предметом энергичных дискуссий. Перевод с языка нейронауки на язык психоанализа и обратно ставит ряд эпистемологических, онтологических, методологических и клинических вопросов, касающихся проблем психика-тело, психика-мозг и междисциплинарного дискурса в целом. Как именно эта артикуляция может работать, связано также с имеющимся у каждого аналитика представлением о том, что существенно для аналитической работы. Тема применимости нейронаучных, как и всяких междисциплинарных исследований, возбудила множество сомнений, споров и дискуссий. Эту тему обсуждали Фрейд (1940а), Винникотт (1949), Александер (1936; 1964), Мак-Дугал (1974; 1993), Грин (1999), и в более недавнее время - Хиншелвуд (2015), Палвер (2003), Бласс, Кармели (2007, 2013, 2015), Йовел, Солмс, Фотопулу (2015), Альбертини (2015), Скарфоне (2014b) и многие другие, с широким охватом аргументов и точек зрения. Многие аналитики находят полезным знакомиться с

новыми открытиями, связанными с определенными областями психоанализа, - к примеру, касающимися нейробиологических коррелятов ранней травмы и их частичной обратимости в ходе психоаналитического лечения (Kernberg 2015; Blum 2003, 2008, 2010; Mancía 2006a, b; Busch, Oquendo, Sullivan, Sandberg 2010). Предложение Канестри (2015) обсуждать «области соприкосновения дисциплин, отличающихся языком, методологией и эпистемологией» (стр. 1576) позволяет всем сторонам продолжать прислушиваться друг к другу.

IV.Б. ГРУППОВОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

IV. Ба. Теоретический контекст

Фрейд обращался к бессознательным процессам и содержаниям, лежащим в основе группового поведения, культуры и общества на протяжении всего времени развития им психоаналитической теории, более чем в 20 работах. Самые значительные из них: *Тотем и табу* (Freud 1912-13), где описана манифестация эдипова комплекса на групповом и социальном уровнях; *Массовая психология и анализ человеческого Я* (Freud 1921), с фокусом на групповой регрессии и примитивных проективных и идентификационных процессах, то есть на *проекции* членами группы (супер)эго-идеала *на лидера*, освобождающей их от моральных ограничений в выражении инстинктивных импульсов, особенно агрессивных, и на *взаимных идентификационных процессах* между членами и лидером, создающих *либидинальные связи* между ними, питающие чувство принадлежности и ощущение силы; *Неудовлетворенность культурой* (Freud 1930), где речь идет о том, как принадлежность к группе высвобождает *агрессивно-садистически-деструктивные импульсы против «других» групп*, прежде *бессознательные*. Формулировки и акценты Фрейда в отношении группового бессознательного менялись в зависимости от стадии развития теории, однако базовый тезис сохранялся: мотивирующей силой историко-социального развития, источником неудач и успехов цивилизации является антагонизм между требованиями инстинктов и реактивными ограничивающими институтами общества, ведущий к возрастающему отказу от удовлетворения инстинктов (как агрессивных, так и сексуальных). Соответственно, различные навязанные группами более или менее успешные компромиссы во всем динамическом взаимодействии бессознательных и сознательных мотивов были ответственны в ходе истории как за благотворные, высшего порядка результаты сублимации, так и за злокачественные деструктивные исходы, такие, как рабство, геноцид, войны, виктимизации.

Бион (1961) и Райс (1969), а также Анзье (1981), Кес (2010, 2014), Лебовиси, Диаткин, Кестенберг (1958) в русле моделей проективной идентификации и/или «психической реальности» и «интерсубъективного динамического пространства» развивали идеи Фрейда об активизируемых группой *первичных фантазиях* и характерных для группы *примитивных проективно-интроективно-идентификационных процессах*. Бион (1961) постулировал, что примитивные импульсы, отчужденные от своего источника посредством проективной идентификации, вносят вклад в формирование «*группы базового допущения*», управляемой механизмами «*зависимости*», «*борьбы-бегства*» или «*образования пары*»; функция «*рабочей группы*», напротив, состоит в продуктивном ориентированном на реальность сотрудничестве. Анзье (1981) описал различные групповые фантазии, иллюзии и образы оральных угроз и ужасов аннигиляции: «*группа как пасть*», «*распад*», «*групповая машина*», - несущие отпечаток

самых ранних структур психики и психотического уровня личности, как он манифестируется в групповом процессе. Кес (Kaes 2010, 2014) описывает специфическую модель групповой бессознательной психической реальности, включающей *интерферирующие ассоциативные процессы, общее сноподобное пространство и бессознательные альянсы*. В этой сложной метапсихологии интересубъективной системы тройственный альянс в основе нарциссической природы касается Идеи, Идеала и Идола. Он отражает тиранию всемогущего идеализированного материнского образа, а также использование различных примитивных защитных механизмов против архаических тревог - расщепления, отрицания (denial) и отказа от реальности (disavowal). Эта и другие концепции легко приложимы к группам аналитической терапии, а также к организациям и институтам.

IV. Бб. Групповые аналитические терапии.

Со своего зарождения в годы после Второй Мировой Войны групповые аналитические терапии опирались на *представления Фрейда и Биона о бессознательных процессах и содержаниях*, в особенности – модели Слэвсона (Slavson 1947), где бессознательные групповые динамические факторы рассматриваются как фактор сопротивления индивидуальному росту и соответственно интерпретируются, и Фолкса (Foulkes 1948), где бессознательные групповые динамические факторы и их многоуровневая коммуникация используются для стимуляции развития индивида. Согласно сегодняшнему консенсусу, *аналитическая групповая терапия* в том виде, как она практикуется сегодня, наиболее показана при *характерологических проблемах*, потому что в малых терапевтических группах *быстро возникают множественные переносы* - как проекции или как смещения - на терапевта, на группу, на членов группы; *характерологические сопротивления легко увидеть и, тем самым, легко интерпретировать* (Slavson 1947; Glatzer 1953; McKenzie 1992; Kauff 2011). Функции групп-аналитика состоят в обеспечении безопасности по отношению к отыгрыванию бессознательных импульсов, в поддержании границ и рамки, - в основном, через интерпретацию бессознательных конфликтов и целей, когда они представляют сопротивление индивидуальному или групповому процессу. С бионианской точки зрения на (бессознательную) групповую динамику, это означает, что групп-аналитик контейнирует: прислушивается к бессознательным регрессивным тенденциям «группы базового допущения» и интерпретирует их. В целом, распространение групповых аналитических терапий, изначально практиковавшихся с детьми (Slavson 1947) и с ветеранами Второй мировой войны (Foulkes 1948), привело к формированию внутренне связанного направления, которое продолжает развиваться и применяет расширившиеся представления о бессознательном, согласующиеся с большинством психоаналитических ориентаций, включая подходы Винникотта, Малер, реляционный психоанализ, селф-психологию, интересубъективный подход и теорию поля.

Представление о бессознательном преломляется здесь главным образом во взгляде на *группу с точки зрения ее функций объекта переносов и стимуляции нового развития*, - таким образом, обеспечивающей уникальный динамический резервуар для взаимодействия бессознательных процессов, которые иначе не проявились бы полностью. Гибридная клиничко-управленческая модальность, «ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ОБУЧЕНИЯ НА ОПЫТЕ» (experiential process groups), предназначенная для специалистов, бизнес-менеджеров, студентов или преподавательского состава, основана на применении концепции бессознательной групповой динамики, множественных переносов-сопротивлений и бессознательной коммуникации и направлена на повышение функциональности рабочих или учебных групп и их членов

в коммерческих и некоммерческих предприятиях, больницах, академических институтах (Papiasvili 2011).

Специфическая групповая модальность, разработанная изначально для работы с детьми и подростками, но впоследствии практиковавшаяся со всеми возрастными группами, - *психоаналитическая психодрама* Лебовиси и Диаткина (Lebovici, Diatkin, Kestemberg 1958). Это индивидуальная аналитическая терапия посредством драматизации, - в отличие от экспрессивной групповой психодрамы Дж. Морено (Jacob Moreno), созданной на несколько десятилетий раньше. В различных применениях психоаналитической психодрамы индивидуальный пациент неизменно находится в центре «сцены», собранной из его воспоминаний и фантазий; аналитик направляет «вспомогательных терапевтов» участвовать в вербальной «игре»/взаимодействии с пациентом. Было показано, что это способствует выходу на поверхность (в обычной ситуации находящихся под мощной защитой) бессознательных содержаний и процессов и ведет к инсайту.

IV. Бв. Социальное насилие и терроризм

Санкционированное социальное насилие (Kernberg 2003) описывает спектр регрессивных злокачественных нарциссически-параноидных механизмов, составляющих общую (бессознательную) матрицу для анализа тех аспектов социальной психологии, которые санкционируют насилие. Кернберг следует за теорией Фрейда и расширяет ее, добавляя еще одно измерение: ужас перед последствиями агрессии, мобилирующий защиты нарциссического и параноидного рода. В процессе групповой регрессии этого типа нормальные функции и защитные операции замещены широкой гаммой примитивных защитных операций, характеризующихся *параноидно-шизоидными механизмами*, первоначально описанными Кляйн (Klein). Согласно Кернбергу (Kernberg 2003) и Грину (Green 2002b), это неконтролируемое мощное *регрессивное тяготение к примитивным защитным операциям, основанное на расщеплении и служащим совладанию с примитивной агрессией*, можно рассматривать как важнейшее свидетельство существования базисной мотивационной системы, которую Фрейд назвал *влечением к смерти*, - антипода либидо. Райс (Rice 1969), Грин (Green 1969, 2002b), Гласс (Glass 2008) и Кернберг (Kernberg 1994, 2003) обнаруживают действие этих бессознательных содержаний и процессов внутри индивидов, в малых и больших группах, в институтах и обществе.

IV. Бг. Историческая травма, этническое бессознательное и социальный/межнациональный кризис

Херрон (Herron 1995) концептуализовал «*этническое бессознательное*» как вытесненный материал, разделяемый каждым поколением со следующим и с большинством членов данной этнической группы.

Историческая травма связывает членов социальной группы, представителей расы, религии или нации, предрасполагая их к быстрой регрессии к параноидной идеологии, параноидному массовому движению, фанатизму, гонениям и насилию по отношению к другой политической, расовой, национальной группе. Волкан (Volkan 1988, 1999) дает фундаментальное понимание взаимоотношений между *исторической травмой, формированием идентичности и межгрупповым конфликтом*. «Другие группы»

становятся объектом ранних расщеплений, нарциссической и параноидной регрессии и защит от них. Недостаточность процесса горевания была определена как один из этиологических факторов (Volkan 1999). Регрессивные групповые процессы могут быстро актуализировать бессознательный потенциал примитивной агрессии, которым в той или иной степени располагает каждый индивид. В определенные моменты истории активизируемая группой агрессия может, в свою очередь, быть усилена сочетанием коллективной интернализации исторической травмы (Papiasvili, Mayers 2013) с острым социальным кризисом, подрывающим привычные социальные структуры. В таких условиях может возникнуть и найти плодородную почву параноидная поляризация, исходящая от доминирующей идеологии.

IV. Бд. Динамика в организациях и социуме; психоистория

Описанные выше концепции используются в прикладных областях социальной и организационной динамики и в междисциплинарном поле психоистории для исследований и разработок, направленных на понимание функционирования больших групп во времени и пространстве. Примером социальной динамики может служить концепция *«Антигруппы»* Морриса Нитсана (Morris Nitsun 1996), - *соединения бессознательных деструктивных элементов, угрожающих функционированию группы*, будь то терапевтическая группа, организация, институция или макросоциальная общность. Особенно в Северной Америке психоистория имеет долгую традицию применения психоаналитических концепций к макросоциальным событиям многовековой давности и/или протяженности. Первые статьи по психоистории были опубликованы уже в первом номере Журнала Психопатологии (Abnormal Psychology), в 1909 г. Пионерская роль в дальнейших разносторонних широкомасштабных исследованиях принадлежит, среди прочих, Роберту Дж. Лифтону (Robert J. Lifton 1993); Журналу Психоистории (Journal of Psychohistory), основанному Ллойдом деМюзе (Lloyd deMause) и журналу „*Душа Клио*“ (Clio's Psyche), издававшемуся Полем Эловицем (Paul Elovitz). Современный пример психоаналитической психоистории - *«Трансцендентальная конфигурация»* (Eva Papiasvili, Linda Mayers), где речь идет о том, как *доступ к инфантильно-иррационально-магическому и его трансформация давали необходимый ресурс для преодоления травм эпических масштабов в средние века* (2013, 2014, 2016). Нитсан (1996), так же, как Папиашвили и Майерс (Papiasvili и Mayers 2013), подчеркивают безграничный, как *деструктивный, так и креативный, потенциал бессознательных содержаний и процессов группы, являющихся иррациональными и регрессивными, и одновременно оживляющими и регенеративными*.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сегодняшнему моменту, к началу 21-го столетия, три психоаналитических континента разработали множество подходов к пониманию бессознательного. Наряду с концептуальным плюрализмом существуют также и важные региональные тенденции.

Европа. Французские аналитики инициировали движение *«назад к Фрейд»*: перечитывание, деконструкция и использование в работе классических концепций. Первостепенное место во французской традиции занимают постулат абсолютной (непреодолимой) отдельности предсознательного/сознательного от бессознательного, а также идея связи бессознательного с *сексуальным влечением* (отличаемым от инстинкта). В рамках этой логики, очевидно, что бессознательное не может быть

доступно наблюдению, о нем можно сделать вывод только *après coup*, то есть после психического события.

Другое направление европейской мысли о бессознательном представлено группой аналитиков, исследующих, опираясь также на когнитивную науку и нейробиологию, имплицитное *процедурное знание и имплицитную память*, - где, как предполагается, размещен весь инфантильный опыт первых двух лет жизни.

В сердцевине этого концептуального пространства реляционных, имплицитных или энактивных процедур и репрезентаций - модель развития, согласующаяся с последними результатами исследований привязанности, раннего детско-родительского взаимодействия, а также с данными нейробиологии и когнитивной нейробиологии.

Третье значительное направление концептуализации бессознательного в Европе берет начало в *теории объектных отношений* и определяется фокусом на роли объекта в формировании бессознательного, которое понимается как продукт интернализации опыта отношений. Предполагается, что влечения, принадлежащие врожденному багажу младенца, обретают формы выражения во взаимодействиях со средой, причем и сами взаимодействия окрашиваются и модифицируются под действием бессознательных психических процессов. В этой традиции бессознательное структурируется работой психики по трансформации сенсорного и эмоционального опыта в первичных отношениях. Новаторские представления о промежуточном пространстве между Я и другими, а также о переходном объекте позволили переосмыслить диадическую концепцию объектных отношений, расширив ее представлением о «третьем». Такие понятия, как аналитический третий, «ревери», - сновидение наяву, - и «внемысленное» знаемое» (*unthought known*; кавычки пер.) указывают на формы *бессознательного знания*, которое *выходит за пределы диады*, при этом пропитывая индивидуальный стиль и все существо индивида.

Северная Америка. Среди множества взглядов на работу бессознательного это, на бессознательный процесс и переработку, на интрапсихический конфликт и компромиссное образование, на роль объекта, субъекта и «другого» в развитии и в психоаналитической ситуации, на интернализацию, репрезентацию, символизацию, разыгрывания, горизонтальное и вертикальное расщепление, «интер-субъективность», нейропсихоанализ, групповое бессознательное можно различить следующие тенденции.

При *фокусировке на процессе* исследуются бессознательные процессы, переработка и структура, рассматриваемые отдельно от содержания бессознательного, однако сам процесс все больше понимается как имеющий свойства и структурности, и изменчивости.

Признается *роль объекта* в конституировании и модулировании бессознательных содержаний и процессов. Для этого нового направления характерно уменьшение биологичности представления об «инстинкте/влечении». В то же время, современная динамическая нейробиология и нейропсихоанализ, возвращаясь к рассмотрению отношений между физиологией мозга и тела, с одной стороны, и бессознательным не только процессам, но и содержаниям, с другой, дали мощный стимул пересмотру метатеоретических постулатов Фрейда.

Ведущей альтернативой классической теории на современной американской психоаналитической сцене стала группа подходов, известных под общим наименованием реляционного (relational) психоанализа: все они так или иначе подчеркивают диадическую, социальную, интерактивную и интерперсональную в своей основе природу психики. Отсюда - альтернативный термин «би-персональное бессознательное», указывающий на совместное творение бессознательного в интересующем поле. В сотрудничестве с исследованиями младенцев и с нейронауками, этот подход развивается в направлении от исключения к включению динамического взаимодействия в мир внутренних репрезентаций.

Предметом современных дискуссий вне поля **реляционного** психоанализа является не столько соотношение интрапсихического и отношенческого факторов, сколько *артикуляция и сложное взаимодействие* функции связывания//сновидения/символизирования/фасилитации у раннего (и присутствующего в аналитической ситуации) объекта, с одной стороны, и бессознательного интрапсихического «ответа» и репрезентации субъекта, с другой.

Общей тенденцией разных психоаналитических ориентаций является возрастание внимания к «*нерепрезентированному*» и «*до-символическому*» бессознательному, с сопутствующим пересмотром взглядов на интерпретативное и неинтерпретативное участие аналитика, включая контртрансферентные разыгрывания, холдинг, контейнирование и фасилитацию. Акцент на неинтерпретативных модусах функционирования аналитика ведет к отходу от традиционных основанных на представлениях о конфликте подходов к бессознательному. Акцент же на привнесении нерепрезентированного и до-символического в интерпретативный дискурс ведет к расширению картины интрапсихического пространства, включающего различно обусловленные, многослойные бессознательные процессы.

Многие школы сегодня подчеркивают преимущества оптимально *проницаемых границ* между различными частями психики.

Латинская Америка. Тенденции синтеза метапсихологического и клинического мышления вылились в интенсивное изучение *бессознательной логики и бессознательной коммуникации* в этом регионе.

Бессознательная логика, соединяющая фрейдовскую концепцию первичного процесса с математическими пропозициями, определяется двумя принципами: принципом генерализации, согласно которому логика бессознательного, в отличие от сознательной логики, рассматривает индивидов не как отдельные единицы, а как членов бесконечно больших классов, и принципом симметрии - идентичности обращения бессознательного со всяким отношением и его противоположностью. Предполагается также, что *психика работает би-логически* - сознательная и бессознательная логики функционируют одновременно.

Латиноамериканские аналитики, исторически выросшие на трудах Фрейда и интегрировавшие достижения коллег в концептуализациях переноса, контрпереноса и проективной идентификации, создали в результате представление об аналитической ситуации как о динамическом поле. Убежденные во всепроникающей интересующей аналитической ситуации, авторы трансформировали теорию сновидений на основе концепции реверси. В современной картине бессознательной

коммуникации сновидение, постулированное как непрерывная психическая функция, занимает еще более центральное место, чем в классической теории. Каждый сеанс - длинный разделяемый участниками сон, результат бессознательной коммуникации между двумя бессознательными. С этой точки зрения, анализ в целом представляет собой обмен реверси.

В целом. На фоне многочисленных расхождений между региональными школами и внутри них, при концептуальном плюрализме и множестве акцентов на различных аспектах аналитических процессов, содержаний и структур, включая их формирование и изменение, вырисовываются несколько **областей конвергенции**.

Сохраняющаяся потребность в концепции бессознательного. Большинство аналитиков соглашаются, что концепция бессознательного - важный инструмент познания фундаментальной реальности человеческой психики, навигации в ее пространстве посредством модусов репрезентации, совершенно отличных от правил познания, характеризующих вторичный процесс. Бессознательное, в целом, понимается как неизбежный побочный продукт, одновременно уникальный и универсальный, психических «несовместимостей» индивидуального опыта и коллективной жизни. Ядро бессознательного, как полагают, возникает или закладывается в детстве, однако и перегруженная взрослая психика в травматической ситуации в любой момент жизни может сформировать новую область бессознательного функционирования. Бессознательное безо всякого овеществления понятия и в применении к различным контекстам остается краеугольным понятием многих школ.

Процесс. Исследование бессознательных процессов, «переработки» и структур теоретически и клинически стало не менее важным, чем традиционный анализ бессознательных содержаний. Современные тенденции состоят, с одной стороны, в исследовании бессознательных процессов с их аспектами изменчивости и структуры, с другой - в деконструкции различных слоев бессознательного функционирования, прежде расценивавшихся как сравнительно «алогичные» и не направленные на коммуникацию. Сегодня признано, что эти процессы обладают собственной логикой и модусом коммуникации, в то время как важным фактором традиционной аналитической техники можно считать преимущественную опору на один определенный уровень бессознательного функционирования.

Значимость роли объекта, объектных отношений и различных концепций взаимодействия. В рамках теорий объектных отношений понятие бессознательного разработано на основе реляционных моделей психики, предполагающих ведущую роль объекта в формировании (и изменении) бессознательного. При всем разнообразии моделей интернализации опыта отношений во взаимодействии с врожденными задатками аффектов и влечений новорожденного, наблюдается широкое согласие со следующим тезисом: для конституирования и модуляции бессознательных содержаний, структуры, процесса, для их артикуляции через более рациональные области психики, наряду с признанием и удовлетворением телесных нужд критическое значение имеют навыки ментализации, символизации и коммуникации, а также бессознательная жизнь людей, заботящихся о ребенке с рождения. В то время как ведущая роль взрослого в формировании психической структуры в рамках интерсубъективного подхода и теории привязанности заслужила широкое признание, до сих пор не утихает спор по поводу эволюции взглядов некоторых сторонников этих

теорий в направлении когнитивных, субъективных и интерсубъективных «психологических» реальностей, прочь от динамического представления о бессознательном как нагруженном конфликтами, пронизанном инфантильной сексуальностью, непреодолимо «ином».

Многие современные теоретики этого направления, впрочем, представляют теории бессознательного как двухколейную дорогу: концепция реляционного бессознательного позволяет соединить в психоаналитическом мышлении динамические/интрапсихические и интерсубъективные феномены.

Участие аналитика. Из признания роли объекта в бессознательной психической жизни следует, что манифестации контрпереноса здесь-и-сейчас представляют собой еще одну королевскую дорогу к интуитивному пониманию и репрезентации бессознательных проблем, актуализирующихся в процессе лечения.

Соединение-взаимовлияние. Вопрос об относительном вкладе интрапсихических, средовых и отношенческих факторов дискутируется все меньше, в то время как исследования обращаются к сложному взаимовлиянию раннего и присутствующего в аналитической ситуации объекта, с его возможностями связывания//сновИдения/символизации/фасилитации, с одной стороны, и бессознательным интрапсихическим «ответом» и репрезентациями субъекта, с другой.

Область нерепрезентированного, несимволизированного бессознательного. Превратности телесного опыта в ходе развития, а также в связи с болезнями и травмами, рассматриваются как ключевой стимул и ограничение для психической метаболизации и развития. Интерес к невытесненному бессознательному значительно усилился благодаря группе аналитиков, увидевших значительные междисциплинарные конвергенции с новыми данными по внесознательной (non-conscious) переработке из нейробиологии, нейропсихоанализа, нейронаучных исследований развития и эмоций. Динамическая природа первых нерепрезентированных имплицитных запечатлений остается предметом непрекращающихся дебатов. Различие между динамическими и нединамическими интерпретациями данных нейронауки связано, по-видимому, с включением или невключением в мир внутренних репрезентаций динамического взаимодействия, - иными словами, психоаналитической перспективы. Поставленный еще Фрейдом вопрос о том, почему интерпретация у одних пациентов инициирует инсайт и изменение, а у других - нет, и почему это различие качества реакции не обязательно коррелирует с традиционной и даже с современной психиатрической дифференциальной диагностикой, остается стимулом теоретического поиска во всех психоаналитических регионах. Начиная с первой формулировки в терминах «дефицита» раннего обеспечения базовых нужд, этот поиск разветвился на интенсивные исследования различных этапов развития способности репрезентировать и символизировать, восстанавливать и расширять бессознательную символическую функцию - способности без разрушительной тревоги переноситься в интимный идиосинкратический мир сокровищ бессознательного.

Обратимость-проницаемость. Многие современные школы делают особый акцент на творческом обогащении, которое двусторонняя проницаемость привносит в человеческую жизнь. Психическое здоровье представляется связанным с возможностью гибкого доступа ко множественным сосуществующим уровням бессознательной психической организации и переработки. Параллельные инсайты в

разных школах вылились в ряд моделей, описывающих необходимую психическую гибкость и способность к регрессии у аналитика как инструменты психоаналитической работы.

Концепции поля. Фундаментальная интерсубъективность и взаимозависимость в человеческом развитии привлекли внимание многих аналитиков к «динамическому би-персональному» полю между аналитиком и пациентом, - пространству встречи, где не просто воспроизводятся индивидуальные бессознательные проблемы каждого участника диады, а могут возникать новые вариации, разработки, расширения, в которые присутствие и психика аналитика вносят значительный вклад. Эта перспектива согласуется с клиническим опытом, а также с разделяемой многими убежденностью в сохранении в течение всей жизни потенциала для более изобретательного и творческого выражения прежде исключенных или иным образом неинтегрированных психических содержаний.

Вопросы нарциссизма и идентичности в психическом балансе. Многие авторы развивали понимание здоровых и патологических аспектов нарциссизма в психическом развитии и в интрапсихической сепарации от внутренних объектов, а также с точки зрения продолжающегося всю жизнь процесса индивидуации и борьбы за сохранение внутренней интегрированности (связности).

Групповое бессознательное. В клинических, институциональных, макросоциальных контекстах находит подтверждение неистощимость *как деструктивного, так и креативного потенциала* иррациональных и регрессивных, при этом оживляющих и регенеративных *бессознательных содержаний и процессов*.

Современные аналитики продолжают начатое Фрейдом расширение теорий бессознательных процессов, **ПЕРЕМЕЩАЯ ФОКУС ВНИМАНИЯ С ИНДИВИДУАЛЬНОГО СУБЪЕКТА** к его внутренним диадным и триадным конфигурациям социальных взаимодействий и групповых афiliation. Творческий процесс происходит как внутри отдельных теорий и в каждом из трех регионов, так и между ними, в областях совпадения различных концепций наряду и во взаимодействии со сферами расхождений и противоречий. Вероятно, это отражает сводящую с ума и вдохновляющую неопределенность и парадоксальность самого объекта познания - бессознательного.

REFERENCES

- Abend, S.M. (1990). Unconscious fantasies, structural theory, and compromise formations. *J Am Psychoanal Assoc*, 38:61-73.
- Abend, S.M. (2005). Analyzing intrapsychic conflict: compromise formation as an organizing principle. *Psychoanal Q*, 74:5-25.
- Abraham, K. (1923). Contributions to the theory of the anal character. *Int J Psychoanal* 4:400-418.
- Abraham, K. (1925). The history of an impostor in the light of psychoanalytic knowledge. *Psychoanal Q* 4:570-587.
- Abraham, K. (1926). Character-formation on the genital level of libido-development. *Int J Psychoanal* 7:214-222.
- Akhtar, S. (ed.) (2009). *Comprehensive Dictionary of Psychoanalysis*. London: Karnac.
- Alexander, B., Feigelson, S., Gorman, J.M. (2005). Integrating the psychoanalytic and neurobiological views of panic disorder. *Neuropsychanal* 7:129-141.
- Andreasen (2001). *Brave New Brain : Conquering Mental Illness in the Age of Genome*. New York, Oxford Univ. Press.
- Anzieu, D. (1981). *Le groupe et l'inconscient: L'imaginaire groupal*. Paris: Dunod.
- Anzieu, D. (1995). *The Skin-Ego*. Segal N, translator, London: Karnac.
- Arlow, J.A. (1961). Ego psychology and the study of mythology. *J Am Psychoanal Assoc* 9:371-393.
- Arlow, J.A. (1963). Conflict, repression and symptom formation. *Int J Psychoanal* 44:12-22.
- Arlow, J., Brenner, C. (1964). *Psychoanalytic concept and structural theory*. NY: International

UP.

Arlow, J.A. (1966). Depersonalization and derealization In: Loewenstein, R.M., Newman, L.M., Schur, M., Solnit, A.J., editors. *Psychoanalysis—A General psychology: essays in honor*

of Heinz Hartmann, 456-478. NY: International UP.

Arlow, J.A. (1969a). Fantasy, memory and reality testing. *Psychoanal Q* 38:28-51.

Arlow, J.A. (1969b). Unconscious fantasies and disturbances of conscious experience. *Psychoanal Q* 38:1-27.

Arlow, J.A. (1981). Theories of pathogenesis. *Psychoanal Q* 50:488-514.

Arlow, J.A., Richards, A.D. (1991). Psychoanalytic theory. In: Dulbecco R editor. *The Encyclopedia of human biology*, 6. NY: Academic P.

Aronson, M.L. (1993). *Psychoanalytic Group Theory and Therapy: Essays in Honor of Saul Scheidlinger*. *Psychoanal. Psychol* 10:307-309.

Auchincloss, E.L. & Samberg, E. editors (2012). *Psychoanalytic Terms and Concepts*. APA, New Haven and London: Yale University Press.

Aulagnier, P. (2001). *The Violence of Interpretation*. (Sheridan A, transl.). London: Brunner Routledge.

Bach, S. (2006). *Getting from here to there*. Hillsdale, NJ: Analytic P.

Bachant, J.L., Adler, E. (1997). Transference: co-constructed or brought to the interaction? *J Am Psychoanal Assoc* 45: 1097-1120.

Balbernie, R. (2001). Circuits and circumstances: neurobiological consequences of early relationship experiences and how they shape later behaviors. *J Child Psychother* 27:237- 255.

Balint, M. (1952). *Primary love and the psychoanalytic technique*. London: Hogarth.

Baranger, M., Baranger, W. (2008). The analytic situation as a dynamic field, Rogers, S, Churcher, J., translators. *Int J Psychoanal* 89:795–826. [(1961–2). *La situazione analitica como*

campo dinâmico. *Rev Urug Psicoanal* 4(1):3–54.]

Barnà, C.A. (1990). La relazione analitica e il suo “oggetto”. *Rivista di Psicoanalisi*, 36: 305 339.

Barnà, C.A. (2007a). *Transfert e assetto analitico*. In: Nicolò A.M. (a cura di) *Attualità del Transfert*. Franco Angeli, Milano.

- Barnà, C.A. (2007b). L'inconscio tra natura e cultura. *Psiche* 1: 51-67.
- Barnà, C.A. (2014). Concezioni dell'inconscio e metodo psicoanalitico. Nuova rassegna di Studi Psichiatrici, Vol.10. (www.nuovarassegnastudipsichiatrici.it)
- Barry, V., Fisher, C. (2015). Research on the relation of psychoanalysis and neuroscience: clinical meaning and empirical science. *J Am Psychoanal Assoc*, 62:1087-1096.
- Beres, D. (1962). The unconscious fantasy. *Psychoanal Q* 31:309-328.
- Beres, D., Arlow, J.A. (1974). Fantasy and identification in empathy. *Psychoanal Q* 43:26-50.
- Bion, W.R. (1959). Attacks on linking. *Int J Psychoanal* 40:308-15.
- Bion, W. (1961). *Experiences in groups*. NY: Basic Books. Bion, W.R. (1962). *Learning from experience*. NY: Basic Books. Bion, W.R. (1963). *Elements of Psychoanalysis*. London, Heinemann.
- Bion, W.R. (1965). *Transformations*. London: Karnac.
- Bion, W.R. (1970). *Attention and Interpretation*. London: Karnac.
- Bion (1978). *Four Discussion with W.R. Bion*. London, Clunie Press.
- Blass, R.B., Carmeli, Z. (2007). The case against neuropsychoanalysis: On fallacies underlying psychoanalysis' latest scientific trend and the negative impact on psychoanalytic discourse. *Int J Psychoanal* 88:19-40.
- Blass, R.B., Carmeli, Z. (2015). Further evidence for the case against neuropsychoanalysis: How Yovell, Solms, and Fotopoulous's response to our critique confirms the irrelevance and harmfulness to psychoanalysis of the contemporary neuroscientific trend. *JAPA* 96:1555-1573.
- Blum, H.P. (2003). *Psychic Trauma and Traumatic Object Loss*. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 51:415-431.
- Bion, W.R. (1975). *Bion's Brazilian Lectures II*. Rio de Janeiro: Imago Editora.
- Blum, H.P. (1996). *Seduction Trauma: Representation, Deferred Action, And Pathogenic Development*. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 44:1147-1164.
- Blum, H.P. (2003). *Psychic Trauma and Traumatic Object Loss*. *J. Amer. Psychoanal. Assn.*, 51:415-431.

- Blum, H.P. (2008). A Further Excavation of Seduction, Seduction Trauma, and the Seduction Theory. *Psychoanal. St. Child*, 63:254-269.
- Blum, H.P. (2010). Adolescent Trauma and the Oedipus Complex. *Psychoanal. Inq.*, 30:548-556.
- Bollas, C. (1987). The Unthought Known. In: *The Shadow of the Object*. London, Free Association Books.
- Bolognini, S. (2016). The Interpsychic Dimension in the Psychoanalytic Interpretation. *Psychoanal. Inq.*, 36:102-111.
- Boris, H.N. (1986). The "Other" Breast—Greed, Envy, Spite and Revenge. *Contemp. Psychoanal.*, 22:45-59.
- Boris, H.N. (1989). Interpretation of Dreams, Interpretation of Facts. *Contemp. Psychoanal.*, 25:212-225.
- Borensztein, C.L. editor (2014). *Diccionario de Psicoanálisis Argentino*, Buenos Aires: Asociacion Psicoanalitica Argentina.
- Boston Change Process Study Group (BCPSG) (2007). The Foundational Level of Psychodynamic Meaning: Implicit Process in Relation to Conflict, Defense and the Dynamic Unconscious. *Int J Psycho-Anal* 88:843-860
- Boston Change Process Study Group (2008). Forms of relational meaning: issues in the relations between the implicit and reflective-verbal domains. *Psychoanal Dial*, 18, 2:125-148.
- Botella, C. and Botella, S. (2005). *The Work of Psychic Figurability. Mental States without Representation*. Weller A, translator, Hove & New York: Brunner-Routledge.
- Botella, C. (2014). On Remembering: The Notion of Memory without Recollection. *Int. J. Psycho-Anal.*, 95: 911-936.
- Brakel, L., Kleinsorge, S., Snodgrass, M. & Shevrin, H. (2000). The primary process and the unconscious: Experimental evidence supporting two psychoanalytic presuppositions. *Int. J. Psycho-Anal.* 81:553-569
- Brenner, C. (1976). *Psychoanalytic technique and psychic conflict*. NY: International UP.
- Brenner, C. (1982). *The mind in conflict*. NY: International UP.
- Brenner, C. (1994). Mind as conflict and compromise formation. *J Clinical Psychoanal* 3(4):473-488.

- Brenner, C. (1999). Charles Brenner on compromise formation. *J Amer Psychoanal Assoc*, 47, 875-876.
- Brenner, C. (2000). Brief communication: evenly hovering attention. *Psychoanal Q*, 69: 545-549.
- Brenner, C. (2002). Conflict, compromise formation, and structural theory. *Psychoanal Q*, 71: 397-417.
- Brenner, C. (2006). *Psychoanalysis or mind and meaning*. NY: The Psychoanalytic Quarterly.
- Breuer, J., Freud, S. (1893-1895). Studies on hysteria. *SE* 2:1-321.
- Bria, P., and Lombardi, R. (2008). The Logic of Turmoil: Some Epistemological and Clinical Considerations on Emotional Experience and The Infinite. *Int J Psycho-Anal* 41: 709-726.
- Bromberg, P.M. (1994). "Speak! that I may see you": Some reflections on dissociation, reality, and psychoanalytic listening. *Psychoanal Dial* 4:517-547.
- Bromberg, P.M. (1996). Hysteria, dissociation, and cure: Emmy von N revisited. *Psychoanal Dial* 6:55-71.
- Bromberg, P.M. (2003). One Need Not Be a House to Be Haunted: On Enactment, Dissociation, and the Dread of "Not-Me"—A Case Study. *Psychoanalytic Dialogues*, 13:689-709.
- Brown, L. (2011). *Intersubjective Processes and the Unconscious*. London: Routledge.
- Bucci, W. (2001). Pathways of Emotional Communication. *Psychoanal. Inq.*, 21:40-70.
- Busch, F. (1992). Recurring Thoughts on the Unconscious Ego Resistances. *J Amer Psychoanal Assoc*, 40:1089-1115.
- Busch, F. (1993). In the Neighborhood: Aspects of a Good Interpretation and a "Developmental Lag" in Ego Psychology. *J. Amer. Psychoanal. Assoc*, 41:151-176.
- Busch, F.N., Oquendo, M.A., Sullivan, G.M., Sandberg, L.S. (2010). An Integrated Model of Panic Disorder. *Neuropsychoanalysis*, 12:67-79.
- Buzsáki, G. (2007). The structure of consciousness. *Nature*, 446: 267-267.
- Carmeli, Z., Blass, R.B. (2013). The case against neuroplastic analysis: A further illustration of the irrelevance of neuroscience to Psychoanalysis through a critique of Doidge's *The brain that changes itself*. *Int J Psychoanal* 94:391-410.

- Canestri, J. (2015). The case for neuropsychanalysis. *JAPA* 96:1575-1584.
- Cassirer, E. (1953). *Language and myth*. Mineola, N Y: Dover.
- Cassorla RMS (2013). When the analyst becomes stupid. An attempt to understand enactment using Bion's theory of thinking. *Psychoanal Q*, 82:323-360.
- Chodorow, N.J. (2009). A Different Universe: Reading Loewald through "On the Therapeutic Action of Psychoanalysis". *Psychoanal Q* 78 : 983-1011.
- Civitaresse, G. (2014). *The Necessary Dream*. London: Karnac.
- Civitaresse, G. (2015). Transformation in hallucinosis and the analyst's receptivity. *Internat. J. Psycho-Anal.*, 96: 1091–1116.
- Civitaresse, G., Ferro, A. (2013). The Meaning and Use of Metaphor in Analytic Field Theory. *Psychoanal. Inq.*, 33:190-209.
- Clyman, R.B. (1991). The Procedural Organization of Emotions: A contribution from cognitive science to the psychoanalytic theory of therapeutic action. *J. Amer. Psychoanal Assoc*, 39(S):349-382.
- Cooper, A. (1988). Our changing views of the therapeutic action of psychoanalysis: Comparing Strachey and Loewald. *Psychoanal. Q* 57: 15-27.
- Clyman, R.B. (1991). The procedural organization of emotions: a contribution of cognitive science to the psychoanalytic theory of therapeutic action. *J Amer Psychoanal Assoc* 39 (S): 349-382.
- De M'Uzan, M. (2003). Slaves of quantity. *Psychoanal Q* 72: 711 – 725.
- De Bianchedi, E.T. (2001). *The Passionate Psychoanalyst or Learning from the Emotional Experience*. London, Karnac. *Fort- Da*, 7: 19-28.
- Dejours, C. (2001). *Le corps, d'abord. Corps biologique, corps érotique et sens moral*. Paris: Payot.
- Dunn, J. (2003). Have We Changed Our View of the Unconscious in Contemporary Clinical Work? *J. Amer.Psychoanal.Assn.*, 51:941-955.
- Durkin, H. (1964) *The group in depth*. New York: International UP.
- Eagle, M.N. (2011). From Classical to Contemporary Psychoanalysis. A Critique and Integration. In: *Conceptions of mind in contemporary psychoanalytic theories*. New York:

Routledge.

Etchegoyen, R.H. and Ahumada, J.L. (1990). Bateson and Matte-Blanco: bio-logic and bi-logic. *International Review of Psychoanalysis* 17: 493-502.

Ellman, S.J. and Moskowitz, M. (Eds.) (1998). *Enactment: Toward a New Approach to the Therapeutic Relationship*. New York: Jason Aronson.

Ellman, S.J., Moskowitz, M. (2008). A study of the Boston Change Process Study Group. *Psychoanalytic Dialogues* 18:812-837.

Ellman, S.J. (2010). *When theories touch: A historical and theoretical Integration of psychoanalytic thought*. London: Karnac Books.

Evans, D. (1996). *An Introductory Dictionary of Lacanian Psychoanalysis*. New York: Routledge.

Fairbairn, W.R.D. (1952). *Psychoanalytic Studies of the Personality*. London: Tavistock Publications.

Fabiani, M., Stadler, G. A., & Wessels, P. M. (2000), True but not false memories produce a sensory signature in human lateralized brain potentials. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2: 941-949.

Ferenczi, S. (1932-1991). *Diario Clínico*. São Paulo. Martins Fontes.

Ferenczi, S. (1949). Confusion of the tongues between the adults and the child (The language of tenderness and of passion). *Int J Psycho-Anal* 30: 225-230.

Fernando, J. (2009). *The processes of defense: trauma, drives, and reality -- a new synthesis*. Lanham, MD: Jason Aronson.

Fernando, J. (2012). Trauma and the zero process. *Canadian J Psychoanal* 20: 267 - 290.

Ferri, A.B. (2004). *From the Eclipse of the Body to the Dawn of Thought*. London: Free Association Books.

Ferro, A. (1998). *Nella Stanza D'Analise*. [Na sala de Analise.] Rio de Janeiro: Imago.

Ferro, A. (2004). L'étrange cas d'Hannibal Lecter et de son analyste Davy Crockett. *Revue française de psychanalyse* 68: 1481 – 1492.

Ferro, A. (2009). Transformations in dreaming and characters in the psychoanalytic field. *Internat. J. Psycho-Anal.*, 90: 209–230.

Ferro, A. and Basile, R. (2009). *The Analytic Field: A Clinical Concept*. London: Karnac

Books.

- Ferro, A. & Civitarese, G. (2016). Confrontation in the Bionian Model of the Analytic Field, *Psychoanalytic Inquiry*, 36:4, 307-322.
- Ferro, A. and Foresti, G. (2013). Bion and Thinking. *Psychoanal. Q.*, 82(2):361-391
- Fiorentini, G.; Frangini G.; Molone, P.; Mori Ubaldini, M.; Robutti, A.; Savoia, V. (2001). L'Inconscio nelle prospettive relazionali. *Rivista di Psicoanalisi*, 47: 51-75.
- Fonagy, P. (1999). Memory and therapeutic action. *Int J Psycho-Anal* 80 (2):215-223.
- Fosshage, J. (1997). The organizing functions of dreams. *ContempPsychoanal* 33 (3): 429-458.
- Fosshage, J. (2005). The explicit and implicit domains in psychoanalytic change. *Psychoanal Inq* 25 (4): 516-539.
- Fosshage, J. (2011a). How do we “know” what we “know?” And change what we “know?” *Psychoanal Dial* 21 (1): 55-74.
- Fosshage, J. (2011b). The use and impact of the analyst's subjectivity with empathic and other listening/experiencing perspectives. *Psychoanal Q* 80 (1): 139-160.
- Frank, A. (1969). The unrememberable and the unforgettable: passive primal repression. *Psychoanal Study Child Psychoanal* 24: 48-77.
- Freud, A. (1936). *The Ego and the mechanisms of defense*. New York: International UP.
- Freud, A. (1965). *Normality and pathology in childhood: assessment of development*. New York: International UP.
- Freud, S. (1892-1899). Extracts from the Fliess papers. SE 1:173-280.
- Freud, S. (1895). Project for scientific psychology. SE 1: 281-391.
- Freud, S. (1893). On the psychical mechanism of hysterical phenomena: A lecture. SE 3: 25-39.
- Freud, S. (1894). The neuro-psychoses of defense. SE 3: 41-61.
- Freud, S. (1896). Further remarks on the neuro-psychoses of defense. SE 3: 157-185.
- Freud, S. (1900a). The interpretation of dreams. SE 4: 1-338.
- Freud, S. (1900b). The interpretation of dreams. SE 5: 339-625
- Freud, S. (1901). *The Psychopathology of everyday life*. SE 6:1-279.
- Freud, S. (1905a). Fragment of an analysis of a case of hysteria. SE 7:1-122

Freud, S. (1905b). Three Essays on the Theory of Sexuality. SE 7: 123-246.

Freud, S. (1905c). Jokes and their relation to the unconscious. SE 8:9-236.

Freud, S. (1908a). Hysterical phantasies and their relation to bisexuality. SE 9: 155-166.

Freud, S. (1908b). Character and anal erotism. SE 9: 167-176.

Freud, S. (1909a). Analysis of a phobia in a five-year-old boy. SE 10:5-149.

Freud, S. (1909b). Notes upon a case of obsessional neurosis. SE 10:155-249.

Freud, S. (1910). A special type of choice of object made by men (Contributions to the psychology of love I). SE 11:165-175.

Freud, S. (1911a). Psychoanalytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia. SE 12: 1-84.

Freud, S. (1911b). The handling of dream interpretation in psycho-analysis. SE 12: 89-97.

Freud, S. (1911c). Formulations on the two principles of Mental Functioning. SE 12: 213-226.

Freud, S. (1912a). A note on the Unconscious in Psychoanalysis. SE 12: 255-266.

Freud, S. (1912b). Recommendations to physicians practicing psycho-analysis. SE 12:111-120.

Freud, S. (1913). The disposition to obsessional neurosis: a contribution to the problem of the choice of neurosis. SE 12: 313-326

Freud, S. (1912-1913). Totem and taboo. SE 13:1-162.

Freud, S. (1914a). Remembering, repeating, and working through. SE 12:145-156.

Freud, S. (1914b). On Narcissism: An Introduction. SE 14: 67-102.

Freud, S. (1914c). On the History of the Psycho-Analytic Movement. SE 14: 1-66.

Freud, S. (1915a). Instincts and their vicissitudes. SE 14: 109-140.

Freud, S. (1915b). Repression. SE 14: 141-158.

Freud, S. (1915c). The unconscious. SE 14: 159-215.

Freud, S. (1916-17 [1915-17]). The introductory lectures on psychoanalysis. SE 15: 15-240.

Freud, S. (1916-17). The introductory lectures on psychoanalysis. SE 16: 243-463.

Freud, S. (1917). A metapsychological supplement to the theory of dreams. SE 14: 217-235.

Freud, S. (1918). From the history of an infantile neurosis. SE 17: 1-124.

Freud, S. (1919). A child is being beaten. SE 17:175-204.

Freud, S. (1920). Beyond the pleasure principle. SE 18: 7-64.

- Freud, S. (1921). Group psychology and the analysis of the ego. SE 18: 65-144.
- Freud, S. (1922). Some neurotic mechanisms in jealousy, paranoia, and homosexuality. SE 18:223-232.
- Freud, S. (1923a). The ego and the id. SE 19:1–66.
- Freud, S. (1923b). Two encyclopaedia articles. SE 18: 235-262.
- Freud, S. (1924). Neurosis and psychosis. SE 19, p. 147-153.
- Freud, S. (1925a). An autobiographical study. SE 20:7-74.
- Freud, S. (1925h). Negation. SE 19, p. 235-36.
- Freud, S. (1926). Inhibitions, symptoms, and anxiety. SE 20:77-178.
- Freud, S. (1927). Fetishism. SE 21:152-157.
- Freud, S. (1930). Civilization and its discontents. SE 21:57-146.
- Freud, S. (1933). New introductory lectures on psycho-analysis. SE 22: 1–182.
- Freud, S. (1937a). Constructions in analysis. 23: 257-269.
- Freud, S. (1937b). Analysis terminable and interminable. SE 23:209-254.
- Freud, S. (1939). Moses and monotheism. SE 23: 6-137.
- Freud, S. (1940a). An outline of psycho-analysis. SE 23: 139-208.
- Freud, S. (1940b [1938]). Splitting of the ego in the process of defence. SE 23:275-278.
- Foulkes, S.H. (1948). Group analytic psychotherapy. London: William Heinemann Medical Books Ltd.
- Fromm, E. (1941). Escape from freedom. London: Farrar&Rinehart.
- Gabbard, G.O. & Westen, D. (2003). Rethinking therapeutic action. *Int.J.Psycho-Anal.*, 84: 823-841.
- Gaburri, E., Ambrosiano, L. (2003). *Ululare coi lupi. Conformismo e reverie*. Torino: Bollati Boringhieri.
- Gedo, J. (1979). *Beyond interpretation* New York: Int. Univ. Press.
- Gill, M. (1963). *Topography and systems in psychoanalytic theory*. New York: International UP.
- Gill, M. (1976). Metapsychology is not psychology. In: *Psychology Versus Metapsychology*. M. Gill & P. Holzman (eds.). New York: International UP, pp. 71–105.
- Gill, M. (1982). *Analysis of transference, vol. I: Theory and Technique*. Psychol. Issues,

- Monogr. 53. New York: International UP.
- Gill, M. and Hoffman, I.Z. (1982). *Analysis of transference*, vol. II: *Studies of Nine Audio Recorded Sessions*. Psychol. Issues, Monogr. 54. New York: International UP.
- Gill, M. (1994). *Psychoanalysis in transition: A Personal View*. Hillsdale, NJ: The Analytic Press.
- Gerson S (2004). The relational unconscious: A core element of intersubjectivity, thirdness, and clinical process. *Psychoanal. Q* 73: 63-98.
- Ginot, E. (2015). *The Neuropsychology of the Unconscious: Integrating Brain and Mind in Psychotherapy*, New York: WW Norton.
- Glass, J.M. (2008). Group phantasy: Its place in the psychology of genocide. *Int J Appl Psychoanal Stud* 5: 211-221.
- Goldberg, A. (1999). Between empathy and judgment. *J Amer Psychoanal Assoc* 47:351-365.
- Glatzer, H. (1953). Handling transference resistance in group therapy. *Psychoanal Rev* 40: 36-43.
- Gray, P. (1994). *The ego and the mechanisms of defense*. Northridge, NJ: Jason Aronson.
- Green, A. (1969). Sexualité et Idéologie chez Marx et Freud. *Etudes Freudiennes* 1-2: 187-217.
- Green, A. (1973). *Le discours vivant*, Paris: Presses Universitaires de France
- Green (1975). The Analyst, Symbolization and Absence in the Analytic Setting (On Changes in Analytic Practice and Analytic Experience). *Int J Psycho-Anal*, 56:1-25.
- Green, A. (1999). Consilience and rigour commentary by André Green. *Neuro-Psychoanal* 1:40-4.
- Green, A. (2008). *Orientações para uma Análise Contemporânea*. Rio de Janeiro: Imago.
- Green, A. (2002a). *Time in Psychoanalysis*. London. New York: Free Association Books.
- Green, A. (2002b). A Dual Conception of Narcissism: Positive and Negative Organizations. *Psychoanal Q.*, 71:631-649.
- Green, A. (2005) *Key Ideas for a Contemporary Psychoanalysis*. London. The New Library of Psychoanalysis.
- Greenberg, J. (1991). *Oedipus and beyond: A clinical theory*. Cambridge, MA: Harvard University

Press.

Grigsby, J. and Hartlaub, G. (1994). Procedural learning and the development and stability of character. *Perceptual Motor Skills*, 79: 355-370.

Grinberg, L. (1962). On A Specific Aspect of Countertransference due to the Patient Projective

Identification. *Int J Psychoanal* 43 :436-40.

Grotstein, J.S. (1978). Inner Space: Its Dimensions and Its Coordinates. *Int J of Psychoanal*, 59: 55-61.

Grotstein, J.S (1997). Bion the Pariah of “O”. *British Journal Of Psychotherapy*, 14: 77-90.

Grotstein, J.S. (2000). Who is the Dreamer who dreams the dream? A study of psychic presences. Hillsdale, NJ: The Analytic Press.

Grotstein, J.S. (2004a). “The Light Militia of the Lower Sky”: The Deeper Nature of Dreaming

and Phantasying. *Psychoanal. Dial.*, 14:99-118.

Grotstein, J.S. (2004b). The seventh servant: The implications of a truth drive in Bion's theory

of ‘O’. *Int. J. Psycho-Anal.*, 85:1081-1101.

Grotstein, J.S. (2005). Projective Transidentification: An Extension of the Concept of Projective Identification. *Int J Psychoanal* 86 :1051-69.

Grotstein, J. S.(2007). *A Beam of Intense Darkness*. London, Karnac.

Grotstein, J. S. (2008): *The Overreaching Role of Unconscious Phantasy*. *Psychoanalytic Inquiry*, 28: 190-205.

Grotstein, J. S. (2014). Personal Communication with Eva D. Papiasvili

Guignard, F. (1995). The Infantile In The Analytic Relationship. *Int. J. Psycho-Anal.*, 76:1083

1093.

Hatcher, R. L. (1990). [Review of relational concepts in psychoanalysis: An integration. *Psychoanal Books* 1: 127–136.

Hartmann, H. (1939). Ego psychology and the problem of adaptation. D. Rapaport (Trans. (New York: International UP

Hartmann, H., Kris, E. and Loewenstein, R.L. (1946). Comments on the formation of psychic structure. *Psychoanal Study Child* 2: 11-38.

- Heimann, P. (1950). On Countertransference. *Int J Psychoanal* 31 :81-4.
- Herron, W.G. (1995). Development of the ethnic unconscious. *Psychoanal. Psychol.* 12: 521-532.
- Hinshelwood, B. (2015). Neuroscience and the “science” of psychoanalysis letter to the editor. *Int J Psychoanal* 96:1677-1681.
- Horney, K. (1941). *Neurosis and human growth*. New York: Norton.
- Jacobson, E. (1964). *The self and the object world*. New York: International UP.
- Johnson, B. (2008). Just What Lies “Beyond the Pleasure Principle”? *Neuropsychoanalysis*, 10:201-212.
- Johnston, A., Malabou, C. (2013). *Self and Emotional Life: Philosophy, Psychoanalysis, and Neuroscience*. NY: Columbia University Press.
- Kahn, L. (2013). “If one only knew what exists!” In: Levine HB, Reed GS & Scarfone D, editors. *Unrepresented States and the Construction of Meaning. Clinical and Theoretical Contributions*. London: Karnac.
- Kaës, R. (ed) (1993). *Transmission de la Vie Psychique entre Générations*. Paris: Dunod.
- Kaës, R. (2010). Il lavoro dell'inconscio in tre spazi della realtà psichica. Un modello della complessità. *Rivista Psicoanal.*, 56: 671-685.
- Kaës, R. (2014). La Position Idéologique: Tyrannie de l'Idée, de l'Idéal et de l'Idole. *Canadian J. Psychoanal.* 22: 34-55.
- Kahn, L. (2014). *Le psychanalyste apathique et le patient postmoderne*. Paris: Editions de l'Olivier
- Kandel, E. (1998). A new intellectual framework for psychiatry. *Amer.J. Psychiat.*, 155: 457-469.
- Kandel, E. (1999). Biology and the Future of Psychoanalysis: A New Intellectual Framework for Psychiatry Revisited. *Amer. J. Psychiat.*, 156:505-524.
- Kanzer, M. (1971). *The Unconscious Today: Essays in honor of Max Schur*. New York: International Universities Press.
- Kaplan-Solms, K. and Solms, M. (2000). *Clinical Studies in Neuro-Psychoanalysis: Introduction of a Depth Neuropsychology*. London: Karnac.

Kauff, P.F. (2011). What Is Going On Inside? The Treatment of Political Prisoners and Trauma Victims: Individual and Societal Implications. *Internat J Group Psychotherapy* 61: 127-134.

Keene, J. (1998). Unconscious Logic: An Introduction to Matte-Blanco's Bi-logic and Its Uses. By Eric Rayner. *Int. J. Psycho-Anal.*, 79:1033-1040.

Kernberg, O.F. (1966). Structural Derivatives of Object Relationships. *Int J Psycho-Anal.* 47: 236-252.

Kernberg, O.F. (1994). Mass Psychology through the Analytic lens. In: *The Spectrum of Psychoanalysis. Essays in Honor of Martin Bergman*. Eds. AK Richards, AD Richards, Madison, C.T.: International UP.

Kernberg, O.F. & Ahumada, J. (2000). Bion, A Binocular View: Groups and Individuals. *Int J Psycho-Anal* 81:991-994.

Kernberg, O.F. (2003). Sanctioned Social Violence. *Int. J. Psycho-Anal* 84: 683-698.

Kernberg, O.F. (2015). Neurobiological correlates of object relations theory: The relationship between neurobiological and psychodynamic development. *Int Forum Psychoanal* 24 (1): 38-46.

Klein, G. (1976). *Psychoanalytic Theory*. New York: International UP.

Klein, M. (1935). A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states. *Int J Psycho Anal*, 16:145-174.

Klein, M. (1946). Notes on some schizoid mechanisms. *Int J Psychoanal*, 27:99–110. [(1996); also In: (1952). *Developments in Psychoanalysis*. London: Hogart Press.

Klein, M. (1952/1975). Some Theoretical Conclusions Regarding the Emotional Life of the Infant. In: *Envy and Gratitude and Other Works 1949-1963*. London: Hogarth Press.

Kohut, H. (1971). *The Analysis of the Self*. New York: International UP.

Kohut, H. (1977). *The Restoration of the Self*. New York: International UP.

Krause (2012). *Allgemeine Psychosomatische Behandlungen – und Krankheitslehre [General Psychosomatic Treatment – and Nosology]*. Stuttgart : Kohlhammer.

Kris, E. (1956a). On some vicissitudes of insight in psychoanalysis. In: Kris (1975), pp 252-271.

- Kris, E. (1956b). The personal myth: a problem in psychoanalytic technique. In: Kris (1975), pp. 272-300.
- Kris, E. (1956c). The recovery of childhood memories in psychoanalysis. In Kris (1975), pp 301-340.
- Kris, E. (1975). The Selected Papers of Ernst Kris. New Haven and London: Yale University Press.
- Lacan, J. (1959-60) The Seminar of Jacques Lacan, Book VII, The Ethics of Psychoanalysis, trans D. Porter, New York: Norton, 1992.
- Lacan, J. (1957-58). Le Séminaire, Livre V, Les formations de l'inconscient, Paris: Seuil 1998.
- Lacan, J. (1966 [1956]). Réponse au commentaire de Jean Hyppolite sur la 'Verneinung' de Freud. Écrits, Paris: Seuil, p. 387-88.
- Lacan, J. (1993) The Psychoses. The Seminar III of Jacques Lacan. (orig. work from 1955 1956) London: Routledge.
- Lacan, J. (1999). The limits of Love and Knowledge In: Encore. (orig. work from 1972-73). New York. W.W. Norton.
- Lacan, J. (2004). The instance of the letter in the unconscious. In: Ecrits. (orig. work from 1957.) (transl. B. Fink), New York: Norton. pp. 138-168.
- Langer, S. K. (1948). Philosophy in a new key: A study in the symbolism of reason, rite, and art. New York: Penguin.
- Laplanche, J. (1999a). The unfinished Copernican revolution. In: Essays on Otherness, pp. 52 83. (trans Thurston L), London and New York: Routledge.,.
- Laplanche, J. (1999b). Implantation, Intromission. IN: Laplanche, J. Essays on Othernes, s p.133-138. London and New York. Routledge.
- Laplanche, J. (1999c). The Unconscious and the Id. London. Rebus Press. (orig. work: 1981: Vol. IV, Problematique, Paris: PUF).
- Laplanche, J. (2011). Freud and the Sexual. The Unconscious in Translation. (House J, Ray N, Fletcher J, transl.(. London: International Psychoanalytic Books.
- Laplanche, J., Pontalis, J-B (1967/73). The Language of psycho-analysis. New York: Norton.
- Lebovici, S., Diaktine, R., Kestemberg, E. (1958). Bilan de dix ans de pratique

psychodramatique chez l'enfant l'adolescent. In : La Psychiatrie de l'enfant. Vol. I. Paris: PUF.

LeDoux J. E. (1992). Emotion as memory. In Handbook of Emotion and Memory, ed. S. Christianson. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp. 269-88.

LeDoux, J. (1996). The Emotional Brain. New York: Simon & Schuster.

Levine H.B. (2013). Comparing Field Theories. *Psychoanal. Dial.*, 23:667-673.

Lifton, R.J. (1993). Protean self: resilience in the age of fragmentation. New York: Basic Books.

Loewald, H.W. (1960). On the Therapeutic Action of Psycho-Analysis. *Int J Psycho-Anal* 41:16-33.

Loewald, H.W. (1971). On Motivation and Instinct Theory. *Psychoanal Study Child*, 26: 91-128.

Loewald, H.W. (1978). Instinct theory, object relations, and psychic-structure formation. *J Am*

Psychoanal Assoc 26:493-506.

Loewenstein, R. (1953 [1982]). Some remarks on defenses, autonomous ego, and psychoanalytic technique. In: *Practice and Precept in Psychoanalytic Technique*. pp. 40-51. New Haven, CT: Yale University Press.

Lombardi, R. (2000). Reflections on some of Matte-Blanco's and Ferarri's hypotheses. *Revista Psicoanal.*, 46: 683-7-6.

López-Ballestros, L. (1923). Sigmund Freud: Obras completas, vol. IV. Madrid: Biblioteca Nueva.

Luria, A.R. (1966). The Cortical Functions in Man. New York: Basic Books.

Luria, A.R. (1973). The Working Brain. Aylesbury: Penguin.

Lynch, A.A., Richards, A.D. and Bachant, J.L. (1997). Interaction in the transference / countertransference continuum. Presented at the 40 International Psychoanalytic

th

Association Congress. Barcelona, Spain.

Lynch, A.A. & Richards, A.D. (2010). Leo Rangell: The Journey Of A Developed Freudian. *Psychoanal Rev*, 97: 361-391.

Lyons-Ruth, K. (1998). Implicit relational knowing: its role in development and

psychoanalytic treatment. *Inf. Ment. Health Journ* 19: 282-289.

Lyons-Ruth, K. (1999). The two-person unconscious. Intersubjective dialogue, enactive relational representation and the emergence of new forms of relational organization. *Psychoanal.Inq.*, 19: 576-617.

Mahler, M.S. (1963). Thoughts about Development and Individuation. *Psychoanal. St. Child*, 18:307-324.

Mahler, M.S., Pine, F. and Bergmann, A. (1975). *The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and Individuation*. New York: Basic Books.

Malberg, N., Raphael-Leff, J. (2014). Introduction in Fairbairn and the Object Relations tradition. Edited by GS Clarke & DE Scharff. London: Karnac Books.

Mancia, M. (1980). *Neurofisiologia e vita mentale*. Bologna: Zanichelli.

Mancia, M. (2000). Sulle molte dimensioni della memoria: neuroscienze e psicoanalisi. *Psiche*, VIII, 2:181-193.

Mancia, M. (2006a). *Psychoanalysis and Neuroscience*. Milan: Springer.

Mancia, M. (2006b). Implicit Memory and Early Unrepressed Unconscious: their Role in the Therapeutic Process (How the Neurosciences can contribute to Psychoanalysis). *Int J Psychoanal*, 87: 83-103.

Mancia, M. (2007). L'Inconscio e la sua storia. *Psiche* 1: 35-50.

Martini, G. (2005). *La sfida dell'irrepresentabile*. Franco Angeli: Milano.

Matte-Blanco, I. (1959). Expression in symbolic logic of the characteristics of the system Ucs, or the logic of the system Ucs. *Int J Psycho-Anal*, 40: 1-5.

Matte-Blanco, I. (1975). *The unconscious as Infinite Sets: An Essay in Bi-Logic*. London, Duckworth.

Matte-Blanco, I. (1988). *Thinking, feeling and being*. London, Routledge.

McKenzie, R. (1992). *The Classics in Group Psychotherapy*. The Guilford Press: New York.

Mom, J. (1980). *Aportaciones al Concepto de Objeto en Psicoanálisis*. Buenos Aires. Amorrortu.

Newirth, J. (2003). *Between Emotion and Cognition: The Generative Unconscious*. New York: Other Press.

- Neyraut, M. (1978). *Les Logiques de l'Inconscient*. Paris: Hachette
- Nitsun, M. (1996). *The Antigroup: Destructive Forces in the Group and their Creative Potential*. London: Routledge.
- Ogden, T. (1980). On the nature of schizophrenic conflict. *Int J Psycho-Anal* 61: 513–33.
- Ogden, T.H.(1982). *Projective Identification and Psychotherapeutic Technique* New York: Jason Aronson.
- Ogden, T.H. (1992a). The dialectically constituted/decentred subject of psychoanalysis. I. The Freudian subject. *Int J Psycho-Anal* 73: 517–526.
- Ogden, T.H. (1992b). The dialectically constituted/decentred subject of psychoanalysis. II. The contributions of Klein and Winnicott. *Int J Psycho-Anal* 73: 613–626..
- Ogden, T. (1994). The Analytical Third: Working with Intersubjective Clinical Facts. *Int J. Psycho-Anal.* 75: 3-20.
- Ogden, T.H. (2003). What's true and whose idea was it?. *Int. J. Psycho-Anal.*, 84:593-606.
- Ogden, T.H. (2005). What I Would Not Part With. *Fort Da*, 11:8-17.
- Ogden, T. (2007). On Talking-as-dreaming. *Int. J. Psycho-Anal.* 88:575-589.
- Panksepp, J. (1999). Drives, Affects, Id Energies, and the Neuroscience of Emotions. Response to the Commentaries by Jaak Panksepp. *Neuropsychoanal* 1:69-89.
- Papiasvili, E.D. (1995). Conflict In Psychoanalysis and In Life. *Int. Forum Psychoanal.*, 4:215-220.
- Papiasvili, E.D. (2011). Sibling Transference Phenomena in Experiential Process Groups. *Group* 35:289-303.
- Papiasvili, E.D. and Mayers, L.A. (2013). Perceptions, Thoughts and Attitudes in the Middle Ages. In: *Abnormal Psychology Across the Ages*. Vol. 1: pp.15-31. Plante, T. (Ed.), Oxford: Praeger.
- Papiasvili, E.D. (2014). The Contemporary Relevance of Sándor Ferenczi's Concept of Identification with the Aggressor to the Diagnosis and Analytic Treatment of Chronic PTSD. *Psychoanal Inq* 34: 122-134.
- Papiasvili, E.D. (2015). Translational Aspects of Interpretation Today: A Dynamic and Developmental View. *Psychoanal Inq*, 38: 88-101.
- Papiasvili, E.D. and Mayers, L.A. (2014). Specific Educational Practices for Girls and Boys in

Relation to the Prevailing Perceptions, Thoughts, and Attitudes in the Middle Ages: A Psychoanalytic Hypothesis. Featured Lecture, 37th annual convention of the International Psychohistory Association, New York, June 4-6, 2014.

Papiasvili, E.D. and Mayers, L.A. (2016). Two Medieval Lives: Hildegard of Bingen and William Marshal. *Clio's Psyche*, 22: 300-307.

Peirce, C.S. (1894). "What is a sign?" in *The Essential Peirce*, vol. II (1893-1913), (Edited by the Peirce Edition Project) Bloomington: Indiana University Press, 1998, pp. 4-10.

Pichon-Rivière, E. (1977). *Obras Completas*. Buenos Aires: Nueva Visión.

Pontalis, J.B. (2001). *Ce temps qui ne passe pas*. Gallimard: Paris.

Pulver, S.E. (2003). On the astonishing clinical irrelevance of neuroscience. *J Am Psychoanal Asso*, 51:755-772.

Racker, H. (1953). A Contribution to the Problem of Countertransference. *Int J PsychoAnal*, 34 :313-24.

Racker, H. (1957). The meanings and uses of countertransference. *Psychoanal Q* 26:303-357.

Rangell, L. (1963a). The Scope of Intrapsychic Conflict—Microscopic and Macroscopic Considerations. *Psychoanal Study Child* 18:75-102.

Rangell, L. (1963b). Structural Problems in Intrapsychic Conflict. *Psychoanal Study Child*, 18:103-138.

Rangell, L. (1967). Psychoanalysis, Affects, and the 'Human Core'—On the Relationship of Psychoanalysis to the Behavioral Sciences. *Psychoanal Q*, 36:172-202.

Rangell, L. (1969a). The Intrapsychic Process and its Analysis—A Recent Line of Thought and its Current Implications. *Int J Psycho-Anal*, 50:65-77.

Rangell, L. (1969b). Choice-Conflict and the Decision-Making Function of the Ego: A Psychoanalytic Contribution to Decision Theory. *Int J Psychoanal*, 50:599-602.

Rangell, L. (1971). The Decision-Making Process: A Contribution from Psychoanalysis. *Psychoanal Study Child*, 26:425-452.

Rangell, L. (2004). *My life in theory*. New York: Other Press.

Rangell, L. (2007). *The road to unity in psychoanalytic theory*. New York: Aronson.

Rapaport, D. and Gill, M. M. (1959). *The Points of View and Assumptions of Metapsychology*.

- Int J Psycho-Anal 40: 153-162.
- Rayner, E. (1981). Infinite experiences, affects and the characteristics of the unconscious. Int J Psycho-Anal, 62: 403-412.
- Rayner, E. (1995). Is there any logic in feelings? An introduction to Matte-Blanco's theory of emotions. British J Psychotherapy, 12: 242-250.
- Reid, W. (1999). Le cadre analytique revisité. Filigrane 8:33-48.
- Reid, W. (2008a). Un nouveau regard sur la pulsion, le trauma et la méthode analytique. Première partie : Une théorie de la psyché. Filigrane 17(1): 68-94.
- Reid, W. (2008b). Un nouveau regard sur la pulsion, le trauma et la méthode analytique. Deuxième partie : une théorie de la méthode. Filigrane 17(2): 70-98
- Reich, W. (1931a). Character Formation and the Phobias of Childhood. Int J Psycho-Anal 12: 219-230.
- Reich, W. (1931b). The Characterological Mastery of the Oedipus Complex. Int J Psycho Anal 12: 452-467.
- Reik, T. (1948). Listening with the Third Ear. Farrar, New York. Straus and Company.
- Reiner, A. (2012). Bion and Being. Passion and the Creative Mind. London, Karnac.
- Rey, H. (1976). The Unconscious as Infinite Sets: An Essay in Bi-Logic, book review. Int. J. Psycho-Anal., 57:491-496.
- Richards, A.D. (1992) Unconscious fantasy: an introduction to the work of Jacob Arlow. J Clin. Psychoanal. 1:505-512.
- Richard, A.D. (1986). Introduction in: Psychoanalysis, the Science of Mental Conflict: Essays in Honor of Charles Brenner. (Arnold Richards and Martin Willick, eds.). Hillsdale, N.J.: The Analytic Press. Richards, A.D. and Lynch, A.A. (2010). From Ego Psychology to Contemporary Conflict Theory: A Historical Overview. In: Ellman S (ed.) (2010) When Theories Touch. London: Karnac Books.
- Richards, A.K. and Richards, A.D. (2000). Benjamin Wolstein and Us: Many Roads Lead to Rome. Contemporary Psychoanal 36: 255 – 265.
- Rice, A.K. (1969) Individual, Group, and Intergroup Processes. Human Relations 22:565-584.
- Rothstein, A. (2005). Compromise Formation Theory: An Intersubjective Dimension. Psychoanal Dial 15:415-431.

- Rosolato, G. (1969). *Essais sur le symbolique*. Paris: Gallimard.
- Sandler, J., Sandler, A. (1984). The past unconscious, the present unconscious and interpretation of transference. *Psychoanal Inq* 4:367-399.
- Sandler, J. (1976). Dreams, Unconscious fantasies and identity of perception. *Int Rev Psychoanal* 3:33-42.
- Sandler, J., Sandler, A. (1987). The past unconscious, the present unconscious and the vicissitudes of Guilt. *Int J Psycho-anal* 68:341=341.
- Sandler, J., Sandler, A. (1994). The past unconscious and the present unconscious: a contribution to a technical frame of reference. *Psychoanal St Child* 49: 278-292.
- Sandler, J., Rosenblatt, B. (1962). The Concept of the Representational World. *Psychoanal St Child* 17:128-145.
- Scarfone, D. (2006). A matter of time: Actual time and the production of the past. *Psychoanal Q* 75L 807-834.
- Scarfone, D. (2014a). L'impassé, actualité de l'inconscient, in : *L'actuel en psychanalyse*, Bulletin de la Société Psychanalytique de Paris, Paris: PUF.
- Scarfone, D. (2014b). The Work of Remembering and the Revival of the Psychoanalytic Method. *Int. J. Psycho-Anal.*, 95:965-972.
- Scarfone, D. (2016a). Enactive cognition, time, and the unconscious. *Psychoanal Inq*. In press.
- Scarfone, D. (2016b). El inconsciente que habla y el inconsciente de que hablamos. *Caliban*. In press.
- Schafer, R. (1976). *A new language for psychoanalysis*. New Haven and London: Yale Univ Press
- Schore, A.N. (2003). *Affect Regulation and the Repair of the Self*. New York: Norton.
- Schur, M. (1966). *The id and the regulatory principles of mental functioning*. New York: International UP.
- Shevrin, H. (1994). The Uses and Abuses of Memory. *J Amer Psychoanal Assoc* 42:991-996.
- Shevrin, H. (1997). Commentaries. *J Am Psychoanal. Assoc* 45:746-753.
- Shevrin, H. (1999). University of Michigan: Program of research on Unconscious Processes. *Neuropsychanal* 1:287-288.
- Shevrin, H. (2002). A Psychoanalytic View of Memory in the Light of Recent Cognitive and

Neuroscience research. *Neuropsychoanal* 4:131-139.

Shevrin, H., and Dickman, S. (1980). The psychological unconscious: A necessary assumption

for all psychological theory? *Amer. Psychologist*, 35:421-434.

Shevrin, H., Williams, W. J., Marshall, R. E., Hertel, R. K., Bond, J. A., & Brakel, L. A. (1992).

Event-related potential indicators of the dynamic unconscious. *Consciousness Cognition*, 1:340-366.

Shevrin, H., Bond, J. A., Brakel, L. A., Hertel, R. K., & Williams, W. J. (1996). *Conscious and*

Unconscious Processes: Psychodynamic, Cognitive, and Neurophysiological Convergences. New York: Guilford Press.

Shevrin, H., Snodgrass, M., Brakel, L., Kushwaha, R., Kailada, N., Basan, A. (2013).

Subliminal unconscious conflict alpha power inhibits supraliminal conscious symptom experience. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7: 544. Doi:10.3389/00544.

Siegel, D.J. (1999). *The Developing Mind: Towards a Neurobiology of Interpersonal Experience*. New York: The Guilford Press.

Siegel, D.J. (2007). *The Mindful Brain*. New York: Norton.

Slavson, S.R. (1947). *General Principles and Dynamics. Practice of Group Therapy*. New York: International UP.

Solms, M. (1997). *The Neuropsychology of Dreams*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

Solms, M. (2000a). Freud, Luria and the Clinical Method. *Psychoanal Hist* 2: 76-109.

Solms, M. (2000b). Dreaming and REM sleep are controlled by different brain mechanisms. *Behavioral and Brain Sciences* 23: 843-850.

Solms, M., Turnbull, O.H. (2011). What is Neuropsychoanalysis? *Neuropsychoanal* 13:133-145.

Spitz, R. (1957). *No and Yes – The genesis of human communication*. New York: International UP.

Stein, R. (2008). The otherness of sexuality: excess. (2008). *J Am Psychoanal Assoc*, 56:43-71.

Stern, D.B. (1997), *Unformulated Experience: From Dissociation to Imagination in:*

Psychoanalysis. Hillsdale, NJ: The Analytic Press.

Stern, D. N. (1985). *The Interpersonal World of the Infant*. New York: Basic Books

Stern, D.N., Sander, L., Nahum, A., Harrison, A., Bruschiweiler-Stern, N., and Tronick, E. (1998). Noninterpretive mechanisms in psychoanalytic therapy. *Int J Psycho-Anal* 79: 903-921.

Stone, L. (1961). *The Psychoanalytic Situation*. New York: International UP.

Stolorow, R. and Atwood, G. (1992). *Contexts of Being: The Intersubjective Foundations of Psychological Life*. Hillsdale, NJ: The Analytic Press.

Sullivan, H.S. (1953). *The interpersonal theory of psychiatry*. New York: Norton.

Toth, Cicchetti, Rogosch und Sturge-Apple (2009) [see p. 52]

Uhlhaas, P.J., Pipa, G., Lima, B., Melloni, L., Neuenschwander, S., Nikolic, D., and Singer, W. (2009). Neural synchrony in cortical networks: History, concept and current status. *Frontiers Integrative Neuroscience*, 3:17.

Villa, Brakel, Shevrin and Bazan (2008) [see p. 48]

Villa, Shevrin, Snodgrass, Bazan and Brakel (2006) [see p. 49]

Volkan, V.D. (1988). *The Need to Have Enemies and Allies: From Clinical Practice to International Relationships*. Northvale, NJ: Aronson.

Volkan, V.D. (1999). *Das Versagen der Diplomatie*. Giessen : Psychosozial-Verlag.

Wang, M. (1959). The Structural Determinants of a Phobia: A Clinical Study. *J Am Psychoanal Assoc* 7:675-695.

Warrington, E.K., Weiskrantz, L. (1974). The Effect of Prior Learning on Subsequent Retention in Amnesia Patients. *Neuropsychologia*, 12: 199-210.

Weinstein, L. (2007). When sexuality reaches beyond the pleasure principle: Attachment repetition and infantile sexuality. In: *Attachment and Sexuality*, ed. D. Diamond, S. Blatt, & J. Lichtenberg. New York: Analytic Press.

Weinstein, L. (2008). Commentary on “Is There a Drive to Love?”. *Neuro-Psychoanalysis*, 10(2):178-182.

Wilner, A. and Aubé, M. (2014). A convergent neurological and psychoanalytic view of the concept of regression and mental structure in a case of NMDA receptor encephalitis. *Neuropsychanal DOI: 10. 1080/15294145.2014.973437*.

- Winnicott, D.W. (1949). Mind and its Relation to the Psyche-Soma. In *Through Paediatrics to Psycho-Analysis*. London: Hogarth Press, pp 243-254 (1978).
- Winnicott, D.W. (1953). Transitional objects and transitional phenomenon., *Int J Psychoanal* 34:89-97.
- Winnicott, D.W. (1960). The theory of the parent-infant relationship. *Int. J. Psycho-Anal.* 41: 585-595.
- Wolf, A. Schwartz, E.K. (1959). Psychoanalysis in Groups: The Role of Values. *Am J Psychoanal.* 19:37-52
- Wright, J.S. and Panksepp, J. (2014). An evolutionary framework to understanding foraging, Wanting and Desire: The Neuropsychology of the SEEKING System. *Neuropsychoanal* 14:5-39.
- Yamamoto, J., Suh, J., Takeuchi, D., Tonegawa, S. (2014). Successful execution of working memory linked to synchronized high-frequency gamma oscillations. *Cell* 157:845-857.
- Yovell, Y., Solms, M., Fotopoulou, A. (2015). The case for neuropsychanalysis: Why a dialogue with neuroscience is necessary but not sufficient for psychoanalysis. *Int J Psycho Anal*, 96:1515-1553.
- Zimerman, D. (2008). *Vocabulário Contemporâneo de Psicanálise*. Porto Alegre: Arte M.

Региональные консультанты

Европа: Cono Aldo Barnà, MD; Judy Gammelgaard, Professor, Dr. Phil; Maria Ponsi, MD

Латинская Америка: Dr. Jose Renato Avzaradel, Training Analyst

Северная Америка: Fred Busch, PhD; Allannah Furlong, PhD; Daniel Traub-Werner, MD; (Consultants). G. Abelin-Sas, MD; M. Anderson, MD; J.L. Bachant, PhD; F. Baudry, PhD; L. Brown, PhD; I. Cairo, MD; D. Carveth, PhD; E. Debbane, MD; J. Fernando, PhD; J.L. Fosshage, PhD; A. Harris, PhD; L. Kirshner, MD; H.B. Levine, MD; C. Lovett, PhD; A.A. Lynch, PhD; M. Meloche, MSW; R. Oelsner, PhD; E.D. Papiasvili, PhD; G.S. Reed, PhD; W. Reid, MD; A. Reiner, PhD; A.D. Richards, MD; A.K. Richards, CSW; D. Scarfone, MD; R. Sosnik, MD; A. Wilner, MD (Writers, Advisers)

Межрегиональный сопредседатель: Eva D. Papiasvili, PhD, ABPP

Межрегиональный энциклопедический словарь психоанализа лицензирован Creative Commons CC-BY-NC-ND. Права остаются у авторов (у МПА и авторов-членов МПА), тем не менее данные материалы могут использоваться в некоммерческих целях, при этом обязательны ссылка на МПА (включая URL адрес [www.ipa.world/IPA/Encyclopedic Dictionary](http://www.ipa.world/IPA/Encyclopedic_Dictionary)) и дословное воспроизведение без изменений, поправок и сокращений. Пожалуйста, пройдите по ссылке для ознакомления с условиями.

Перевод осуществлен членами Московского психоаналитического общества

Переводчики: Татьяна Драбкина (Tatyana Drabkina), Гиль Сон И (Gil Son I), Ольга Исакова (Olga Isakova), Майя Немировская (Maya Nemirovskaya)

Редакторы: Татьяна Алавидзе (Tatiana Alavidze) и Марина Арутюнян (Marina Arutyunyan)